Г. В. ЧИЧЕРИНА

КАК НАЧАЛОСЬ ДЕЛО ПРОСВЕЩЕНИЯ ВОСТОКОВЕДОВ

2
У 236

9/2
236

С. В. ЧИЧЕРИНА.

Какъ началось дѣло просвѣщенія восточныхъ инородцевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1907.

И 2
236

С. В. ЧИЧЕРИНА.

Какъ началось дѣло просвѣщенія восточныхъ инородцевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1907.

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1907 годъ.

2007059333

I.

Восточныя губерніи Европейской Россіи изстари были заселены инородческими племенами—финнами и тюрками. Эти инородцы исповѣдывали языческую шаманскую вѣру и только немногіе изъ нихъ были магометанами.

Въ XIV вѣкѣ основывается Казанское царство и магометанская вѣра постепенно получаетъ перевѣсъ въ краѣ.

Затѣмъ Казанское царство падаетъ и въ этотъ дикій край проникаетъ русское вліяніе.

Въ концѣ XVI вѣка казанскій архіепископъ Гурій и его сподвижники начинаютъ распространять христіанство среди язычествующихъ инородцевъ и крещеные ими татары извѣстны впослѣдствіи подъ именемъ „старокрещеныхъ“.

Но послѣ смерти этихъ первыхъ христіанскихъ просвѣтителей крещеные инородцы были предоставлены самимъ себѣ и остались безъ всякаго духовнаго руководства. Они еще не успѣли утвердиться въ вѣрѣ, церквей было мало, священники не понимали языка своихъ прихожанъ и совершали богослуженіе на непонятномъ для нихъ языкѣ, школъ и переводовъ молитвъ на инородческіе языки не было ни въ XVI, ни въ XVII вѣкѣ.... вслѣдствіе этого старокрещеные татары, хотя и назывались христіанами, но на самомъ дѣлѣ оставались язычниками.

Въ XVIII вѣкѣ правительство снова усердно принялось за крещеніе инородцевъ, но для этого дѣла не было достаточно подготовленныхъ людей. Не умѣя воздѣйствовать на народъ путемъ проповѣди, инородцевъ привлекали матеріальными выгодами, напримѣръ, освобожденіемъ отъ податей, которыя снимались съ новокрещеныхъ и перекладывались на язычниковъ.

Рядомъ съ этимъ давали и другія льготы.

Количественно достигнуты были значительные результаты—огромное большинство инородцевъ приняло православіе. Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить, что иногда инородцы привлекались къ православію не только вышеупомянутыми льготами, но и карательными мѣрами. Послѣдствіемъ всего этого было чисто внѣшнее принятіе христіанства, и эти „новокрещеные“ стали постепенно отпадать въ исламъ.

Въ XVIII вѣкѣ въ Казани появляется первая инородческая школа, подъ именемъ новокрещенской. Но эта школа мало оказывала вліянія на населеніе. Преподаваніе велось схоластически; какого бы то ни было приспособленія къ инородцамъ по состоянію тогдашней педагогики, конечно, ожидать было нельзя.

Изъ инородческихъ переводовъ того времени сохранились лишь кантаты въ честь императрицы Екатерины II на языкахъ татарскомъ, чувашскомъ, черемисскомъ, мордовскомъ и вотскомъ.

Однако эта новокрещенская школа въ царствованіе же Екатерины по недостатку средствъ временно была закрыта. Но средствъ для ея возобновленія не оказалось, и впослѣдствіи самыя зданія школы за ветхостью были разобраны въ 20-хъ годахъ XIX вѣка.

Лишь въ 1872 году школа возникла вновь на этомъ самомъ мѣстѣ подъ именемъ Казанской учительской семинаріи.

Независимо отъ вышеупомянутой новокрещенской школы, въ 40-хъ годахъ XIX вѣка, когда стали открываться школы для русскаго сельскаго населенія, таковыя стали устраиваться и среди инородцевъ. Особенно много школъ было открыто среди чувашъ Симбирской губерніи, благодаря заботливости удѣльнаго вѣдомства. Но преподаваніе велось, конечно, на русскомъ языкѣ, непонятномъ ученикамъ, которые съ величайшимъ трудомъ усваивали русскую грамоту. Ихъ загоняли въ школу насильно, но тамъ они пріобрѣтали очень мало познаній и по окончаніи курса снова сливались съ темной народной массой. Самые способные изъ учениковъ отторгались отъ своей среды, поступали на службу въ качествѣ, напримѣръ, волостныхъ писарей, и тамъ спивались, научались брать взятки и роняли значеніе школъ въ глазахъ своихъ одноплеменниковъ.

Духовное вѣдомство, послѣ закрытія Казанской новокрещенской школы, стало принимать инородцевъ, въ видахъ подготовленія ихъ къ священству, въ духовныя училища и семинаріи. Но здѣсь инородцы учились плохо, потому что схоластическій семинарскій курсъ того времени, трудный для дѣтей русскаго духовенства, былъ для ино-

родцевъ, едва знающихъ русскій языкъ, совершенно непреодолимъ. Вслѣдствіе этого тогдашніе педагоги стали сначала считать инородцевъ тупицами, а потомъ пришли къ заключенію, что они совершенно неспособны къ развитію и перестали ихъ принимать въ учебныя заведенія.

Одновременно съ этой мѣрой сдѣланы были попытки ввести преподаваніе инородческихъ языковъ для русскихъ учениковъ нѣкоторыхъ духовныхъ семинарій. Но эти мѣры не дали никакихъ результатовъ: такъ, за 100 лѣтъ существованія каѳедры калмыцкаго языка при Астраханской семинаріи, калмыцкому языку выучился лишь одинъ воспитанникъ, О. Парменъ Смирновъ, но, по нѣкоторымъ отзывамъ, и то плохо.

Иначе, впрочемъ, и не могло быть. Въ духовной семинаріи лучшіе воспитанники, конечно, стремятся поступить въ академію и вообще стараются кончить курсъ возможно выше по списку; поэтому все ихъ вниманіе обращено на главные предметы. Инородческій языкъ, который можетъ пригодиться лишь въ случаѣ неудачнаго окончанія курса при назначеніи въ бѣдный инородческій приходъ, не могъ и не можетъ интересовать учениковъ. Неудачникамъ же, которымъ больше всего угрожала возможность назначенія въ инородческій приходъ, было не до добавочныхъ предметовъ. Поэтому семинаристы кое-какъ отбывали повинность инородческихъ уроковъ и работали надъ главными предметами.

Столь же ничтожные результаты дало преподаваніе инородческихъ языковъ и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, напримѣръ, въ Казанской гимназіи и въ кадетскихъ корпусахъ.

Высшее правительство сознавало необходимость принять серьезныя мѣры къ распространенію христіанства среди инородцевъ и, подъ вліяніемъ западныхъ идей, озаботилось изданіемъ переводовъ священнаго писанія на разные инородческіе языки. Епархіальнымъ архіереямъ предписано было приготовить переводы: казанскому архіерею—на языки татарскій и чувашскій, нижегородскому—на мордовскій, вятскому—на вотскій и черемисскій.

Эти переводы и были напечатаны въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ, но научно подготовленныхъ переводчиковъ не было, матеріаловъ для изученія этихъ языковъ ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ не существовало. Переводы были исполнены совершенно механически; текстъ переводился слово въ слово безъ пониманія необходимости приноровить его къ своеобразному синтаксису инородческихъ

языковъ. Переводчики не имѣли никакого представленія о томъ, что въ разныхъ языкахъ существуютъ разные синтаксисы; они стремились исключительно къ буквальности перевода. Внѣшнимъ признакомъ неудовлетворительности этихъ переводовъ служитъ введеніе въ инородческую рѣчь русскихъ мѣстоименій и союзовъ, безъ которыхъ переводчики не могли обойтись, потому что въ инородческихъ языкахъ опредѣлительныя и дополнительныя предложенія выражаются исключительно причастными формами. Вслѣдствіе таковыхъ особенностей этихъ переводовъ всѣ они оказались для народа совершенно безполезными.

Такимъ образомъ въ половинѣ XIX-го столѣтія, когда начались массовыя отпаденія крещеныхъ инородцевъ въ магометанство, въ рукахъ русскаго правительства не было ни духовенства, знающаго инородческіе языки, ни богослуженія на этихъ языкахъ, ни переводовъ, ни правильно поставленныхъ школъ.

Что же за это время сдѣлано было мусульманствомъ?

Исламъ, проникшій первоначально въ IX вѣкѣ на территорію нынѣшней Казанской губерніи въ существовавшее тогда Болгарское царство, былъ сильно ослабленъ или почти уничтоженъ нашествіемъ монголовъ—язычниковъ.

Затѣмъ исламъ вновь появляется въ волжскомъ краѣ, какъ религія хана Золотой Орды.

Но несомнѣнно, что магометанское наслоеніе было самымъ поверхностнымъ. Масса народа только считалась магометанской, жила же языческой вѣрой. Эта старинная татарская языческая вѣра, несомнѣнно, лежала въ основѣ и міросозерцанія и быта казанскихъ татаръ въ періодъ ихъ подчиненія Россіи. Татары, окрещеные архіепископомъ Гуріемъ и извѣстные подъ названіемъ „старокрещеныхъ“, были обращены имъ собственно изъ язычества. Православіе ихъ отдѣлило и какъ бы прикрыло съ самаго начала отъ ислама. Поэтому по крещенымъ татарамъ, каковыми они были въ XVI вѣкѣ и сохранились до половины XIX вѣка, и можно судить о томъ, каковыми были татары мусульмане во время присоединенія Казани.

Языческія вѣрованія сохранились не у однихъ только крещеныхъ инородцевъ; они долго сохранялись и у мусульманъ.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по недоразумѣнію русской администраціи, принимались полицейскія мѣры противъ празднованія мусульманами языческаго праздника Зеина; праздникъ этотъ въ Казанской губ. теперь больше не соблюдается, но празднуется у мусуль-

манъ Уфимской губерніи, которые вообще менѣе истовые мусульмане, чѣмъ казанскіе татары. Но и до настоящаго времени можно находить слѣды язычества у казанскихъ магометанъ. Такъ я сама видѣла въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи близъ магометанскаго селенія Сауши невспаханное круглое мѣсто среди поля—по полукругу съ каждой стороны дороги,—и мнѣ объяснили, что это прежняя кереметь. Тамъ уже не молятся, но распахать это мѣсто еще не рѣшаются.

Татары, крещеные въ XVIII вѣкѣ, извѣстны подъ именемъ *новокрещеныхъ*; изъ нихъ большинство впослѣдствіи отпало въ исламъ.

Подробныя свѣдѣнія объ отпаденіяхъ имѣются въ представленіи исправляющаго должность казанскаго губернатора вице-губернатора Е. А. Розова отъ 5-го декабря 1866 года за № 5505. Послѣ подробнаго изложенія отступническаго движенія въ цѣломъ рядѣ селеній Казанской губерніи Е. А. Розовъ дѣлаетъ слѣдующіе общіе выводы.

„Не ограничиваясь только объявленіемъ всѣмъ помянутымъ отступникамъ на поданныя ими прошенія Высочайшей воли, я старался раскрыть причины, вслѣдствіе которыхъ возникло стремленіе крещеныхъ татаръ къ переходу въ магометанство. Причины эти слѣдующія:

1) Племенное родство крещеныхъ татаръ съ магометанами, единство языка и всестороннее на нихъ вліяніе магометанства; 2) совершенное равнодушіе русскаго православнаго духовенства къ религіозному образованію крещеныхъ татаръ и 3) дѣятельная пропаганда магометанъ въ распространеніи исламизма.

Въ Казанской губерніи всѣхъ вообще татаръ считается 446.556 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 44.000—крещеныхъ. По характеру своему татары народъ живой, дѣятельный и изворотливый, а по образованію они не только выше всѣхъ инородцевъ Казанской губерніи, но даже болѣе развиты, чѣмъ русскій крестьянинъ, удаленный отъ прибрежья Волги и Камы. Въ каждой татарской деревнѣ, даже самой незначительной, есть мечеть и указный мулла, который вмѣстѣ съ своими женами учитъ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ-магометанокъ, читать, писать и даетъ имъ религіозное понятіе. Большинство муллъ ведетъ жизнь вполнѣ согласную съ предписаніями Корана, въ манерахъ своихъ приличны и строги и, имѣя по Шаріату право рѣшать споры по имуществу, пользуются въ средѣ магометанъ заслуженнымъ уваженіемъ.

Крещеные татары Казанской губерніи раздѣляются на старокрещеныхъ и новокрещеныхъ; первыхъ считается 27.901, а послѣднихъ

16.099 душъ. Старокрещеные приняли христіанскую вѣру въ XVI и XVII столѣтіяхъ, а новокрещеные въ позднѣйшее время, и изъ этихъ послѣднихъ многіе принимали христіанскую вѣру въ видахъ освобожденія отъ рекрутской повинности, не имѣя ни малѣйшаго понятія о христіанской религіи. Всѣ крещеные татары, подававшіе прошенія о дозволеніи имъ исповѣдывать магометанство, за исключеніемъ кибякъ-козицевъ Лаишевскаго уѣзда и елышевцевъ Мамадышскаго уѣзда, принадлежатъ къ новокрещенымъ татарамъ и живутъ въ мѣстностяхъ, преимущественно населенныхъ магометанами, чаще въ однѣхъ деревняхъ съ ними и при томъ въ самомъ незначительномъ меньшинствѣ. Такое разселеніе крещеныхъ татаръ между татарами магометанами могло бы сопровождаться самыми выгодными послѣдствіями въ дѣлѣ распространенія христіанства, если бы они были вполнѣ знакомы съ ученіемъ православной церкви, но, къ сожалѣнію, они не имѣютъ никакого понятія объ ученіи Іисуса Христа, и не только не сдѣлались миссіонерами христіанства, но, находясь въ средѣ магометанства, поглощены имъ и отступили отъ православія. Вслѣдствіе этого домашній бытъ и костюмъ ихъ чисто татарскіе, они брѣютъ голову и носятъ тюбетейки, что, по понятію крещеныхъ татаръ и магометанъ, составляетъ рѣшительный признакъ и какъ бы символъ магометанства.

Татары-магометане отличаются вообще ревностію къ своей вѣрѣ и замѣчательнымъ духомъ пропаганды, которая принадлежитъ не только муллamъ, но почти каждому магометанскому лицу, какого бы званія и пола оно ни было. Эта ревность къ поддержанію и распространенію своей вѣры въ магометанахъ поддерживается огромнымъ развитіемъ среди татаръ магометанской грамотности. Для простодушныхъ крещенцевъ, при единствѣ языка татарскаго, магометанство можетъ быть привлекательно своими омовеніями, чинностію при богослуженіи, набожными легендами, наконецъ, наружнымъ благочестіемъ въ манерахъ и рѣчахъ, обыкновенными у татарскихъ муллъ, начетчиковъ и начетницъ,—словомъ, все такими же сторонами, какими русскіе простолюдины увлекаются къ расколу и расколоучителямъ.

Такимъ образомъ крещеные татары съ малолѣтства привыкаютъ къ обычаямъ и дѣйствіямъ магометанскимъ, усваиваютъ мысль о мнимой божественности и святости магометанской вѣры, умиляются магометанскими сказками. Между ними распространяются все болѣе и болѣе магометанская грамотность и знаніе магометанскихъ немногочисленныхъ и весьма краткихъ молитвословій, смысла и значенія кото-

рыхъ они впрочемъ не понимаютъ, такъ какъ они изложены на арабскомъ языкѣ.

Магометанская пропаганда проявляется положительно и отрицательно. Магометане, особенно женщины, при всякомъ случаѣ внушаютъ крещенымъ татарамъ, а равно и другимъ инородцамъ, свою вѣру, ея мнимую божественность и что она прямо ведетъ въ рай, а на тѣхъ крещеныхъ татаръ, которые не желаютъ, или не рѣшаются отпасть отъ церкви, магометане дѣйствуютъ насмѣшками, поруганіемъ русской святыни. Такъ, напримѣръ, (по частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно) татарскіе фанатики подвергли св. иконы выковыриванію глазъ и другимъ болѣе безобразнымъ и позорнымъ поруганіямъ. Они даже не пренебрегаютъ прибѣгать ко лжи, чтобы достигнуть своей цѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ магометане очень хитры и изворотливы; они знаютъ законъ о совратителяхъ,—и никакъ нельзя официальнымъ образомъ уследить ихъ пропагаторскія дѣйствія между крещеными татарами. Есть частныя свѣдѣнія, что крещеные татары посѣщаютъ мечети, а дѣти ихъ обучаются въ медресахъ или у магометанскихъ грамотницъ, но и магометане въ этомъ не сознаются, и отступники единогласно утверждаютъ, что они не входятъ ни въ какія сношенія съ магометанами.

Считаю необходимымъ при этомъ присовокупить, что магометанская пропаганда сильно дѣйствуетъ на здѣшнихъ инородцевъ: чувашъ, черемисъ и вотяковъ. Примѣромъ этому служитъ отпаденіе въ магометанство крещеныхъ чувашъ Тетюшскаго уѣзда деревень Кукшума, Бѣлой Волошки и Утѣевой. По частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ Мамадышскомъ уѣздѣ нѣкоторые, остающіеся въ язычествѣ, черемисы и вотяки мало-по-малу переходятъ въ магометанство. Этотъ процессъ отатаренія совершается очень просто по причинѣ лингвистической близости финскихъ языковъ къ татарскому. Финскіе инородцы очень легко усваиваютъ татарскій языкъ, какъ это видно въ уѣздахъ: Чистопольскомъ, Спасскомъ, Тетюшскомъ и другихъ, гдѣ они сосѣдятъ съ татарами-магометанами. Послѣ усвоенія татарскаго языка, при свойственной татарамъ пропагандѣ, они принимаютъ магометанскую вѣру и окончательно сливаются съ татарами-магометанами, увеличивая такимъ образомъ массу этого народонаселенія.

Для противодѣйствія всестороннему вліянію магометанства на крещеныхъ татаръ и другихъ инородцевъ, необходимо было бы самое бдительное и непрерывное наблюденіе надъ ними приходскихъ священниковъ и уясненіе имъ догматическаго и нравственнаго христіанскаго

ученія, а равно смысла и значенія христіанскихъ священнодѣйствій и обрядовъ. Но надзоръ священниковъ надъ крещеными татарами, уже по многолюдности и разбросанности православныхъ приходовъ въ здѣшней губерніи, былъ вообще слабъ и не непрерывенъ. Всѣ сношенія съ ними православнаго духовенства были временныя и рѣдкія, ограничиваясь случаями требоисправленія, хожденія съ крестомъ въ годовые праздники и собиранія руги. Сколько ни случалось мнѣ бесѣдовать, во время настоящихъ моихъ поѣздокъ по уѣздамъ Казанской губерніи, съ сельскими священниками, во всѣхъ замѣчалъ, что они оцѣниваютъ своихъ прихожанъ въ религіозномъ отношеніи исключительно со стороны внѣшней, обрядовой исполнительности, и совершенно упускаютъ изъ виду христіанское просвѣщеніе и нравственное исправленіе прихожанъ. Даже и лучшіе изъ нихъ относительно крещеныхъ татаръ успокаивались, если эти послѣдніе принимали ихъ къ себѣ съ крестомъ, представляли дѣтей ко крещенію, являлись въ церковь вѣнчаться и т. п. Но дѣло въ томъ, что эта наружность не имѣла никакой опоры въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ крещеныхъ татаръ. Итакъ священники, сколько, по крайней мѣрѣ, я могъ усмотрѣть изъ личнаго моего знакомства съ ними, не дѣлали ничего къ христіанскому образованію крещеныхъ татаръ, къ водворенію въ нихъ христіанскихъ понятій и убѣжденій.

Такимъ образомъ крещеные татары въ своемъ христіанствѣ совершенно безоружны предъ магометанствомъ, и сожительство съ магометанами, и пропаганда послѣднихъ безъ борьбы увлекаютъ ихъ отъ православія. Только страхъ отвѣтственности предъ закономъ могъ удерживать ихъ въ нѣкоторомъ наружномъ подчиненіи уставамъ церкви. Изъ числа тѣхъ, которые не подавали прошенія, я не видѣлъ никого, кто бы оставался въ православіи по внутреннему убѣжденію въ его святости и божественности, а только изъ опасенія подвергнуться судебному преслѣдованію. И если бы, паче чаянія, отступникамъ удалось добиться разрѣшенія открыто исповѣдывать магометанскую вѣру, или даже послабленія со стороны правительства, то и послѣдніе перейдутъ на ихъ сторону.

Такое несочувствіе къ христіанству и наклонность къ магометанству издавна существовали въ крещеныхъ татарахъ Тетюшскаго, Свіяжскаго и другихъ смежныхъ уѣздовъ. Это видно изъ того, что въ этихъ уѣздахъ всѣ крещеные татары подавали подобныя нынѣшнимъ прошенія на Высочайшее имя въ 1827 году и только строгими административными мѣрами остановлены были эти отпаденія.

Есть официальные документы, изъ которыхъ видно, что еще въ 1803 году, вслѣдствіе распространившихся тогда ложныхъ слуховъ о Высочайшемъ указѣ, дозволявшемъ переходить крещенымъ татарамъ въ магометанство, были попытки со стороны крещеныхъ татаръ къ отпаденію отъ православія. Мѣстное духовенство, по своей исключительной наклонности къ обрядовой сторонѣ религіи, съ тѣхъ поръ не произвело въ нихъ никакой перемѣны въ религіозныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Теперь нуженъ былъ только толчокъ, чтобы привести въ движеніе эту массу людей, столь слабыхъ въ христіанствѣ, и окончательно порвать связь ихъ съ православною церковью.

Настоящее движеніе подготовлялось тайными разъѣздами по Казанской и сосѣднимъ губерніямъ, въ третьемъ году, нѣкоторыхъ магометанскихъ фанатиковъ, которые подговаривали магометанъ переселяться въ Турцію“ [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что съ XVI по XVIII вѣкъ вліяніе ислама въ волжскомъ краѣ усиливалось. Это усиленіе продолжалось послѣ, продолжается и теперь. Сначала это совершалось медленно, путемъ личнаго воздѣйствія отдѣльныхъ магометанъ, совершившихъ путешествіе въ Мекку и набравшихся тамъ, или въ Константинополѣ и Бухарѣ, магометанской мудрости и святости.

Въ концѣ XVIII вѣка Екатерина II учредила Уфимское муфтійство, которое дало магометанскому духовенству крѣпкую организацію и объединило весь приволжскій мусульманскій міръ. Муфтійство есть центральная власть по образцу архіерейской. При немъ есть духовное собраніе, нѣчто въ родѣ нашей консисторіи.

У магометанъ нѣтъ духовнаго сословія, всякій, сдавшій экзаменъ въ Уфѣ, можетъ быть муллой; этотъ экзаменъ былъ установленъ потому, что русскіе законы стали требовать отъ муллъ опредѣленныхъ мусульманско-богословскихъ познаній. Рядомъ съ этимъ былъ напечатанъ Коранъ на средства русскаго правительства. Затѣмъ начала создаваться и развиваться мусульманская печать, которая является новой объединяющей силой.

Повышеніе образовательнаго уровня муллъ обусловливало размноженіе мектебъ и медресъ и повышало ихъ строй, а съ поднятіемъ мектебъ и медресъ постепенно поднимался и народъ. Эти конфессіональныя училища были близки къ народу, отвѣчали его потребностямъ и пріобрѣтали особую силу вслѣдствіе веденія преподаванія въ

[1]) Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань, 1887.

ихъ на родномъ языкѣ учащихся. Близки къ народу были также и руководители этихъ школъ, муллы; они представляли изъ себя лучшихъ людей деревни, и отсутствіе въ нихъ духовной касты спасало ихъ отъ рутины и застоя.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій мусульманское религіозное самосознаніе стало развиваться все больше и больше, и сильный мусульманскій міръ сталъ невольно втягивать въ себя косныя, шаткія въ своихъ вѣрованіяхъ племена крещеныхъ и язычествующихъ инородцевъ.

Выше перечисленныя мѣропріятія русскаго духовенства и русской администраціи не могли препятствовать этому сліянію, не удерживали крещеныхъ отъ отпаденія, но возбуждали мусульманъ. Въ муллахъ стало развиваться воинствующее направленіе, а близость ихъ къ народу способствовала распространенію такого настроенія и въ народной массѣ посредствомъ религіознаго строя школъ. Приволжскій край быстро покрывается частой сѣтью мечетей, мектебъ и медресъ, размноженію которыхъ способствуетъ ихъ чрезвычайная дешевизна.

Такъ, напримѣръ, въ Уфимской губерніи по переписи 1897 года оказалось 2.220.590 душъ (русскихъ 784.000—инородцевъ 1.436.590) изъ нихъ магометанъ 1.181.939, что составляетъ немного больше половины.

По свѣдѣніямъ 1899 года въ Уфимской губерніи православныхъ церквей 349, а мечетей 1.555, православныхъ священниковъ 360, а татарскихъ муллъ 4.655, магометанскихъ медресъ и мектебъ 6.220, а церковныхъ школъ 231 [1]).

Въ настоящее время мусульмане по образованію стоятъ выше русскихъ.

Напримѣръ, по свѣдѣніямъ всеподданнѣйшаго отчета казанскаго губернатора, въ Казанской губерніи состояло:

		Учащіеся.	
		Мальчики.	Дѣвочки.
Медресъ и мектебъ въ 1898 г. . . .	656	28.648	17.054
„ „ „ „ 1900 г. . . .	814	30.902	18.186
Всевозможныхъ русскихъ учебныхъ заведеній въ 1898 г.	1.579	60.249	19.951
Всевозможныхъ русскихъ учебныхъ заведеній въ 1900 г.	1.607	63.220	21.182

[1]) Исламъ и просвѣщеніе инородцевъ въ Уфимской губ. Рыбакова. С.-Пб. 1900.

Такимъ образомъ, число магометанскихъ училищъ возросло за два года на 158 или 24%, а русскихъ лишь на 28 или 1,1%. При общемъ населеніи въ губерніи въ 2.363.000 мусульманское населеніе, равное 671.000, составляетъ 28%, а учащіеся магометане составляютъ не 28, а 40% общаго числа учащихся и это несмотря на то, что въ число русскихъ учебныхъ заведеній включены университетъ, духовная академія, юнкерское училище и прочія среднія учебныя заведенія, существующія почти цѣликомъ на казенныя ассигнованія, а всѣ татарскія училища созданы частной мусульманской иниціативой и не только не получаютъ ни копейки отъ казны, но ничего не получаютъ ни отъ земствъ, ни отъ городовъ. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что въ русскомъ населеніи одинъ учащійся приходится на 14 человѣкъ мужского населенія и одна учащаяся на 55 женскаго; у магометанъ же одинъ учащійся—на 9 мусульманъ и одна учащаяся—на 12 мусульманокъ, т. е. магометанскія дѣвочки учатся больше, чѣмъ русскіе мальчики. Эти цифры безспорно свидѣтельствуютъ о сильнѣйшемъ самобытномъ религіозно-національномъ движеніи среди мусульманъ. Нѣкоторые русскіе педагоги склонны относиться высокомѣрно къ магометанскимъ училищамъ, считая ихъ величиной, не имѣющей значенія. Этотъ взглядъ основывается на недоразумѣніи. Несомнѣнно, что въ магометанскомъ мірѣ существуетъ значительный интересъ къ учебному дѣлу. Магометане такъ много пишутъ о преподаваніи, что главное управленіе по дѣламъ печати даже требовало отзыва по вопросу о томъ, дозволять ли къ печатанію сочиненія на татарскомъ языкѣ, посвященныя полемикѣ о методахъ преподаванія. Такихъ сочиненій было представлено въ цензуру нѣсколько десятковъ. Мы знаемъ лишь по слухамъ, что и какъ преподается въ мектебахъ и медресахъ, такъ какъ магометанская школа совершенно свободна и безконтрольна въ дѣлѣ преподаванія, да и людей у насъ для надзора за этими школами нѣтъ. Русскаго языка магометане, можно сказать, вовсе не изучаютъ, довольствуясь тѣмъ знаніемъ его, которое они пріобрѣтаютъ на базарахъ и улицахъ.

Въ половинѣ XIX вѣка къ религіозному движенію магометанъ прибавляется національное. Это національное направленіе создалось:

1) Вслѣдствіе знакомства мусульманскаго міра съ міромъ русскимъ и западно-европейскимъ, въ которомъ національные вопросы имѣютъ огромное значеніе.

2) Вслѣдствіе увеличенія, съ развитіемъ путей сообщенія, сношеній между различными мусульманскими мѣстностями, напримѣръ. Тур-

кестана съ Казанью, Крыма съ Астраханью, Кавказа съ Турціей и т. д.

3) Вслѣдствіе присоединенія Средней Азіи, которое размножило и объединило мусульманскій міръ.

Мусульманская интеллигенція, учившаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мало-по-малу теряетъ религіозную почву, но пріобрѣтаетъ національное самосознаніе и стремится создать объединеніе языка.

Движеніе въ этомъ направленіи прежде всего возникаетъ въ Крыму, гдѣ вырабатывается объединительный тюркскій литературный языкъ. Проводникомъ этого языка до сихъ поръ является газета „Переводчикъ", весьма широко распространенная во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Затѣмъ создается огромная по числу изданій татарская литература и книжная торговля.

Изъ предыдущаго краткаго обзора видно, что дѣло распространенія христіанства среди инородцевъ было дѣломъ правительственныхъ мѣропріятій.

Общество не принимало въ этомъ никакого участія. Масса русскаго народа, будучи по образованію ниже магометанъ, не могла оказывать никакого вліянія на сосѣднихъ съ ней инородцевъ.

Такимъ образомъ коренной причиной нашей неудачи, коротко сказать, была наша отсталость въ области народнаго образованія передъ мусульманами, которыхъ мы, по недоразумѣнію, считаемъ невѣжественной косной массой, а затѣмъ отсутствіе какой бы то ни было общественной или частной иниціативы въ дѣлѣ и народнаго просвѣщенія, и миссіонерства.

Въ это печальное время, когда дѣло православія казалось совсѣмъ потеряннымъ въ казанскомъ краѣ, Николай Ивановичъ Ильминскій началъ свою просвѣтительную дѣятельность. „Что касается до религіозно-православнаго образованія крещеныхъ татаръ", пишетъ казанскій вице-губернаторъ Е. А. Розовъ въ своемъ представленіи отъ 5-го декабря 1866 года, „то начало ему положено частной школой г. Ильминскаго для дѣтей крещеныхъ татаръ, открытой имъ въ Казани въ 1864 году. Эта школа, несмотря на свое недавнее существованіе, положительно доказываетъ, что христіанская истина находитъ доступъ къ сердцу крещеныхъ инородцевъ, прочно укореняется въ немъ и производитъ внутреннее сочувствіе къ русскому православному народу и русскому религіозному образованію. Число воспитанниковъ упомянутой школы возрастаетъ въ удовлетворительной прогрессіи, и уже теперь она имѣетъ нѣсколько своихъ отраслей, именно:

въ прошедшемъ лѣтѣ открыты, подъ вліяніемъ и направленіемъ главной центральной Казанской школы г. Ильминскаго, Мамадышскаго уѣзда въ деревнѣ Ариашъ школа для мальчиковъ, въ которой теперь уже обучается 38 крещено-татарскихъ мальчиковъ, и того же уѣзда въ деревнѣ Никифоровой школа для такихъ же дѣвочекъ, которыхъ въ ней теперь обучается болѣе 10-ти. Замѣтное сочувствіе къ Казанской школѣ съ ея отраслями пожилыхъ крещеныхъ татаръ обоего пола, какъ только они удостовѣряются въ ихъ религіозномъ и нравственно-назидательномъ направленіи, обезпечиваетъ дальнѣйшій ходъ и развитіе упомянутыхъ школъ и фактически доказываетъ дѣйствительность толковаго православно-русскаго образованія, какъ средства къ утвержденію крещеныхъ татаръ въ православіи и внутреннему сближенію съ русскимъ народомъ. Господинъ министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой оказывалъ и оказываетъ постоянное вниманіе къ этой школѣ и употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ упроченію ея успѣховъ, а въ бытность свою въ Казани въ началѣ минувшаго сентября высказалъ свое серьезное участіе къ христіанско-нравственному образованію крещеныхъ татаръ и другихъ инородцевъ Казанской губерніи, указалъ направленіе и предположилъ сдѣлать должное по сему предмету распоряженіе.

Въ дѣлѣ религіи, какъ и вообще въ дѣлахъ совѣсти, самое вѣрное и надежное средство — образованіе и сила убѣжденій. Школа г. Ильминскаго съ ея отраслями, а равно предположенія г. министра народнаго просвѣщенія, при ихъ осуществленіи, со временемъ разсѣютъ заблужденія крещеныхъ татаръ, ослабятъ религіозный фанатизмъ некрещеныхъ и вполнѣ ознакомятъ инородцевъ съ ученіемъ нашей церкви; но все это въ будущемъ. Въ настоящее же время, при тревожномъ состояніи умовъ крещеныхъ татаръ и при неутихнувшемъ еще религіозномъ ихъ движеніи въ пользу магометанства, для охлажденія ревности пропагандистовъ, вразумленія отступниковъ и въ предотвращеніе дальнѣйшей пропаганды, по моему мнѣнію, нужно обратиться къ административно-репрессивнымъ мѣрамъ“ [1]).

Итакъ, русская администрація, даже относящаяся сочувственно къ просвѣтительнымъ идеямъ Ильминскаго, все же не могла отрѣшиться отъ „административно-репрессивныхъ мѣръ“.

О томъ, каковы были вообще результаты такихъ мѣръ, распро-

---

[1]) Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань, 1887.

страняться излишне — прибавлялось лишь новое звено къ длинной цѣпи отпаденій.

Разсмотримъ, каковы были пріемы Ильминскаго и къ чему они приводили.

II.

И. И. Ильминскій, сынъ протоіерея города Пензы и профессоръ Казанской духовной академіи, а затѣмъ Казанскаго университета, началъ свою дѣятельность въ счастливое время: первые его опыты на поприщѣ народнаго образованія относятся къ 50-мъ годамъ, а главный расцвѣтъ его просвѣтительной работы къ 60-мъ и 70-мъ годамъ XIX вѣка.

Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ виду такъ часто повторяющихся отпаденій крещеныхъ татаръ въ магометанство, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ возникла мысль объ открытіи въ крещено-татарскихъ приходахъ богослуженія на татарскомъ языкѣ.

Императоръ Николай I повелѣлъ приготовить для этого необходимые переводы, и въ 1847 году былъ образованъ для этого особый комитетъ при Казанской академіи. Предсѣдателемъ его съ 1848 года былъ казанскій архіепископъ Григорій (Постниковъ), главнымъ руководителемъ — оріенталистъ профессоръ Казанскаго университета А. К. Казембекъ, а его сотрудниками — ректоръ академіи архіепископъ Григорій, баккалавръ И. И. Ильминскій и проф. Г. С. Саблуковъ (извѣстный знатокъ арабскаго и татарскаго языка).

Въ теченіе 10 лѣтъ комитетъ успѣлъ перевести главнѣйшія священныя и богослужебныя книги, но допустилъ ошибку, которую дѣлали всѣ прежніе переводчики: сдѣлалъ переводы на книжный татарскій языкъ и напечаталъ ихъ арабскимъ шрифтомъ. Лѣтомъ 1856 года архіепископъ Григорій отправилъ Ильминскаго по татарскимъ селеніямъ, чтобы испытать пригодность для народа новыхъ переводовъ. Ильминскій скоро убѣдился, что эти переводы для крещеныхъ инородцевъ совершенно непонятны. Тогда его осѣнила мысль о необходимости переводить книги на живой народный языкъ и печатать ихъ русскими буквами, приспособленными къ фонетикѣ инородческихъ языковъ. Осуществленіе этой мысли привело къ самымъ отраднымъ результатамъ: едва грамотные крестьянскіе мальчики стали свободно читать и понимать новыя книги, и переводческое дѣло съ этого времени стало быстро разрастаться и процвѣтать. Первая книжка на татарскомъ языкѣ въ этомъ новомъ направленіи—букварь,

переводъ съ букваря синодальнаго изданія, была напечатана Ильминскимъ въ 1862 году. Съ этого года должны вести свою хронологію миссіонерскія изданія на инородческихъ языкахъ, дѣйствительно отвѣчающія своей цѣли.

Въ первое время книги эти печатались почти цѣликомъ Ильминскимъ на собственный счетъ и по его единоличной иниціативѣ и отвѣтственности, за цензурой Казанской духовной академіи. Въ 1876 году въ Казани была основана, по предложенію московскаго митрополита Иннокентія, переводческая комиссія Православнаго миссіонерскаго общества при братствѣ св. Гурія, и Ильминскій сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея членовъ и первымъ ея предсѣдателемъ. Переводы составлялись отчасти самими членами комиссіи— знатоками различныхъ инородческихъ языковъ, но большей частью вырабатывались при Казанской учительской семинаріи и при Казанской крещено-татарской школѣ [1]).

Взгляды Ильминскаго на образованіе инородцевъ посредствомъ книгъ, переведенныхъ на ихъ родной языкъ, изложены имъ самимъ въ статьѣ, напечатанной въ „Православномъ Обозрѣніи“ за 1863 годъ.

„Я знакомъ съ однимъ старокрещенымъ татариномъ, учившимся въ школѣ своего приходскаго села. Образованіе такъ поставило всѣ его убѣжденія, что онъ сталъ смотрѣть на своихъ родителей и другихъ жителей той же деревни, какъ на упорныхъ язычниковъ, и ихъ старинные обряды называлъ Діемъ и Аполлиномъ — выраженіе, которое онъ заимствовалъ изъ Четь-Миней. Юноша ушелъ въ Казань и поселился въ монастырѣ, думая поступить въ монахи. Здѣсь онъ жилъ болѣе года, былъ исправнымъ послушникомъ, читалъ и пѣлъ на клиросѣ. Сельское общество не уволило его, и онъ долженъ былъ вернуться въ свою семью. Теперь онъ женатъ, отлично работаетъ, какъ искусный и честный малый; но усердіе къ церкви доселѣ въ немъ не охладѣло. Каждый воскресный и праздничный день онъ неотмѣнно является за пять верстъ въ церковь и становится на клиросъ. Его зовутъ Василій Тимоѳеевъ. Онъ сталъ учить грамотѣ своего младшаго брата. Старуха-мать запретила это, опасаясь, что младшій сынъ, узнавъ грамоту, убѣжитъ изъ дома, какъ Василій.

Отсюда слѣдуетъ, что грамотность и образованіе въ народныхъ школахъ могутъ имѣть добрыя послѣдствія лично для учившихся. Но, съ другой стороны, учась наравнѣ съ русскими крестьянскими

[1]) У приволжскихъ инородцевъ. Путевыя замѣтки. С. Чичерина.

мальчиками исключительно по русскимъ книгамъ, инородецъ хотя и получаетъ общее православное направленіе, но многаго не понимаетъ или понимаетъ неправильно, и главное—не можетъ пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній облечь въ живую форму своего языка и убѣдительно предложить ихъ въ своей семьѣ. Такое образованіе, безъ всякаго перехода, рѣзко отрываетъ получившихъ его отъ понятій инородческихъ массъ и ставитъ ихъ къ ней враждебно. Грамотные въ большинствѣ народа почти безъ слѣда должны исчезать, какъ единица въ тысячахъ.

Образованіе инородческимъ дѣтямъ должно преподавать въ такомъ видѣ, чтобъ и имъ легче оно усваивалось, и удобнѣе могло переходить въ массу неграмотнаго народа. А для этого самое лучшее средство—образовательныя книги, полезныя и назидательныя для простого народа, изложить на собственномъ языкѣ инородцевъ. Кромѣ того, что ученики безъ особеннаго труда поймутъ и усвоятъ ихъ содержаніе, ихъ родственники, прислушиваясь къ читаемымъ книгамъ, сами увидятъ, что въ этихъ книгахъ нѣтъ ничего дурного, вооружающаго противъ родителей и своего крестьянскаго состоянія. И чтобъ эти книги какъ можно яснѣе и легче понимались инородцами, нужно изложить ихъ на чистомъ разговорномъ языкѣ, не только въ отдѣльныхъ словахъ и грамматическомъ сочиненіи и расположеніи словъ, но и въ логической постановкѣ мыслей, по возможности приближенной къ простонародному складу.

Какъ бы ни были просты и неразвиты понятія и вѣрованія инородцевъ, но они составляютъ всю сущность ихъ мышленія и основу ихъ нравственности; они не сознательны, но глубоки и любимы, какъ наслѣдіе отдаленнѣйшей старины. Простой человѣкъ мыслитъ и чувствуетъ цѣльно, въ одномъ органически послѣдовательномъ направленіи, и дорожитъ своими какими-ни-на-есть религіозными убѣжденіями, потому что онъ живетъ ими. Станемъ ли смотрѣть на инородцевъ свысока и попирать ихъ понятія какъ глупость? Чтобы преподаваемыя истины глубоко укоренились въ сознаніи простолюдина, надобно войти въ его міросозерцаніе, принять его понятія за данное и развивать ихъ. Архаически простыя и немногосложныя понятія шаманствующихъ инородцевъ могутъ быть ассимилированы христіанствомъ, наполниться и освятиться его божественнымъ содержаніемъ.

Мышленіе народа и все міросозерцаніе выражается въ его родномъ языкѣ. Кто владѣетъ языкомъ инородцевъ, тотъ понимаетъ, хотя бы только инстинктивно, міросозерцаніе ихъ. Кто говоритъ съ

инородцами на ихъ родномъ языкѣ, того они легко понимаютъ и могутъ убѣждаться его доказательствами, потому что вмѣстѣ съ словами онъ употребляетъ ихъ же элементы мысли.

Такимъ образомъ и съ гуманной точки зрѣнія учебныя и вообще образовательныя книги для инородцевъ должны быть изложены и преподаны на ихъ родномъ языкѣ въ подлинномъ, чистомъ его видѣ“ [1]).

Крещеный татаринъ Василій Тимофеевъ, о которомъ Ильминскій упоминаетъ въ своей статьѣ, постепенно сдѣлался однимъ изъ его самыхъ близкихъ и необходимыхъ сотрудниковъ.

„Я сталъ переводить и печатать православно-учительныя книги на самый простой, народный языкъ и писать русскими буквами“, писалъ Ильминскій въ 1864 году князю Урусову, исполнявшему обязанности оберъ-прокурора св. синода.—„Сначала былъ переведенъ букварь; онъ переводился при постоянномъ содѣйствіи упомянутаго Тимооеева, не знающаго книжнаго татарскаго языка. Коль скоро онъ находилъ какое выраженіе неяснымъ, оно по совѣщанію съ нимъ замѣнялось другимъ, для него понятнымъ. Я издалъ этотъ букварь. Онъ заинтересовалъ крещеныхъ. Но въ немъ оказались недостатки въ языкѣ.

Второе изданіе букваря вышло несравненно исправнѣе и яснѣе. Послѣ букваря я, съ его же помощью, перевелъ книгу Бытія, затѣмъ книгу Премудрости Іисуса сына Сирахова. Особенность татарскаго языка не позволила мнѣ сдѣлать переводъ буквально близкимъ къ подлинному тексту. Теперь нами въ томъ же направленіи переведены первая половина книги Исхода, Евангеліе отъ Матѳея и отъ Іоанна, нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній и каноновъ, въ томъ числѣ пасхальный и рождественскій. Въ прошлую вакацію баккалавръ Маловъ и Тимооеевъ ѣздили, первый по магометанскимъ, а второй по крещенскимъ деревнямъ, и читали народу букварь, Бытіе и Премудрость. Народъ собирался около нихъ толпами, и съ полнымъ вниманіемъ, а иные съ умиленіемъ слушали чтеніе, хвалили переводъ и благодарили за него. Кромѣ того, Тимооеевъ пѣлъ, на церковные напѣвы, молитвы и другія церковныя пѣснопѣнія, напримѣръ великое славословіе, „Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный“. Это пѣніе растрогало нѣкоторыхъ до слезъ и вообще такое произвело впечатлѣніе, что послѣ крещеные татары говорили сами: „вотъ если бы въ церкви на нашемъ родномъ языкѣ пѣли и читали, мы съ удовольствіемъ стояли въ церкви, а теперь мы не понимаемъ, и стоять намъ въ церкви тяжело“ [2]).

[1]) Казанская центральная крещено-татарская школа.

[2]) Казанская центральная крещено-татарская школа.

„Я—лингвистъ и переводчикъ, имѣющій однако же постоянную нужду въ Тимоѳеевѣ, какъ живописецъ въ натурщикѣ“, пишетъ Ильминскій въ томъ же письмѣ князю Урусову,—„Тимоѳеевъ единственный въ своемъ родѣ и неоцѣнимый человѣкъ“.

Въ виду этого, Ильминскій перевелъ Василія Тимоѳеева изъ глухой деревни Мамадышскаго уѣзда въ Казань и устроилъ его сначала водовозомъ при монастырѣ, а затѣмъ практикантомъ татарскаго языка при Казанской духовной академіи.

Для свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго инородческаго дѣятеля обратимся къ его автобіографіи, напечатанной подъ заглавіемъ „Мое Воспитаніе“ (разсказъ старокрещенаго татарина) въ журналѣ „Православное Обозрѣніе“ за 1863 годъ.

„Изъ моего ранняго дѣтства я помню только слѣдующій случай. Однажды, на пасхѣ, принесли въ нашу деревню образа. Извѣстно, какъ это бываетъ въ христіанскихъ селахъ. Вмѣстѣ съ другими и я встрѣчалъ образа. Вотъ я стою съ старыками. Какъ стали подходить богоносцы къ нашей деревнѣ, изъ стоявшихъ одинъ старикъ говоритъ (привожу его рѣчь дословно въ переводѣ): „смотри-ка, у Емельки крестъ-образъ, у Митрія лопата-образъ (т. е. запрестольная икона Божіей Матери съ ручкой), у Василія образъ Воскресенія, у Памфила книга“. А другіе молились наружно. Съ ними и я махалъ руками и кланялся, языкомъ ничего не говоря. Потомъ я ушелъ домой, а съ образами пошли по домамъ; передъ вечеромъ доходятъ и до нашего дома. Какъ только вошли къ нашему сосѣду съ иконами, я побѣжалъ туда смотрѣть. Вошелъ въ избу и посмотрѣлъ. А поповъ тутъ не было. Я не зналъ, ходятъ ли они, нѣтъ ли, не видывалъ никогда. Только я вышелъ изъ избы и сталъ подходить къ воротамъ, вотъ мнѣ навстрѣчу и попы. Волосы долгіе, а у пономаря указательный палецъ показался мнѣ съ аршинъ: онъ погрозилъ мнѣ изъ-за воротъ. Увидѣвши ихъ, я испугался и побѣжалъ въ сторону. Тутъ были пустыя кадушки большія: я въ нихъ и спрятался. А родитель мой какъ-то увидѣлъ меня, и вдругъ прибѣжалъ ко мнѣ, вытащилъ меня за волосы, и давай таскать: не бѣгай, не бѣгай. Какъ поутихнился, тутъ только оставилъ меня.

Въ 1847 году, въ мѣсяцѣ іюнѣ, пріѣхали въ нашу деревню старшина съ писаремъ записывать въ школу мальчиковъ. Записали двадцать человѣкъ, въ числѣ ихъ и меня. Тогда мнѣ было отъ роду лѣтъ десять. Вотъ нѣкоторые родители подарили писарю и старшинѣ денегъ, чтобы оставить дѣтей дома. Я слышалъ, тутъ кое-кто гово-

рили, что мальчиковъ какъ солдатъ угонятъ въ дальнія стороны. Старшина съ писаремъ тоже шептали: да, угонятъ. Они, можетъ быть, нарочно стращали, чтобы денегъ взять. Ну, я себѣ стоялъ и думалъ: что же дѣлать, если угонятъ! А отцу говорить не смѣлъ, чтобы онъ откупилъ меня; потому что жестокій былъ: если и скажу, не пожалѣетъ. Если бы онъ жалѣлъ насъ, то билъ бы насъ съ милостію, а то онъ насъ безвинно колотилъ нещадно, до полумертва.

Пришелъ я со сходки домой и сижу дома, со слезами, но ничего не говоря. А родительница сидитъ напротивъ меня, тоже молчитъ. Прочихъ никого не было. Родитель остался на сходкѣ. Вдругъ деревенскій десятникъ стучитъ подъ окномъ: Василій дома? Я взглянулъ изъ окна и сказалъ: дома. А онъ говоритъ: выходи скорѣе на улицу, въ училище тебя погонятъ. Меня такъ и бросило въ жаръ. Взялъ хлѣба и вышелъ изъ избы со слезами. Дошелъ до воротъ, отворилъ ворота, вышелъ, затворилъ ихъ, и сталъ лицомъ къ востоку. И пришло мнѣ въ голову перекреститься. Я перекрестился и сказалъ въ себѣ: ну, буду терпѣть, что будетъ. И пошелъ дальше къ товарищамъ. А ихъ изъ двадцати осталось всего пятеро, я—шестой. Вотъ такимъ образомъ мы и пошли въ училище, въ село, за пять верстъ отъ нашей деревни. Съ нами былъ отецъ одного мальчика. Идя съ нами, онъ говорилъ намъ: дѣтки, выучитесь, будете писарями, вамъ станутъ денегъ давать. А я сынка своего Оедора, если выучится грамотѣ, поставлю въ волостные головы; будетъ ѣздить на парѣ съ колоколами по деревнямъ. А сынъ отвѣчалъ ему: не буду я учиться,—тамъ, говорятъ, бьютъ больно. А другой говоритъ: если я выучусь, въ приказчики пойду; третій—то, четвертый—другое. А я себѣ думалъ: если выучусь, стану другихъ учить. Нашъ старикъ шелъ дорогой, всѣмъ чины сулилъ и тѣмъ утѣшалъ насъ.

Такъ дошли мы до училища и вошли въ домъ, а тамъ уже мальчиковъ русскихъ было около тридцати. Нѣкоторые изъ нихъ кричали, увидавши насъ: глядите, ребята! крещенскихъ лопатковъ привели сюда! Посадили насъ всѣхъ вмѣстѣ за одинъ столъ. Училъ заштатный священникъ, старикъ. Онъ намъ показался Богъ знаетъ за кого. Сидѣлъ онъ на заложкѣ, на высокомъ мѣстѣ, въ одной рубашкѣ, волосы клочками, зубы повыпадали: оттого онъ говорилъ невнятнымъ грубымъ голосомъ; но хоть говорилъ и грубо, а никого не билъ. Сутки мы прожили. Ѳедоръ, котораго отецъ-шутникъ провожалъ насъ, бѣжалъ, и трое сутокъ прятался на гумнѣ подъ соломой. Такъ онъ и отбился отъ училища. А мы цѣлую недѣлю учились до воскресенья.

И выучили мы цѣлую строчку до иже. Когда въ воскресенье пришли домой, насъ стали спрашивать, что выучили,—мы разсказали. Такъ мы учились до роспуска, 8-го іюля.

По праздникамъ мы ходили въ церковь. Стоя въ церкви, разъ я замѣтилъ на иконостасѣ человѣка съ палкой: это вѣрно былъ святитель съ архіерейскимъ посохомъ. Я спросилъ одного русскаго мужика: кто это съ палкой? Онъ сказалъ: это опъ крещеныхъ въ церковь гонятъ. Всѣ мы крещенскіе мальчики съ охотой ходили въ церковь. Церковь свѣтлая. Иконы насъ занимали. Мы съ любопытствомъ смотрѣли на всѣ иконы и желали узнать, кто на той изображенъ, кто на другой. Самой службы я ничего не понималъ и ничего не припомню.

Въ училищѣ съ нами жили русскіе товарищи смирно. Не помню за первый годъ, чтобы они съ нами бранились или дрались. Книги намъ розданы были даромъ, видно казенныя, азбуки гражданской печати. Въ первое лѣто мы прошли склады до оа.

Осенью, когда снова надо было учиться, училище перевели въ другую избу. Учитель пришелъ новый, молодой человѣкъ изъ кончившихъ курсъ семинаріи. Онъ насъ училъ кротко, не билъ, и всѣ любили его. Особенно когда придетъ немножко навеселѣ, подсядетъ къ намъ крещенскимъ и станетъ говорить по-татарски (онъ зналъ по-татарски нѣсколько словъ): вы мои дѣти. Этому мы особенно радовались. Онъ училъ хорошо, толковалъ; русскіе, думаю, понимали, но мы ничего не понимали, не зная по-русски. Въ тотъ же годъ началъ онъ насъ учить писать.

На другой годъ мы учили краткую священную исторію. Сперва мы ее читали, потомъ твердили наизусть. Понаучились и кое-что говорить по-русски. Изъ священной исторіи я получше немного узналъ исторію Іосифа, и дома могъ кое-какъ разсказать ее.

Въ селѣ трое насъ крещенскихъ мальчиковъ жили вмѣстѣ на квартирѣ у одного мужика. Человѣкъ онъ былъ рослый и шутникъ. Ляжетъ на печку или на палати, а мы около него. И станетъ насъ учить, какъ что назвать по-русски: это полати, печь и проч. Потомъ, погодя немного, и спроситъ опять: это что? указывая на печь. А мы и позабудемъ. Однако онъ много помогъ намъ въ русскомъ языкѣ. Онъ любилъ слушать, когда мы читали, и самъ заставлялъ насъ читать. Мои товарищи каждое воскресенье ходили домой: отцы любили ихъ и баловали. А я боялся своего отца и домой ходилъ весьма рѣдко. Мои домашніе говорили: ну, онъ совсѣмъ обрусѣетъ, совсѣмъ

насъ забудетъ. Я любилъ ходить въ церковь, хотя ничего не понималъ. Когда священникъ читалъ поученіе, я смотрѣлъ ему въ глаза, самъ не понимая ни слова. Моему хозяину нравилось, что я въ церковь хожу, и онъ толковалъ мнѣ, что нужно въ церковь ходить, Богу молиться, посты соблюдать,—за это Богъ станетъ любить. Слова его мнѣ приходились по душѣ. Онъ хвалилъ иногда меня, это меня занимало, и я еще больше старался. Товарищи мои охотники были играть, а я все сижу и читаю. Играть я съ молоду не любилъ и боялся драться. Уроки мои въ училищѣ все шли впередъ передъ товарищами. И какъ они часто шалили, то я даже сошелъ съ той квартиры, чтобы отстать отъ нихъ.

На новой квартирѣ была хозяйка вдова, мнѣ крестная мать. Она меня любила и наставляла на хорошее. Какъ поутру встану, она велитъ помолиться и положить три земныхъ поклона, а тамъ и засадитъ за книгу. Какъ идешь въ училище или придешь изъ училища, всегда, бывало, велитъ положить три поклона: такъ, дескать, Богъ тебѣ лучше откроетъ.

На третій годъ мы проходили Священную исторію, краткій катехизисъ, по вопросамъ и наконецъ ариѳметику. Къ концу третьяго года я кончилъ свое ученіе и вышелъ вмѣстѣ съ русскими, а мои товарищи остались доучиваться. Впрочемъ, надо правду сказать, я мало что понялъ, только читалъ по книгѣ и твердилъ наизусть. Вышедши изъ училища, я прожилъ три года дома, не принимаясь за книгу. Послѣ того, какъ подросъ, пристала опять охота читать. У меня была исторія Ветхаго Завѣта довольно пространная,—я ее и читалъ. Познакомился съ нѣсколькими грамотѣями изъ русскихъ крестьянъ. Они мнѣ толковали о Іисусѣ Христѣ, о Божіей Матери и святыхъ угодникахъ. Но когда меня спрашивали дома крещеные о русской вѣрѣ, я ничего не говорилъ: не знаю, не умѣлъ ли пересказать, или не смѣлъ что ли. А изъ Ветхаго Завѣта я кое-какъ маленько могъ разсказать своимъ объ Адамѣ и Евѣ, ихъ грѣхѣ и изгнаніи изъ рая, о Ноѣ, Авраамѣ, Іосифѣ и проч.

На пятый годъ какъ я вышелъ изъ училища, мнѣ захотѣлось учиться по церковному читать. Въ вешнюю Николу у насъ въ селѣ храмовой праздникъ, и бываетъ ярмарка. Тѣ мои знакомые мнѣ посовѣтывали купить церковный букварь. Я и купилъ его на ярмаркѣ у иконниковъ. Купилъ, пошелъ въ церковную ограду и сталъ читать. Съ перваго же раза я могъ порядочно разбирать славянскую грамоту. Читалъ я въ концѣ книжки нравоученія, было дѣло предъ

обѣдней, народу много. Около меня сѣли старушки и слушали. Вдругъ подходитъ старичекъ изъ другого села и спрашиваетъ меня, кто я, изъ какихъ. Я сказалъ. Понимаешь ли ты, что читаешь? Я ему на это отвѣтилъ: не знаю и самъ, понимаю ли; кажется, мало понимаю, и некому объяснить. Онъ сѣлъ около меня и началъ толковать, что у каждаго человѣка есть отъ Бога ангелы. Они учатъ, какъ молиться и какъ жить. Онъ долго говорилъ, съ часъ или больше. Народу собралось около насъ куча, и всѣ слушали его съ радостью. Кажется, онъ былъ изъ старовѣровъ—начетникъ. Это я потому думаю, что онъ училъ меня слагать крестъ по старой вѣрѣ. Я такъ и молился съ полгода. Но все было мнѣ трудно складывать пальцы по его. Лѣтомъ еще туда-сюда, а зимой руки окоченѣютъ отъ мороза, никакъ пальцы не гнутся. Я и бросилъ его крестъ. Богъ съ нимъ. И сталъ молиться по своему. Обѣдню стоялъ я около этого старика и все смотрѣлъ, какъ онъ молится, и слушалъ, какъ читаетъ молитвы. А онъ почти только читаетъ молитву Іисусову. Когда вышли изъ церкви, подняли иконы и пошли на святой ключъ молебенъ служить; старикъ пошелъ туда же,— я за нимъ. Я присталъ къ нему, кое-что спрашивалъ у него, а онъ мнѣ объяснилъ. Такъ мы съ нимъ и простились, но мнѣ послѣ того еще больше хотѣлось читать церковныя книги.

Вскорѣ потомъ я повезъ въ Казань кантониста, по найму. Ѣду, а самъ думаю, какъ бы подсадить еще кого и получить денегъ. Только мы выѣхали изъ лѣсу, идетъ старушка-богомолка и говоритъ мнѣ: посади, родимой дитятко! Далеко ли? До Комаровки. Что дашь? Двугривенный. Садись. Такъ я получилъ двугривенный. Пріѣхалъ въ Казань и пошелъ на толчокъ, хотѣлось книгу купить. Подхожу къ столику съ книгами. Мальчикъ увидѣлъ, что я татаринъ, закричалъ: „пошелъ отсюда, татарская лопатка!“ Я сказалъ: пожалуйста, продай мнѣ книгу. Да развѣ ты грамотѣ умѣешь? Умѣю немножко. Какую же тебѣ книгу? Какую-нибудь христіанскую. Развѣ ты крещеный?—Крещеный!—Онъ мнѣ подалъ „памятную книжку для христіанина“. Я ее поворочалъ, посмотрѣлъ. Такую именно я и искалъ и купилъ ее за двугривенный. Всю дорогу изъ Казани до деревни я ѣхалъ и читалъ ее, и такъ, казалось, хорошо понималъ, что какъ будто кто сидитъ со мною рядомъ и толкуетъ. Дома я долго читалъ и перечитывалъ эту книжку.

Въ этой книжкѣ написано о вездѣприсутствіи Божіемъ, о царствіи небесномъ, о страшномъ судѣ и объ адѣ, какъ угождать Богу и какъ

любить ближнихъ, какъ родителямъ повиноваться и проч. Вотъ въ одно воскресенье, подъ вечерокъ, сидѣлъ я у себя въ избѣ подъ окномъ и читалъ свою книжку. А въ то время—проходилъ мимо нашей избы одинъ бѣдный крещеный, по имени Иванъ. Какъ услышалъ онъ, что я читаю, подошелъ къ окну, испущая изъ глазъ слезы, и спросилъ меня, что я читаю. Скажи мнѣ, пожалуйста, что тамъ есть? Я себѣ думаю, что ему сказать? Вижу, что онъ жалуется на свою бѣдность. Вотъ и вспомнилъ я, что въ книжкѣ написано о бѣдности. Я нашелъ это мѣсто, и сталъ ему объяснять, что бѣдность посылаетъ Богъ для испытанія насъ, нужно терпѣть; здѣсь ты на землѣ бѣденъ, будешь богатъ по милости Божіей на томъ свѣтѣ и т. д. Онъ утѣшился. Ай, хорошо, говоритъ, въ твоей книжкѣ, а я было ужъ хотѣлъ покончить съ своею тяжелою жизнью. Лишь только онъ ушелъ, подошла къ моему окну бѣдная женщина изъ нашей деревни. Я и ей, сколько могъ, толковалъ. Приходили ко мнѣ въ разное время крещеные. Я старался разсказать изъ своей книжки, потому что въ ней были наставленія на всѣ случаи. При другихъ говорилъ и своимъ родителямъ, а наединѣ родителямъ своимъ я не смѣлъ говорить ничего, особенно моему строгому отцу. Мать, впрочемъ, охотно слушала мои чтенія и бесѣды. Наконецъ и отецъ мало-по-малу сталъ снисходительнѣе къ моимъ занятіямъ и чаще позволялъ мнѣ ходить въ церковь. Теперь и самъ онъ по воскресеньямъ становится предъ иконами и дѣлаетъ крестныя знаменія и поклоны. Какія онъ тайно говоритъ молитвы, я этого не знаю. А мать каждый день какъ встанетъ, то стоя, то сидя, даже иногда лежа, творитъ про себя молитвы и въ умѣ разсуждаетъ, но не умѣетъ или стѣсняется видимымъ образомъ молиться.

У меня есть маленькій братъ. Мнѣ хотѣлось учить его грамотѣ. Явно учить я боялся отца, тихонько учить удавалось рѣдко. Были у меня три сестры—дѣвушки. Всѣ мы ночевали въ одной избѣ особо отъ родителей. По вечерамъ я, что могъ, толковалъ имъ, напримѣръ, что мы одни никогда не бываемъ, что съ нами бываетъ Богъ и Его святые ангелы. Онѣ на ночь иногда молились со мною. Я ихъ выучилъ говорить молитву Іисусову по-татарски. У насъ крещеныхъ нѣтъ обычая, вставши отъ сна, сѣвши за столъ и послѣ обѣда, молиться Богу; только принимаясь за пищу, говорятъ „бисмилля“, какъ татары, а сами не знаютъ, что это значитъ. Я внушалъ моимъ сестрамъ, что, если онѣ не смѣютъ явно молиться, то должны на сердцѣ благодарить Бога за проведенную спокойно ночь или просить отъ Бога

благословенія и насущнаго хлѣба. Меньшая сестра сильно хотѣла у меня учиться грамотѣ, но матушка не позволила.

Въ то же лѣто, въ день пророка Иліи, ходилъ я въ церковь къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни я выпросилъ у священника прологъ за три мѣсяца: іюнь, іюль, августъ. Вышедъ изъ церкви, я встрѣтился съ своимъ сверстникомъ изъ нашей деревни: зовутъ его Артемій. Онъ неграмотный, но любитъ говорить о вѣрѣ. Онъ былъ на лошади, и мы вмѣстѣ поѣхали домой. Ѣхали дорогой и, сидя на телѣгѣ, читали житіе пророка Иліи. Я читалъ и ему разсказывалъ по-татарски; онъ слушалъ со вниманіемъ. Когда дошли до того мѣста, какъ Илья избилъ пророковъ Вааловыхъ за идольскія жертвы, тогда онъ сказалъ: такъ видно и наши крещенскія жертвы не годятся и противны Богу. Я сказалъ: да. У насъ этотъ день зовутъ „энжилъ“, и никто на Ильинъ день не работаетъ. Теперь ему объяснилось, что это не энжилъ, а св. пророкъ Ілія. Этотъ человѣкъ живъ и теперь,—онъ любитъ слушать святые разсказы. У него мать вдова, старушка добрая и благочестивая, также охотница до подобныхъ разсказовъ...

Читая прологъ, я видѣлъ, какъ жили святые и какъ мучили св. мучениковъ, и видѣлъ, что всегда мучили изъ-за идольскихъ жертвъ. Я сравнивалъ съ тѣми идольскими жертвами наши крещенскія жертвы. Мнѣ страшно стало за наши жертвы. Давно мнѣ хотѣлось внушить это матери, но я боялся отца. Наконецъ представился удобный къ тому случай. Наканунѣ Покрова бабушка, мать и сноха сильно хлопочутъ и говорятъ между собою: надо сдѣлать „пукрау“ (покровъ). Я сижу на нарахъ и гляжу, что онѣ дѣлаютъ. И все мнѣ хочется сказать имъ, но не смѣю. Отца не было дома. Наконецъ я взялъ смѣлость и началъ говорить: что это вы дѣласте? Развѣ покойники придутъ сюда? Вотъ я читаю въ божественныхъ книгахъ, какъ св. отцы писали, покойники по избамъ не ходятъ. За нихъ молятся, чтобы имъ далъ Богъ царствіе небесное, избавилъ ихъ отъ мученій. Вотъ какъ должно поминать ихъ, а не по вашему. Тутъ мы разговорились. Дошло дѣло до жертвъ, которыя у насъ дѣлаютъ. Но все я не могъ, какъ бы хотѣлось и какъ бы слѣдовало, поговорить имъ. Тутъ бабушка, мать и сноха сѣли противъ меня. Старушка стала меня вразумлять: какъ же, дитятко, вѣдь это не нами заведено, а изстари—дѣдами и прадѣдами. Покойники ходятъ, и если ихъ не угостить, такъ они нашлютъ болѣзнь,—животъ заболитъ или что. (Крещеные страшно боятся покойниковъ,—и жертвы приносятъ изъ страха).—Да кто это вамъ сказалъ, что болѣзнь насылаютъ покойники?—Это, говорятъ, сказываетъ

намъ „кюрюмчи“—ворожея.—Ворожеи у насъ въ большомъ уваженіи: случится какая-нибудь болѣзнь или другая бѣда, сейчасъ бѣгутъ къ ворожеѣ. Она иногда говоритъ, что это прогнѣвался такой-то покойникъ. Мы долго заговорились. Сноха открыла печь посмотрѣть посаженные пирожки, а ихъ было надѣлано много. Всѣ-то они сгорѣли. Она взяла одинъ пирожокъ, да какъ швырнетъ мнѣ его въ лицо. „Вотъ, говоритъ, завелся разсказчикъ. Покойники за твои злыя рѣчи разсердились и сожгли пирожки. Завтра что они станутъ ѣсть“. Всѣ принялись меня бранить. Поднялся шумъ страшный. Я ушелъ изъ избы. Послѣ онѣ разсказали объ этомъ отцу, но онъ меня не побилъ и не ругалъ, а только легонько посердился.

И послѣ того я много разъ принимался увѣщевать ихъ, чтобъ они бросили эти языческіе обряды, но ничто не помогаетъ, и доселѣ все ведется по старому. Страшно они боятся оставить свои жертвы и поминки.

Да и я-то толкомъ объяснить всего не умѣлъ. Если бы была книга такая написана на нашемъ языкѣ, тогда бы я былъ твердъ—знай себѣ читай; а то какъ множество спорщиковъ заговорятъ разомъ, тутъ забудешь, что есть въ головѣ. Поэтому я бесѣдовалъ больше наединѣ.

Прологъ я держалъ до октября. Въ октябрѣ, въ воскресенье, я отнесъ его въ церковь. Изъ церкви я взялъ большую книгу церковной печати—поученія на всѣ праздники, изданныя отъ св. синода.

Такъ я жилъ дома и читалъ. У меня была маленькая тетрадка. Что пойму хорошенько, записывалъ по-русски, и всегда носилъ ее съ собой въ карманѣ. Иногда я писалъ молитвы по-татарски, но съ первоначала какъ-то не смѣлъ и читать другимъ.

Такъ прошло время до 1856 года. Я познакомился съ причетниками и дьякономъ. Старый дьячекъ, мнѣ крестный отецъ,—онъ уже померъ,—иногда не чрезъ чтеніе, а просто устно внушалъ мнѣ наставленія, какъ жить, поститься, Богу молиться. Дьяконъ тоже изрѣдка бесѣдовалъ со мною. Однажды, въ концѣ сентября (1856 г.) пріѣхалъ въ нашу приходскую церковь миссіонеръ — протопопъ изъ Казани. Староста нашей деревни погналъ въ церковь изъ каждаго дома по человѣку. Отецъ послалъ меня: поди, говоритъ, Василій, ты что-нибудь поймешь и услышишь, а я ничего не пойму. Отецъ протопопъ служилъ обѣдню, а священника не было дома. Послѣ обѣдни отецъ протопопъ въ церкви же спросилъ нашихъ: какъ вы живете, ходите ли въ церковь?—Ходимъ; что батюшка-попъ прикажетъ, исполняемъ. Я теперь подробно не упомню, какое наставленіе говорилъ намъ мис-

сіонеръ. Когда онъ вышелъ изъ церкви, я подошелъ къ дьякону и говорю: отецъ дьяконъ, доложите протопопу, не найдетъ ли онъ мнѣ какого мѣста, чтобы мнѣ лучше узнать вѣру. За отсутствіемъ священника, миссіонеръ остановился у дьякона. Онъ принялъ меня ласково, разспросилъ, какъ я учился и какъ живу, и какъ живутъ мои родители. Я все сказалъ, какъ зналъ и что думалъ. „Если тебя родители отпустятъ въ Казань, закончилъ онъ, приходи черезъ мѣсяцъ ко мнѣ въ домъ, я найду тебѣ мѣсто". Родители меня отпустили, думая, что я получу мѣсто денежное: они не знали, что я ищу ученья. Въ назначенное время, съ паспортомъ, я явился въ Казань къ отцу протопопу. Подхожу по утру къ его воротамъ, а онъ идетъ изъ дому на должность. Я принялъ у него благословеніе и напомнилъ ему его приглашеніе. Онъ меня припомнилъ, даже назвалъ по имени, и тотчасъ же повелъ меня къ настоятелю монастыря. Отецъ настоятель принялъ меня ласково, обо всемъ подробно разспросилъ. Знаешь ли ты, говоритъ, хорошо читать? Я отвѣчалъ: самъ себя хвалить не могу, а церковники говорили, что читаю ладно.—Ну, говоритъ, если имъ ладно, и намъ ладно. Велѣлъ мнѣ написать прошеніе. Мнѣ написали прошеніе, и я подалъ его преосвященному викарному, и принятъ былъ на жительство въ монастырь. Меня помѣстили какъ послушника. Жилъ я сначала келейникомъ у старичка священника отца Василія. Сперва какъ я къ нему явился, онъ возропталъ: что мнѣ дѣлать съ татарченкомъ. Я просилъ его принять меня къ себѣ: постараюсь, молъ, услужить вамъ. Послѣ онъ сталъ ко мнѣ очень милостивъ. Онъ меня училъ по гласамъ пѣть. Самъ своею дряхлою рукою нацарапалъ ноты для меня. Онъ училъ меня и читать. Особенно заставлялъ читать Псалтирь и потомъ Евангеліе. Недѣли черезъ двѣ сталъ я становиться съ другими послушниками на клиросъ и понемногу пѣть, а читать долго не осмѣливался въ церкви. Прежде въ кельѣ хорошенько протверживалъ часы, тогда уже рѣшался читать въ церкви. Отецъ Василій былъ блаженный старичекъ, преклонныхъ лѣтъ, всегда трезвый, а какъ богомоленъ и какой труженикъ. Съ вечеру приляжетъ немного, а потомъ ночью встанетъ, зажжетъ свѣчку и пойдетъ съ канонникомъ въ чуланчикъ и читаетъ каноны и акаѳисты всю ночь на пролетъ. А Псалтирь зналъ весь наизустъ. Бывало, лишь только начнешь псаломъ, онъ подхватитъ да и докончитъ. Я дивился, какъ такой дряхлый, преклонный старичекъ столько трудится денно и нощно. Я прожилъ у отца Василія мѣсяцевъ семь. Потомъ меня взялъ къ себѣ отецъ казначей и сдѣлалъ провизоромъ.

Занятія мои, по части собственно ученія, состояли въ чтеніи книгъ изъ монастырской библіотеки. Особенно я читалъ толкованіе на Псалтирь въ твореніяхъ св. отцевъ. У отца Василія читалъ Ефрема Сирина. Отецъ Василій много мнѣ объяснялъ, когда я его спрашивалъ, и въ Псалтыри, и въ Евангеліи, и въ службахъ церковныхъ, и въ дѣлахъ житейскихъ. Отецъ настоятель тоже не оставлялъ меня своимъ наставленіемъ: когда въ чтеніи въ церкви я дѣлалъ ошибку, то за первымъ часомъ, какъ я подходилъ къ нему принять благословеніе, онъ исправлялъ мою ошибку. Поступилъ было къ намъ отецъ Никонъ изъ ученыхъ. Онъ хорошо сталъ заниматься со мною, но скоро померъ. Былъ еще одинъ молодой монахъ изъ богослововъ, онъ тоже мнѣ толковалъ, но скоро перешелъ въ другой монастырь.

Такъ я прожилъ въ монастырѣ годъ. На другой годъ меня послали на монастырскую мельницу. Тамъ я жилъ около года. Въ монастырѣ я видѣлъ много способовъ къ наученію и познанію вѣры. Я этому былъ очень радъ. И захотѣлось мнѣ остаться въ немъ навсегда. Я сталъ хлопотать о настоящемъ принятіи меня въ монастырь, подалъ объ этомъ прошеніе своему окружному; отъ своего сельскаго общества выхлопоталъ увольненіе. Всѣ повинности общество сняло на себя. Только въ палатѣ государственныхъ имуществъ мое дѣло остановилось. Когда я пришелъ спросить туда, что мое дѣло, тамъ мнѣ сказали: купи квитанцію или найми рекрута, и ты можешь итти въ монахи. Я отвѣчалъ, что не имѣю денегъ—и ушелъ домой, въ свою деревню. Это было въ 1858 году.

Въ деревнѣ въ томъ же 1858 году родители меня женили и сталъ я жить вмѣстѣ съ ними и работать. Я не велѣлъ женѣ своей приносить къ намъ въ домъ ея молитвенный мѣшечекъ съ деньгами, а только подарить рубаху моему отцу и повязку матери. Но родители не приняли этихъ подарковъ. Родилось у меня двое дѣтей. Я тоже не далъ грошей для моленья. Это огорчало мою мать. Она грозила моимъ дѣтямъ болѣзнію, и когда померли они, то прямо отнесла это къ тому, что я не хотѣлъ дѣлать моленья. По праздникамъ и воскресеньямъ я ходилъ въ церковь, и всегда становился на клиросъ. Случалось читать книги. А въ деревнѣ нерѣдко, и съ большею противъ прежняго смѣлостію, толковалъ о православіи съ своими крещеными. Въ нашей деревнѣ злыхъ спорщиковъ нѣтъ. Если кто не помышляетъ о вѣрѣ, такъ тотъ и не подходитъ ко мнѣ, а говоритъ только: „на что мнѣ русская вѣра. Мы живемъ ничуть не хуже русскихъ, и хлѣбъ родится, и скотъ есть. Какъ родители жили, такъ и я оста-

нусь". Есть одинъ только домъ у насъ, прямо уклонившійся въ магометанство. Разъ хозяинъ этого дома сдѣлалъ дерзость противъ православной вѣры, но его послѣ проучили. Это вотъ какъ было. Строилъ онъ избу. У него работали русскіе плотники, а поденьщикъ некрещеный татаринъ рылъ землю. Нашелъ этотъ татаринъ старую икону, и положилъ ее на тесину. Хозяинъ, какъ увидѣлъ, сказалъ: это старье на что,—да и толкнулъ ногой. Чрезъ нѣсколько времени онъ дѣлалъ угощенье,—русскихъ плотниковъ подчивалъ кислымъ медомъ, а татарина обошелъ. Татаринъ въ сердцахъ пошелъ къ исправнику и донесъ на него, что онъ икону ногой швырнулъ. За это ему досталось. Съ тѣхъ поръ онъ не споритъ противъ православной вѣры, и даже иконы въ домъ принимаетъ. Но у насъ есть и очень добрые, мягкіе и благочестивые люди. Они съ горестью сознаются: ничего мы не знаемъ о вѣрѣ. Такіе съ охотой слушаютъ даже сами. Была у насъ одна старуха; у ней былъ только мужъ старикъ, да была еще дочь взрослая, лѣтъ около тридцати, она была благочестивая. Меня къ этой старухѣ привелъ товарищъ мой. Онъ сказалъ, что она усердно слушаетъ, когда говорятъ о вѣрѣ. Вотъ я пришелъ къ ней, и послѣ часто навѣщалъ ее. Эта старушка была очень благочестива. Сначала она сказала: вотъ татары говорятъ, что у нихъ настоящая вѣра, а у русскихъ ложная. Я ей разсказалъ, что русская вѣра лучше татарской. Магометъ родился, какъ всякій человѣкъ, отъ родителей, а Іисусъ Христосъ родился отъ непорочной Дѣвы силою Божіею. Эти слова убѣдили старушку, да и въ другихъ случаяхъ я съ пользою приводилъ ихъ въ доказательство превосходства православной вѣры предъ магометанскою. Я ей совѣтовалъ бросить языческіе обряды. Она сказала, что и сама готова бросить, но боится, что ей будетъ вредить кереметь. Тогда я сказалъ: ты всѣ моленныя деньги отнеси въ церковь и больше молись Богу, Онъ защититъ тебя отъ всякаго зла и кереметей. Дочь тоже говорила матери: что же, матушка, мы каждый годъ, когда совершаются моленья, будемъ ставить свѣчку предъ образомъ и станемъ молиться Богу. Богъ не допуститъ кереметей насъ трогать. Наконецъ старушка, хотя не безъ страха, рѣшилась это сдѣлать. Послѣ она почувствовала отъ этого легкость на душѣ и свободу. Съ тѣхъ поръ она хотя и готовитъ кушанье для здоровья живыхъ и для поминанья покойниковъ, но въ это время зажигаетъ свѣчу предъ иконами и усердно молится Богу. Такъ начинаютъ поступать и нѣкоторые другіе въ нашей деревнѣ.

Кончу этимъ. Вотъ какъ Господь велъ меня съ малолѣтства:

что будетъ со мною впереди и какими путями Онъ поведетъ меня,— да будетъ Его святая воля. Божіей благости поручаю мою жизнь и спасеніе моей грѣшной души. Господь доселѣ согрѣвалъ мое сердце любовью къ вѣрѣ православной. Молю Его, да просвѣтитъ меня и нашихъ темныхъ крещеныхъ свѣтомъ истины“ [1]).

„Когда Тимоѳеевъ поступилъ практикантомъ въ академію“, пишетъ Ильминскій въ вышеприведенномъ письмѣ князю Урусову, „сначала одинъ, потомъ другой, а послѣ и третій крещенинъ изъ его деревни привезли къ нему дѣтей учить грамотѣ. Мальчики у него жили зиму и занимались.

Они учились грамотѣ по нашему переводу букваря, Бытія и Премудрости. Кромѣ того, онъ постоянно передавалъ имъ, въ устномъ разсказѣ на ихъ родномъ языкѣ, событія Священной исторіи ветхаго завѣта и особенно Евангельскія; водилъ ихъ постоянно въ церковь и объяснялъ церковное богослуженіе. Мнѣ трогательно было видѣть его въ пятницу первой недѣли великаго поста, когда, исповѣдавшись со всѣмъ своимъ семействомъ, женою и этими тремя учениками своими, остался онъ на ночь въ комнаткѣ въ академіи и назидалъ ихъ бесѣдою о причащеніи, котораго они наутріе должны были сподобиться. Мальчики оставались у него, не тоскуя о родинѣ, до конца іюня, когда онъ могъ ѣхать самъ въ деревню. Теперь многіе крещеные татары изъ разныхъ деревень и приходовъ просили его взять къ себѣ въ ученіе ихъ дѣтей. И я исходатайствовалъ у попечителя разрѣшеніе открыть школу для первоначальнаго обученія дѣтей крещеныхъ татаръ, подъ моей отвѣтственностью, а учителемъ будетъ неутомимо-ревностный Тимоѳеевъ. Мы уже наняли близъ академіи небольшой домикъ, въ которомъ помѣстился Тимоѳеевъ съ женой; при немъ учатся теперь пока двое изъ прошлогоднихъ учениковъ и одна дѣвочка, племянница его жены, которая пріѣхала учиться. Но онъ разослалъ письма въ тѣ деревни, гдѣ обѣщали ему отдавать дѣтей, и мы ждемъ учениковъ до 15-ти, даже до 20-ти. При энергическомъ усердіи Тимоѳеева можно надѣяться, что впослѣдствіи мы будемъ имѣть множество мальчиковъ. Главное направленіе и самого Тимоѳеева, и школы—религіозное, православное, но исключающее полезныхъ мірскихъ знаній. Но школа, кромѣ обученія мальчиковъ,

---

[1]) Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань. 1887. Напечатано иждивеніемъ 1-й гильдіи купца П. В. Щетинкина. Мое воспитаніе (разсказъ старо-крещенаго татарина. В. Т—въ).

имѣетъ и другую цѣль. Родственники учениковъ пріѣзжаютъ въ нее и ночуютъ: — видятъ ученіе и слышатъ чтеніе и пѣніе. Тимоѳеевъ бесѣдуетъ съ этими гостями къ ихъ христіанскому назиданію“ [1]).

Василій Тимоѳеевъ, оказавшійся превосходнымъ педагогомъ и миссіонеромъ, самъ описываетъ свою просвѣтительную дѣятельность въ „Дневникѣ старо-крещенаго татарина“, напечатанномъ впервые въ „Православномъ Обозрѣніи“ за 1864 годъ. Позволю себѣ привести изъ него нѣсколько отрывковъ.

Дневникъ старо-крещенаго татарина.

„Всю зиму 1863—1864 года я прожилъ въ Казани. У меня жили и учились три крещенскихъ мальчика изъ одной со мной деревни: Микушъ (Михайла), 15 лѣтъ, Борисъ, 12 лѣтъ, Пабалъ (Павелъ) 10 лѣтъ. Первый до поступленія ко мнѣ умѣлъ уже, хотя не совсѣмъ твердо, читать; второй зналъ склады, а съ Пабаломъ нужно было начинать съ азовъ. По собственной охотѣ ихъ привезли родители, а у Пабала отецъ въ солдатахъ, его привезъ ко мнѣ дѣдушка. Занятія этихъ мальчиковъ, усердныя зимою, съ наступленіемъ лѣта стали со дня на день ослабѣвать. Видимо было, что ихъ тянетъ въ родную деревню, и урокъ на умъ нейдетъ. Наконецъ 26-го іюня пріѣхали изъ нашей деревни за нами двѣ подводы, а 28-го мы выѣхали изъ Казани.

29-го пріѣхали мы въ Савруши, приходскую деревню села Карабаянъ, населенную крещеными татарами. Прежде я слышалъ объ одномъ саврушскомъ мальчикѣ, что онъ имѣетъ большую охоту учиться и съ успѣхомъ обучался въ одной довольно далекой сельской школѣ. Я нарочно остановился въ Саврушахъ, чтобы видѣться съ нимъ. На квартирѣ, гдѣ мы остановились кормить лошадей, я узналъ его имя и гдѣ онъ живетъ, и пошелъ отыскивать его. Иду по деревнѣ и вижу толпу издали, тутъ я нашелъ мальчика Ивана, котораго я искалъ. Когда я съ нимъ поздоровался и началъ говорить, къ намъ подошло много крещеныхъ, и стали спрашивать—кто я и откуда. Я имъ сказалъ. Потомъ, отведши Ивана въ сторону, я говорилъ съ нимъ о чтеніи на татарскомъ языкѣ, и спросилъ, есть ли у него татарскія книги? Онъ сказалъ: сегодня карабаянскій діаконъ далъ мнѣ букварь. Ну что же, спросилъ я, хорошъ ли? — Онъ сказалъ: хорошъ, только есть ошибки. Это былъ букварь перваго изда-

[1]) Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань. 1887.

нія. Тутъ я вынулъ изъ-за пазухи книгу Премудрости и сталъ читать 7-ю главу. Услыхавши, что я читаю, ко мнѣ подошли двое мужчинъ, одна женщина и три дѣвушки. Они слушали съ большимъ вниманіемъ. Женщину нѣсколько разъ звала домой дѣвочка, ея дочь, но она не шла, пока я не пересталъ читать. Когда я пересталъ читать, она сказала: „Богъ привелъ меня слушать такія хорошія слова на родномъ нашемъ языкѣ, спасибо тебѣ“. Другимъ тоже понравилось чтеніе; потомъ я сказалъ Ивану: на, купи эти книги (букварь новаго изданія, книгу Бытія и книгу Премудрости). Онъ ушелъ домой спросить денегъ. Но, вышедши ко мнѣ, ни слова не говорилъ. Я подумалъ, что ему жаль видно денегъ, и далъ ему безъ денегъ книгу Премудрости и другія книги по одному экземпляру, сказавши, что если понравятся эти книги, то деньги заплатишь послѣ. Изъ Саврушъ мы выѣхали въ ночь.

30-го іюня, на разсвѣтѣ, пріѣхали мы въ свою деревню. Меня встрѣтила мать моя и отъ радости не знала, что и дѣлать, а отецъ ночевалъ въ другой деревнѣ въ гостяхъ. Мальчики, ученики мои, тотчасъ разошлись по своимъ домамъ. Утромъ пришелъ ко мнѣ Набалъ въ большой радости и разсказалъ, что дѣдушка и бабушка заставили его читать букварь, а сами слушали и изумлялись, что онъ ясно читаетъ. Имъ онъ читалъ часа два, потомъ вышелъ на улицу и тамъ читалъ. На улицѣ слушала его цѣлая толпа. Нѣсколько мальчиковъ, глядя на него, разохотились учиться сами и, пришедши ко мнѣ, говорили: „дядя Василій, поучи пожалуйста насъ грамотѣ...“

5-го іюля, въ воскресенье утромъ, взялъ я букварь, Премудрость и географическія карты, вышелъ на улицу, на средину деревни, сѣлъ и сталъ показывать карты. Ко мнѣ стали подходить одинъ за другимъ молодые и старые, и набралось всего человѣкъ 50. Я объяснилъ о землѣ, какой она имѣетъ видъ, сколько воды и суши, гдѣ холодно, гдѣ жарко, какъ земля вертится, сколько верстъ имѣетъ въ окружности, гдѣ какіе живутъ народы, какія водятся животныя, — звѣри, птицы, гдѣ чѣмъ люди занимаются, однимъ словомъ, все, что могъ. Потомъ я перемѣнилъ разговоръ, и сталъ читать изъ Премудрости 10-ю главу съ 22-го стиха, 3-ю и 4-ю главу. Потомъ перешелъ къ букварю, изъ него читалъ, начиная съ Символа вѣры до Молитвы Господней. Во время чтенія въ народѣ слышны были голоса: „ахъ, какъ хорошо слушать на своемъ языкѣ. Вотъ въ церкви мы ничего не понимаемъ“. По зову деревенскаго начальника, старики, бывшіе въ числѣ слушающихъ, ушли траву дѣлить. Но они скоро покончили

свой дѣлежъ и опять пришли ко мнѣ, когда я сталъ читать о таинствахъ. Всѣ слушали съ такимъ вниманіемъ, что чтеніе продолжалось не менѣе трехъ часовъ. Всѣ благодарили переводчиковъ и стали расходиться по домамъ обѣдать.

Въ то же утро я предложилъ мальчикамъ, которые стояли въ толпѣ, учиться грамотѣ, но сперва никто не вызвался изъ застѣнчивости. У меня была въ рукахъ деревянная дощечка, нарочно приготовленная для письма. На этой доскѣ написалъ я углемъ двѣ буквы А и У и далъ одному мальчику, а другіе смотрятъ, что онъ будетъ дѣлать. Чрезъ нѣсколько минутъ и эти стали чертить на землѣ буквы щепками. Въ полчаса они выучились писать и произносить тѣ буквы. Я написалъ еще двѣ буквы И и О, потомъ самъ ушелъ обѣдать.

6-го іюля рано утромъ, я еще не вставалъ, приходятъ подъ окно ко мнѣ двое мальчиковъ, и кричатъ: „дядя Василій, поучи насъ читать“. Я сейчасъ вышелъ и написалъ имъ еще три буквы. Они ушли, а днемъ опять пришли ко мнѣ, я еще написалъ двѣ буквы, а прежнія буквы спрашивалъ, они ихъ хорошо знали и писать, и произносить. Вечеромъ они опять приходили ко мнѣ, но меня не было дома.

Я стараюсь по возможности прибрать къ буквамъ какія-нибудь подходящія коротенькія татарскія слова. Это помогаетъ памяти. Какъ только мальчикъ узналъ всѣ буквы, я даю ему букварь, изданный для крещеныхъ татаръ. Тутъ приступаемъ къ складамъ. Затѣмъ въ букварѣ подобраны легкія слова татарскія съ гласною *а*. Опять сначала нескоро и не всякій мальчикъ догадается составить цѣльное, понятное слово. Ему нужно подсказать, иногда довольно заставить произнести скорѣе два слога, онъ и самъ догадается. Одинъ мальчикъ читалъ ка-ра и не могъ самъ догадаться, что это такое, а другой мальчикъ, неграмотный, который его слушалъ, подсказалъ, что это кара. Какъ только ученикъ увидитъ, что тутъ уже идутъ слова съ значеніемъ, онъ самъ добивается до смысла, и потихоньку самъ читаетъ. Склады съ другими гласными мальчики уже разбираютъ удачно сами. Нужно только показать значеніе Ъ и Ь. Такъ мальчикъ, играючи, недѣли въ двѣ выучивается читать настолько, что самъ одинъ въ состояніи продолжать чтеніе букваря. Я этакъ выучилъ нѣсколько мальчиковъ въ своей деревнѣ, несмотря на то, что я очень часто уѣзжалъ въ другія деревни и оставлялъ ихъ безъ своей помощи. Въ то же время, какъ мальчики заучиваютъ буквы, они ихъ пишутъ на доскѣ по печатному. Научившись складамъ, они пи-

шутъ слова, какія имъ придутъ въ голову,—свое имя и имена родственниковъ или товарищей, названія разныхъ домашнихъ животныхъ и вещей. Теперь въ нашей деревнѣ, не только двери и стѣны избъ, но и заборы и ворота покрылись полууставными рукописями нашихъ грамотниковъ...

Наканунѣ праздника Казанской Божіей Матери я отправился въ село Юкачи, отъ нашей деревни въ 35 верстахъ. Тамъ 8-е число храмовой праздникъ. На пути заѣхалъ ночевать, въ деревнѣ Мочалкиной, Юкачинскаго прихода, къ одной крещенской старушкѣ, вдовѣ, по имени Прасковьѣ Яковлевнѣ. Она приняла меня весьма ласково, лучше и быть не можетъ. Ложась спать, слышу добрая хозяйка начала творить молитвы такъ: Осподи, Сусе Христе, Сне помлій насъ аминь.—Богородица радуся, Осподь съ Тобой, Спаса родила нашихъ.—Бисмелля и рахманъ рахимъ.—Ля иля Алла, Мухамедъ расюлла.—Я рапяня худайымъ арь берь хатярдянь сакла мени. Я слушаю и молчу, а самъ въ себѣ думаю, какъ бы ее вразумить. Наконецъ, она сама начала говорить: Василій, ты спишь? — Нѣтъ, говорю.—Какъ Писаніе говоритъ? Можно ли намъ читать татарскія молитвы? Намъ татарки, говоритъ, толкуютъ, что если-де будете читать: ля иля Алла, Мухамедъ расюлла, вмѣстѣ съ мусульманами въ рай войдете. Съ васъ-де простыхъ больше этого и не требуется, — только нужно какъ можно чаще читать эти слова.... Я спросилъ ее: знаешь ли ты, что значитъ Мухамедъ расюлла?—Э, Василій, сказала Прасковья, я ничего не знаю. — Какъ же ты, не понимая, молишься? Нѣтъ, твое сердце должно знать, что говорятъ уста. Такая-то молитва будетъ услышана Богомъ. Потомъ я сказалъ: „Мухамедъ расюлла“ значитъ, что Богъ послалъ его, что онъ посланникъ Божій, пророкъ. Вотъ это слово не годится. Онъ не пророкъ, Богъ его не посылалъ. Въ Божіемъ Писаніи нигдѣ о немъ не сказано. Это разъ. Во-вторыхъ, онъ не сдѣлалъ ни одного чуда. Въ третьихъ, у него было женъ пятнадцать, какъ козелъ какой-нибудь среди стада, такъ и онъ проводилъ жизнь въ нечистыхъ удовольствіяхъ. Въ четвертыхъ, вѣру свою онъ распространялъ огнемъ и мечемъ и до самой смерти не переставалъ воевать и убивать людей. Да и умирая завѣщалъ своимъ единовѣрцамъ истреблять грековъ. Вотъ теперь и смотри, пророкъ можетъ ли такъ поступать? Еврейскіе пророки были не такіе, они были добрые, исцѣляли больныхъ, воскрешали мертвыхъ, дѣлали великія чудеса и жили въ святости. Поэтому татарамъ вѣрить не нужно. Затѣмъ я разсказалъ всю

Евангельскую исторію отъ Рождества Спасителя до вознесенія Его на небо, и какъ Онъ сойдетъ на землю судить живыхъ и мертвыхъ. Если кто въ Іисуса Христа не увѣруетъ, сказалъ я, и не крестится во имя Отца и Сына и Св. Духа, не войдетъ въ рай. Вотъ мы крестились, и каждому изъ насъ данъ ангелъ, чтобы оберегать насъ отъ всякой напасти. Поэтому мы должны помнить только одного Іисуса Христа, нашего Искупителя, и покланяться Тріединому Богу. Ты теперь читала русскую молитву: моему отца... это не такъ. Надо говорить: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. По нашему это вотъ какъ (сказалъ ей по-татарски). Аминь—значитъ истинно.— „Ай, ай“, говоритъ она, „вонъ какъ, а я ничего не знала. Какъ это сегодня Богъ привелъ тебя ко мнѣ? Разумѣется, я такъ бы и умерла, не зная. Спасибо тебѣ“.—Еще ты говоришь: Осподи Сусе Христе, Сие помлій насъ... и это не такъ. Надо говорить: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. По нашему это говори такъ-то. Она просила еще повторить; я ей повторилъ нѣсколько разъ, пока она выучила. Потомъ я ей сказалъ „Богородицу“, сначала по-русски, а потомъ по-татарски, и объяснилъ эту молитву исторіей Благовѣщенія. Какъ Архангелъ, говорю, привѣтствовалъ Дѣву, такъ теперь мы величаемъ Ее, а Она проситъ Сына своего, чтобы Онъ оставилъ грѣхи наши и ввелъ насъ въ рай. Послѣ сихъ словъ она сказала: „ужъ съ этихъ поръ я не буду говорить татарскихъ молитвъ. Я доселѣ думала, что татарская вѣра старая, а она вовсе не такая. Мухамедъ ихъ тоже не былъ добрый. Ужъ теперь я ему вѣрить не буду. Боже мой! прости меня, я не знала. Ну слава Богу, теперь я услышала то, чего въ цѣлую жизнь мою не слыхала“. Разговоръ нашъ продолжался часа четыре...

8-го числа въ 7 часовъ утра пріѣхалъ я въ село Юкачи. Въѣхали къ одному крещенину. Отложивши лошадей, я вошелъ въ избу и спросилъ, нѣтъ-ли у нихъ въ селѣ грамотнаго крещенина. Сказали „нѣтъ“. Я пошелъ къ старому священнику. Онъ, кажется, изъ неученыхъ, уроженецъ того же села и, живя отъ роду своего между татарами, говоритъ по-татарски отлично. Въ его домѣ помѣщается сельская школа. Но когда онъ узналъ, что я крещеный, сказалъ: „я крещеновъ, какъ собакъ не люблю“, и ушелъ отъ меня.

.... Поутру, послѣ завтрака, я сталъ читать изъ букваря катехизисъ. Хозяева слушали. Приходили одинъ за другимъ и сосѣди, и набралось людей обоего пола полна изба. Всѣ слушали безмолвно. Нѣкоторые старики говорили между собою: „если бы мы слышали

этакъ слово Божіе на своемъ языкѣ съ молодыхъ лѣтъ, все-таки получше знали бы свою вѣру. А теперь ничего не знаемъ, что такое вѣра. Посмотри у татаръ, дѣти съ семи лѣтъ начинаютъ ходить къ муллѣ учиться. Хотя не всѣ выучиваются грамотѣ, но все-таки всѣ знаютъ молитвы и вѣру свою; и у нихъ всякій можетъ пересказать и намъ. А мы сами-то ничего не знаемъ и другимъ пересказать не можемъ. Вотъ теперь намъ хорошо слышать на своемъ языкѣ. Ай, спасибо, что написали по нашему". Потомъ я читалъ изъ Премудрости 3 главу. При чтеніи слышно: „вотъ какъ должно почитать родителей. Дѣти! смотрите, что будетъ, если кто родителей не почитаетъ. Вправду, кто не почитаетъ родителей, не бываетъ счастливъ, вправду такъ"...

21-го іюля. Приходятъ ко мнѣ, изъ сосѣдней татарской деревни Артыка, татаринъ Сыбгатулла и жена его Гюльшагида. Сыбгатулла издавна знакомъ со мною и прежде часто разговаривалъ со мной объ обрядахъ русскихъ и татарскихъ. Вошедши въ нашу избу, они по обыкновенію поздоровались. Я посадилъ ихъ за столъ. Сыбгатулла спросилъ: „Василій! не привезъ ли ты изъ Казани татарскихъ книгъ; мы слышали, что ты умѣешь читать наши книги"?—„Да, говорю, выучился татарской грамотѣ, и вотъ привезъ одну книгу, написанную по-татарски". Я и подалъ имъ Евангеліе (изданное въ Петербургѣ). Гюльшагида открыла Евангеліе и стала читать съ самаго начала Евангеліе отъ Матоея родословіе Іисуса Христа. Читая имена праотцевъ, она съ довольствомъ и съ улыбкой сказала мужу: „смотри-ка, имена всѣхъ пророковъ тутъ есть". Тогда мужъ сказалъ: „да, но они Гайсу (Іисуса) называютъ Богомъ, а мы называемъ Его пророкомъ".... Потомъ Сыбгатулла сказалъ: „на томъ свѣтѣ дадутъ намъ по 77 дѣвокъ (гурій), у васъ это есть-ли"?....

... Потомъ я сталъ читать изъ букваря нравоучительныя изреченія Св. Писанія. Слушая это, они говорили: „это такъ, это правда; и въ нашихъ книгахъ велѣно Бога бояться, Царя почитать". Дальше я прочиталъ: „любите враговъ вашихъ" и проч. Тутъ г. М. (мой спутникъ) сказалъ имъ: „а вотъ этихъ словъ нѣтъ въ вашихъ книгахъ. Коранъ велитъ враговъ убивать и имѣніе ихъ грабить". Сыбгатулла сказалъ: „Нѣтъ, Коранъ не велитъ убивать". А Гюльшагида сказала: „точно велитъ убивать невѣрующихъ въ Магомета". Сыбгатуллѣ это было крайне досадно.

Потомъ Сыбгатулла сказалъ: „мусульмане говорятъ, что у насъ книгъ мусульманскаго закона больно много, всего есть четыре тысячи, а у русскихъ мало". Я сказалъ ему: ужели тебѣ много кажется

четыре тысячи? У насъ въ одной только академіи книгъ найдется болѣе четырехъ тысячъ, а въ цѣлой Россіи и счету нѣтъ". Мой пріятель вовсе замолкъ.....

Жена Сыбгатуллы спросила: „а что русскій Царь учится грамотѣ"? Я сказалъ: учится съ малыхъ лѣтъ и знаетъ языки разныхъ народовъ, и Евангеліе все наизусть знаетъ. Поэтому мудро управляетъ своимъ государствомъ, велитъ любить другъ друга". На это Гюльшагида сказала: „въ самомъ дѣлѣ, русскій Царь для мусульманъ хорошъ: не обижаетъ мусульманъ, наравнѣ съ русскими держитъ. Если бы злой былъ, то насъ всѣхъ бы перевѣшалъ, потому что мы не его вѣру держимъ".

А мужъ ея Сыбгатулла сталъ бранить ее и поднялъ руку, чтобы ударить ее. Но сѣдой старикъ удержалъ его и сказалъ: не тронь. Она правду говоритъ. Дѣйствительно Царь хорошо поступаетъ съ нами. Вотъ изъ самихъ насъ поставляетъ намъ начальника, и у насъ мусульманинъ судитъ мусульманина. А ты посмотри-ка, что дѣлается въ Турціи. Я слышалъ: недавно прислали письмо изъ Стамбула казанскіе татары, что иновѣрцамъ нѣтъ никакой пощады, тѣснятъ ихъ до крайности. Даже мусульманамъ-то трудно жить, скота нельзя помногу держать, хлѣба нельзя много сѣять, сады нельзя садить. Если узнаютъ богатаго человѣка, то при сборѣ податей отнимаютъ имѣніе и продаютъ, а деньги берутъ въ подать за бѣдныхъ. Тамъ есть и такіе люди, которые султану вовсе подать не платятъ; сами занимаются грабежомъ, а за нихъ заставляютъ платить другихъ, у кого есть достатокъ. А у насъ Царь на всѣхъ наложилъ равныя подати, и нѣтъ различія между русскими и татарами. Я спасибо говорю за это нашему Царю и молюсь за него Богу"...

22-го августа, суббота. Пріѣхали къ намъ въ гости крещены изъ Юкачинскаго прихода: два старика, двѣ старухи и одна дѣвочка. Въ воскресенье я читалъ имъ и говорилъ съ ними. Въ понедѣльникъ поутру отецъ говоритъ мнѣ: „Василій, ты сегодня пой". Сначала я не вслушался въ его слова. Потомъ онъ опять сказалъ: „пой".—Что же тебѣ угодно, чтобъ я пѣлъ? спросилъ я.—Пой, говоритъ, молитвы. Я тотчасъ же пригласилъ къ себѣ мальчиковъ Пабала и Бориса, и втроемъ припялись пѣть. Сначала раза три пропѣли: Господи воззвахъ, на 2-й гласъ. Потомъ пѣли: Слава Тебѣ Боже нашъ.... Царю небесный, Трисвятое, молитву Господню, Символъ вѣры, утреннія и вечернія молитвы, словомъ, все подъ рядъ, что есть въ букварѣ. Каждую молитву мы повторяли раза два или три. Особенно много разъ про-

пѣли молитву за здравіе живыхъ (чтобы крещены видѣли, какъ ихъ дѣти учатся молиться за здравіе своихъ родителей и родственниковъ). Кромѣ того, по рукописной тетрадкѣ мы пропѣли еще: Слава въ вышнихъ Богу, Воскресеніе Христово видѣвше, Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, и другія. Всѣ эти стихи изложены у насъ на татарскомъ языкѣ. Притомъ же мы пѣли не спѣшно, рѣдко, такъ что каждое слово было внятно. Мы пѣли по крайней мѣрѣ два часа. Сначала насъ слушали только семейные и гости, а потомъ набрались сосѣди. Замѣтно слушали со вниманіемъ, всѣ молчали. Во время пѣнія „Чертогъ Твой“ гости-старушки и мой старикъ отецъ прослезились. Когда мы перестали пѣть, всѣ поблагодарили насъ. Нѣкоторые при этомъ говорили: „какъ хорошо слышать пѣніе на своемъ языкѣ: все понимаешь. А вотъ въ церкви стоишь часа два, а ни слова не поймешь и выходишь безъ всякаго чувства. О, если бы вся церковная служба была переведена на крещенскій языкъ, тогда бы мы ходили въ церковь съ величайшею радостію“. Послѣ этого гости наши уѣхали въ свою деревню...

27-го августа я отправился въ деревню Старую Пкшурму, Лбдинскаго прихода; эта деревня населена половина русскими, половина крещеными. Русскіе крестьяне всѣ отлично говорятъ по-татарски, а крещены по-русски говорятъ довольно плохо, да и то не всѣ. Кромѣ того, тамошніе крещены живутъ большею частію по-татарски, хотя открыто и офиціально не отпали въ магометанство. Въ Старой Пшкурмѣ живетъ моя тетка, родная сестра моей матери, Василиса Ивановна. Она вдова. Я пошелъ съ своей теткой къ учительшѣ Биксутанъ. Вотъ приходимъ къ ней въ избу, а у ней множество гостей, и всѣ въ шапкахъ, и сама Биксутанъ въ бобровой шапкѣ, а на дѣтяхъ тюбетейки. Я думалъ, что гости всѣ мусульмане, но послѣ узналъ, что тутъ не было ни одного мусульманина, все это отатарившіеся крещены. Биксутанъ приняла насъ ласково, посадила за столъ и угощала чаемъ. Она спросила тетку обо мнѣ: „кто этотъ гость“? Тетка отвѣчала: „это мой племянникъ, изъ Никифоровой, живетъ въ Казани, ему желательно было видѣть тебя, поэтому мы и пришли къ тебѣ“. Она сказала: „хорошо, хорошо“. Я сказалъ: я слышалъ, что ты учишь грамотѣ дѣтей, поэтому и желалъ тебя видѣть.—Она говоритъ: „да, учу понемножку“. — А много ли у тебя учениковъ? Она отвѣчала: „семнадцать. Изъ нихъ двое мальчиковъ и пятнадцать дѣвочекъ“. — Ну что же, есть порядочные? „Да, изъ дѣвушекъ многія Коранъ читаютъ“.—А гдѣ ты сама училась? „У Зюринской муллихи, а сама я урожденная изъ деревни Елышевой. Старшая моя дочь доучивалась

у Саврушской муллихи. Она вышла замужъ въ Старую Ижшурму, за крещенина Давида Абрамова. Тамъ теперь она учитъ нѣсколько дѣтей. Младшая моя дочь тоже училась у Саврушской муллихи, но она плохо поняла". Я спросилъ: а попъ ничего не говоритъ тебѣ, что ты дѣтей учишь по-татарски? Она отвѣчала: „нѣтъ, должно быть, попъ не знаетъ, что я учу". А мужъ ея отвѣчалъ: „попъ иногда побраниваетъ родителей, зачѣмъ-де вы учите дѣтей татарской грамотѣ, но родители говорятъ ему: мы отдаемъ ихъ учиться, потому что это все-таки знаніе. Видно, продолжалъ онъ, отъ Царя нѣтъ запрета крещеныхъ учить по-татарски. Поэтому-то попы и молчатъ. Въ прежніе годы бывало тюбетейки нельзя надѣть на голову, а теперь носимъ тюбетейки безъ всякаго опасенія". Къ этому слову Бикеутанъ сказалъ: „въ Коранѣ сказано, что передъ кончиной міра всѣ люди сдѣлаются мусульманами. Вотъ уже многіе изъ крещеныхъ сдѣлались мусульманами". Я сказалъ: а въ Евангеліи Господь говоритъ, что предъ кончиною міра Евангеліе проповѣдано будетъ во всемъ мірѣ. Если кто увѣруетъ въ него, тотъ войдетъ въ рай, а невѣрующіе будутъ горѣть вѣчно въ аду.—Ни отъ кого отвѣта не было...

Приходимъ къ Ивану Асафову (онъ имѣетъ еще другое имя магометанское—Яхья). Послѣ нѣсколькихъ разговоровъ я сказалъ: дядя Иванъ, отдай сына учить мнѣ: у васъ здѣсь плохо учатъ. Вонъ онъ двѣ зимы учился, а другихъ книгъ не можетъ читать. А если онъ у меня поучится, будетъ читать по-татарски и по-русски. Онъ мнѣ сказалъ: „Какъ онъ родился, я обѣщался отдать его въ ученье; возьми только, я отдамъ. Только, я думаю, расходы будутъ большіе". — Я говорю: расходы будутъ вотъ какіе — корми, пой да одѣвай, больше никакихъ расходовъ не будетъ. „Если говоритъ такъ, то я привезу къ тебѣ, вотъ только полушубокъ сошью". Такимъ образомъ онъ согласился отдать мнѣ своего сына учить. Вскорѣ за тѣмъ мы отправились съ теткой домой"...

В. Т—въ. Казань. Сентябрь 1864 г.

Дневникъ старо-крещенаго татарина 1865 года.

... „На другой день, 31-го мая, поутру пришли ко мнѣ ученики мои изъ нашей деревни: Борисъ и Яковъ меньшой. Между прочимъ Яковъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„24-го мая родители мои отпустили меня на праздникъ въ гости, въ деревню Владимірову. Я взялъ съ собой букварь и отправился.

Къ вечеру пришли мы туда; ночевалъ я у своихъ родныхъ. Поутру, послѣ завтрака, дядя мой сказалъ мнѣ: Яковъ, почитай-ка, а мы послушаемъ. Я взялъ букварь и читалъ изреченія Св. Писанія и заповѣди съ объясненіемъ; всѣ семейные слушали со вниманіемъ. Во время чтенія говорили между собой: что это такое значитъ? мы прежде никогда не слыхали чтенія на своемъ языкѣ, а теперь слышимъ; вотъ какія хорошія наставленія заключаются въ Писаніи. По окончаніи чтенія я вышелъ на улицу играть. Среди дня идемъ мы съ Андреемъ по улицѣ, а по правую сторону стоитъ много народа, гости и тутошніе, крещеные и магометане. Изъ крещеныхъ одинъ сказалъ: Яковъ, поди сюда, почитай здѣсь книгу, многіе желаютъ слушать, я говорилъ имъ о тебѣ. — Я сталъ читать изъ букваря о заповѣдяхъ. Когда я прочиталъ вторую заповѣдь, магометане говорили: вотъ тутъ сказано: не поклоняйся идоламъ, а вы доскамъ кланяетесь? Я сказалъ: нѣтъ, вы погодите, а слушайте дальше что будетъ. Прочитавъ о почитаніи иконъ, я и самъ объяснялъ, сколько могъ. Наконецъ я сказалъ: вотъ тутъ досокъ много, мы ни одной изъ нихъ не кланяемся; мы чтимъ не доски, а изображенія святыхъ угодниковъ, которые на доскахъ написаны, но угодниковъ за Бога не признаемъ. Послѣ этого татары спросили меня, что значитъ: Господи помилуй? Я имъ отвѣтилъ — это значитъ: Худай жарлыка, Худай безни сакла. Потомъ я ихъ спросилъ: а что значитъ Алла акбярь? Они сказали: то. Я спросилъ: что то? Они только и говорили: то, и растолковать не могли, такъ и ушли. Крещены послѣ смѣялись надъ ними: вотъ, говорятъ, своихъ молитвъ не понимаютъ. Тутъ подошелъ Борисъ, онъ немного почиталъ и ушелъ. Послѣ Бориса слушающіе разговаривали: вотъ пріятно слушать, когда понимаешь читаемое, и на сердцѣ весело; а въ церкви стоишь пенькомъ—ничего не понимаешь; стоишь и только дремлешь. Иногда придешь въ церковь, поставишь грошевую свѣчку и—назадъ. А если-бы на своемъ языкѣ читали, не думали бы выходить изъ церкви. Спасибо, что перевели эту книгу. — Тогда я ушелъ. Еще въ одномъ домѣ я читалъ, и тамъ очень охотно слушали".

Затѣмъ Борисъ разсказалъ свое похожденіе такъ: „И я былъ во Владиміровой, въ гостяхъ. Къ кому мы пріѣхали въ гости, тамъ читалъ я изъ букваря катехизисъ. Всѣ домашніе слушали съ умиленіемъ, а нѣкоторые, чувствуя свои грѣхи, плакали. Въ одинъ день шелъ я по улицѣ и, увидѣвъ много собравшагося народа, подошелъ къ нимъ близко, тутъ сказали: вотъ и этотъ умѣетъ читать и заставили меня прочитать что-нибудь, а тутъ Яковъ читалъ до меня. Я

сѣлъ и читалъ, но не много, — я что-то чуствовалъ себя нехорошо. Потомъ мы съ Андреемъ ушли къ нему въ домъ".

За этимъ Яковъ малый еще разсказалъ слѣдующее: „27-го мая пришли къ намъ двѣ женщины, одна изъ нашей деревни, ворожейка, Матрена; другая, изъ Артыка, магометанка, по имени Гюлей. Эта послѣдняя сказала; Яковъ, почитай-ка книгу; мнѣ желательно послушать вашей книги. Я взялъ букварь и читалъ заповѣди съ объясненіемъ. Когда я прочиталъ вторую заповѣдь: не покланяйся кумирамъ, Гюлей сказала: видишь-ли—вотъ не велѣно кланяться идоламъ, а вы кланяетесь и почитаете доски, или дерево, вмѣсто Бога?— Нѣтъ, ты погоди, отвѣтилъ я, а вотъ послушай, что будетъ дальше. Когда я прочиталъ о почитаніи иконъ, она сказала: а, вотъ какъ, если такъ, такъ вреда нѣтъ въ почитаніи иконъ. Когда я почиталъ объясненіе пятой заповѣди: „алчущаго накормить, больного посѣтить", тутъ она сказала: вотъ тутъ велѣно къ больному ходить, а ты давеча сказалъ намъ, что ворожеекъ не слѣдуетъ принимать. — Я отвѣтилъ имъ: дѣйствительно принимать не нужно и ворожеямъ вѣрить не слѣдуетъ. Вѣдь вы ничего не знаете, а къ больному надобно ходить затѣмъ, чтобы помогать и служить ему, а не ворожить. И разнымъ кереметямъ не должно вѣрить, потому что кереметь не живой, онъ не можетъ сдѣлать ничего худого, какъ вы думаете, что будто онъ насылаетъ болѣзнь на человѣка—это пустяки. За такія слова онѣ недовольны остались мной. Онѣ у насъ въ избѣ остались, а я вышелъ на улицу".—Этимъ оканчивается разсказъ Якова...

Когда я сидѣлъ у нихъ въ домѣ, они разсказывали мнѣ, какъ Борисъ читалъ у нихъ нравоученія, при этомъ бабушка Николая сказала: вотъ мы все говорили—татары, да татары, т. е. думали, что только у татаръ, магометанъ, и находится хорошее образованіе и нравоучительныя книги, а вотъ у насъ и въ русскихъ книгахъ есть прекрасныя наставленія. Когда мы услышали чтеніе Бориса, заплакали совсѣмъ. Вотъ насъ больно обольщаютъ татарки: онѣ говорятъ: если вы будете произносить: ля иляга иллялла, Мухамметъ расулюлла, такъ прежде насъ въ рай попадете. Иной разъ на эти слова и совратишься. Нѣтъ вотъ у насъ твердости; а если бы были у насъ книги, мы крѣпко стояли бы, ужъ никого бы не послушали...

Вечеромъ передъ сномъ сталъ я Богу молиться. Бабушка съ дѣдушкой лежали на постели. Бабушка и говоритъ: о, сколько мы невѣжды, ни вечеромъ, ни утромъ, ни днемъ, никогда не молимся, подумаешь, на кого мы походимъ. Отъ чего это такъ, сама я не знаю.

А дѣдушка на эти слова ея сказалъ: что же дѣлать, живемъ какъ скотина. Кончивши молитву, и я легъ съ ними на нары. Тутъ дѣдушка Иванъ разсказалъ слѣдующее: „назадъ тому три года, въ великій постъ, пріѣзжалъ къ намъ священникъ и заставилъ всѣхъ нашихъ жителей поститься и молиться цѣлую недѣлю. Служилъ онъ у насъ въ этой комнатѣ. Онъ насъ исповѣдывалъ тутъ же, а причаститься мы ѣздили въ церковь. Тогда покойный Терентій во всю недѣлю ни разу не крестился и стоялъ просто какъ столбъ. Мы всѣ удивлялись ему. Онъ былъ преданъ татарской вѣрѣ. Принялъ ли онъ тогда св. Причастіе, не знаю. Но все я думаю, что Господь его за это наказалъ. Въ тотъ же годъ сына его забрали въ рекруты, а самъ померъ сердечною болѣзнію. Нынче и послѣдній сынъ его померъ тою же болѣзнію. И домъ достался чужимъ“...

На одиннадцатое число я ночевалъ въ школѣ. Поутру часовъ въ шесть бѣжитъ въ школу мальчикъ, а я, лежа на постели, читалъ что-то. Спрашиваю: зачѣмъ ты пришелъ? Онъ говоритъ: учиться. Теперь рано; поди домой и приходи сюда немного погодя, тогда и другіе мальчики придутъ. Онъ ушелъ. А я подумалъ: что если бы на моемъ мѣстѣ былъ учитель русскій, силою бы не затащилъ сюда, а мальчику не больше лѣтъ восьми. Часовъ въ восемь собрались мальчики въ школу, тутъ же вскорѣ бѣжитъ опять тотъ мальчикъ съ отцомъ. Отецъ вошелъ въ школу и говоритъ мнѣ: ты, Василій, что не пустилъ моего сына? онъ замучилъ меня, просто плачетъ и тащитъ меня сюда; батюшка, говоритъ, поведи меня въ училище. Я ему говорю: давича рано было, а теперь давай будемъ учить. Черезъ нѣсколько времени приходитъ отецъ другого мальчика и, посмотрѣвъ на наше занятіе, говоритъ: вотъ отчего мальчики больно желаютъ итти сюда, ты на нихъ потрафляешь, ласкаешь ихъ. А я видывалъ другія училища, тамъ ихъ за ухо дерутъ, либо за волосы треплютъ. Если бы я былъ, я бы, кажется, далъ ихъ. Ну исполать тебѣ, ты переносишь. А вѣдь при ихъ крикѣ одинъ часъ просидѣть тяжело...

Въ воскресенье, 20-го числа, встали и помолились Богу. Потомъ Борисъ читалъ изъ букваря, а Яковъ читалъ изъ Бытія, читалъ не скоро, но твердо. Тутъ позвалъ меня къ себѣ одинъ старикъ. Я отправился къ нему. Узнавъ обо мнѣ, пришли къ нему нѣсколько другихъ людей. Они одобряли ученье на своемъ родномъ языкѣ, говоря: эти мальчики съ перваго же начала понимаютъ, что читаютъ, а другіе, проучившись три года, и то не умѣютъ передать намъ ничего. Это прекрасно вздумали. А одинъ при этомъ сказалъ: какъ бы ни

было, но грамотность во всякомъ случаѣ хороша. Однажды мы ѣздили въ Чистополь, остановились на квартирѣ. Насъ крещеныхъ было много, и Андрей, грамотѣй, Шиморбашскій, былъ съ нами. Тутъ русскіе мѣщане стали надъ нами смѣяться, что мы никакой вѣры не знаемъ, и обзываютъ насъ всячески. А Андрей все молчитъ (про него я слышалъ, что онъ хорошо зналъ Писаніе); вотъ онъ молчалъ-молчалъ, и принялся насъ защищать, говоря: а вы сами знаете свою вѣру, вотъ то и то? Они было сначала кое-что отвѣчали, а потомъ одинъ за другимъ попятились, и не осталось ни одного, всѣ ушли. Такъ вотъ, если бы не Андрей, надругались бы надъ нами до сыта. Что же намъ дѣлать, когда насъ не учатъ? Какъ же мы будемъ знать вѣру? Вотъ эти мальчики (о Борисѣ и Яковѣ) будутъ знать, и другіе черезъ нихъ узнаютъ, потому что они читаютъ и говорятъ на родномъ языкѣ.

Этакое ученье особенно хорошо.—На этотъ разъ одинъ изъ нихъ сказалъ: вотъ я знаю „Отче нашъ“, и проговорилъ до конца, и присовокупилъ: вотъ я всю молитву знаю, а не понимаю, что теперь прочиталъ.—Но увы, какъ онъ прочиталъ молитву! Писать даже неловко.

Выслушавъ, я прочиталъ ему „Отче нашъ“ на родномъ языкѣ и объяснилъ всѣ прошенія, какъ въ катехизисѣ. Еще одинъ крещеный сказалъ: плохо наше дѣло, даже не знаемъ, свѣчку ставить которому святому. Однажды въ церкви я даю свѣчку поставить Николаю Милостивому, а онъ ставитъ Николаю угоднику, вотъ и тутъ плохо, какъ не знаешь. Я на это ему сказалъ: это одинъ святой, милостивый и угодникъ все тотъ же Николай. А онъ говоритъ: нѣтъ, не одинъ, Николай угодникъ по правую сторону церкви, а Николай милостивый по лѣвую сторону стоитъ. Ахъ, ты, дядя, не понимаешь, говорю я, милостивый по нашему вотъ что значитъ, а угодникъ вотъ что. Затѣмъ разсказалъ жизнь и чудеса святителя Николая. Всѣ слушали съ усердіемъ и удивлялись ему. У этого старика, у котораго теперь мы сидѣли, сноха солдатка жила у насъ въ школѣ недѣль около семи, а мужъ ея жилъ въ казармахъ въ Казани. Она-то много добраго передала своей деревнѣ объ нашей школѣ...

30-го іюня, взявъ съ собою маленькаго Япрея, отправился я въ деревню Урясь-башы...

Слушателей болѣе и болѣе скоплялось не только изъ здѣшней деревни, но даже изъ разныхъ деревень, потому что здѣсь празднуютъ св. первоверховнымъ апостоламъ Петру и Павлу. Многіе говорили: ахъ, мы ничего не знаемъ своей вѣры; поди, вонъ татары какъ знаютъ. Каждый мальчикъ исповѣдуетъ и молитвы знаетъ, а у насъ,

крещеныхъ, и старики даже не знаютъ ничего. А другіе на это говорили: какъ же мы будемъ знать? кто насъ учитъ? отъ кого мы слышимъ? Мальчики наши иногда и учатся русской грамотѣ, но не умѣютъ передавать на татарскомъ языкѣ. Вонъ теперь Антонъ читаетъ книги на своемъ языкѣ,—любо слушать. Немного пожилъ въ Казани, а читаетъ очень удовлетворительно. (Тогда около меня стоящимъ мальчикамъ сказалъ я: вотъ я самый и есть учитель Антона, онъ у меня учился въ Казани. Не будетъ ли еще желающихъ?—Четыре мальчика сказали: я буду, меня отецъ хочетъ везти). Если бы учились всѣ мальчики такъ, говорили, тогда бы и знали и слышали отъ нихъ что-нибудь о своей вѣрѣ. А то родишься, живешь и состарѣешься, ни отъ кого ничего не слышишь, насъ же ругаютъ: а, крещенски лопатки! Постъ не любишь держать, а зайца любишь ѣшать?—Это правда, говоритъ одинъ изъ слушавшихъ. По неволѣ теперь изъ насъ нѣкоторые уже стали жить по-татарски, что они всегда слышатъ отъ татаръ доброе, назидательное слово; мы ходимъ къ татарамъ и слышимъ и видимъ, что у нихъ мулла постоянно съ ними вмѣстѣ въ артели обѣдаетъ, и тутъ предъ нимъ сидятъ чинно и слушаютъ его ученіе; а онъ все говоритъ имъ о книжномъ словѣ. А наши попы не любятъ сидѣть съ нами. Хотя случится когда имъ обѣдать у насъ, и тогда даже сидѣть нельзя, а стой—торчи на ногахъ; иначе за непочтеніе считаютъ и начинаютъ бранить. И такъ вѣкъ проходитъ, что отъ нихъ назидательнаго не услышишь. Положимъ, иные священники не знаютъ по-татарски, а которые знаютъ, тѣмъ бы надо при случаѣ говорить намъ о вѣрѣ на нашемъ языкѣ...

Много свѣдѣній магометанскихъ передавали мнѣ нѣкоторые молодцы, портничествующіе въ татарахъ, но я, съ Божіею помощію, опровергалъ ихъ христіанскими свѣдѣніями. Но я затруднился нѣсколько при слѣдующемъ разсказѣ одного человѣка. Онъ говорилъ:—муллы, гдѣ ихъ ни увидишь, всегда держатъ себя степенно, не ругаются, вина не пьютъ, не валяются. А вотъ, я слышалъ, бывали такіе старики-попы, когда, бывало, ходятъ съ крестомъ по вотякамъ,—напиваются... Что же это за вѣра, когда пастыри ея такъ поступаютъ. Я сказалъ: согласись, есть хорошіе священники, а изъ муллъ есть лицемѣры и даже страшные воры. Мы всѣ слабы. Всякій человѣкъ, не исполняющій своей обязанности, отдастъ въ томъ отвѣтъ самому Богу.

Много говорилъ и о другихъ предметахъ и, благодаря Бога, успѣвалъ. Когда я уходилъ, меня благодарили. Было ровно 11 часовъ ночи.

Переночевавъ, на другой день зашелъ я къ крещенному Ѳедору. Онъ человѣкъ старый, лѣтъ 65. Съ роду не видывалъ я подобнаго ему человѣка, такого сладкорѣчиваго и умнаго, среди крещеныхъ. Когда мы вошли, онъ посадилъ насъ за столъ, постлалъ чистую скатерть, положилъ на столъ хлѣбъ и началъ молиться, смотря на икону. Молитва его была не русская и не магометанская, а самодѣльная разговорными словами. Какъ онъ чувствовалъ, такъ и просилъ и въ то же время благодарилъ Бога. Онъ долго говорилъ, но я упомнилъ только нѣкоторыя мысли: Господи, прости наши грѣхи, даруй намъ провести сей праздникъ въ радости вмѣстѣ съ нашими родственниками. Благодарю Тебя за эту хлѣбъ-соль, которую Ты даровалъ мнѣ, дай спорость находящемуся на столѣ хлѣбу, кушанью и водѣ. Потомъ онъ обратился къ гостямъ и глубоко поклонился имъ, говоря: спасибо вамъ, гости, что пришли, а иначе съ кѣмъ бы я раздѣлилъ все это. Устроивъ все, онъ просилъ ѣсть и пѣлъ гостямъ стихи, напримѣръ: по-утру я вышелъ, солнце свѣтило на мое лицо, я приготовилъ хлѣбъ и пищу, какъ только родные мои пришли мнѣ на мысль.— Я подумалъ: вотъ былъ бы поэтъ, если бы только зналъ грамотѣ...

Япрей, мой маленькій спутникъ, читалъ изъ букваря, по разнымъ мѣстамъ, около сидящихъ людей. Онъ нашелъ изъ своей родни одного грамотнаго мальчика, разохотилъ его читать; тотъ попросилъ у меня букварь, я ему далъ...

Меня позвалъ къ себѣ одинъ крещенный, старикъ Макаръ. Когда я къ нему пришелъ, онъ говоритъ мнѣ: эй Василій, спасибо тебѣ.— За что? спросилъ.—А вотъ за что. Я думалъ прежде, стоитъ ли вести мальчика въ Казань? Съ сею мыслію позвалъ я къ себѣ Антона, заставилъ его читать. Что же оказалось?—онъ очень хорошо читаетъ и такъ недолго учился. Будь увѣренъ, если Богъ велитъ, и я одного внука своего отвезу къ тебѣ въ Казань. Я и другихъ мальчиковъ видѣлъ, учившихся у тебя; они исправляются.—Я далъ ему слово: привози, возьму.—Въ тотъ же день мы возвратились домой...

Послѣ того пришелъ еще крещенный, отецъ одного изъ учениковъ чистопольскихъ, и онъ просилъ взять его сына. Я велѣлъ ему привести своего сына, онъ привелъ. Я спросилъ, чему онъ учился въ училищѣ. Онъ сказалъ, что какъ они пріѣхали въ училище, имъ дали книгу „Другъ дѣтей“ и во все время, до отпуска, они читали только ее. Поступили же они въ училище около половины декабря, на Рождество и на Пасху жили дома, распущены 25-го іюня. Всѣхъ учениковъ было около ста, но изъ крещеныхъ татаръ были только

эти два мальчика изъ Кулущей. Я далъ ему прочитать изъ Евангелія отъ Матѳея (по-русски) I-й главы, отъ стиха 18. Онъ прочиталъ нѣсколько стиховъ. Я спросилъ: понимаешь ли, что ты читаешь?—Говоритъ, нѣтъ.—Послѣ него Семенъ (нашъ ученикъ) читалъ изъ Евангелія, и, по прочтеніи, разсказалъ на своемъ языкѣ. Тогда я сказалъ бывшимъ тутъ крещенымъ: эти мальчики оба начали учиться въ одно время и учились равное время. А между тѣмъ одинъ понимаетъ, что читаетъ, а другой—нѣтъ; какой же успѣхъ, когда ученикъ не понимаетъ. Это происходитъ отъ того, что мальчикъ не знаетъ по-русски, а учитель не знаетъ по-татарски и объяснить не можетъ,—и выходитъ непонятно. Я знаю тотъ и другой языкъ, и своимъ ученикамъ все объясняю на своемъ языкѣ; они научаются переводить русское чтеніе на свой языкъ, и такимъ образомъ привыкаютъ понимать чтеніе. Для этого я сначала учу читать на своемъ языкѣ, а потомъ уже по-русски. Это я сказалъ по тому случаю, что слышалъ, будто нѣкоторые мальчики, обучающіеся въ другихъ мѣстахъ, разсуждаютъ: зачѣмъ намъ учиться на своемъ языкѣ, мы его и такъ знаемъ, а надо учиться только русскому языку.—Такимъ образомъ этого ученика обѣщался отецъ привезти въ Казань, и самъ мальчикъ желаетъ учиться у меня. Потомъ, услышавъ про меня, приходитъ одна женщина изъ той же деревни и говоритъ: и я бы вмѣстѣ съ Семеномъ отвезла къ тебѣ въ Казань своего сына, потому что я слышала, что у васъ хорошо учатся.—Я ей сказалъ, что я русскихъ не принимаю. Тутъ Семенъ сказалъ: дядя Василій, пожалуйста, этого мальчика прими, онъ хорошо говоритъ по-татарски, онъ будетъ насъ учить говорить по-русски.—На это я отвѣтилъ: если такъ, хорошо, приму.—Тогда женщина говоритъ: а за ученье ты берешь?—Нѣтъ, не беру.—Она сказала: если ты теперь не возьмешь, не взыщешь ли послѣ?—Нѣтъ, сказалъ я, этого не будетъ. У насъ ученье вольное,—хочешь—вези, не хочешь—нѣтъ. Она обѣщала привезти сына своего съ другими мальчиками; это было бы для насъ полезно.

А Семена родные призываютъ въ свои дома и заставляютъ читать, а по праздникамъ онъ читаетъ на улицѣ. Дай-то Господи, чтобы все такъ и впредь дѣлалось, авось бы потихоньку наши темные крещеные просвѣтились...

10-го августа приходитъ ко мнѣ мать ученика Павла и говоритъ: я слышала, что ты хочешь скоро ѣхать въ Казань.—Да, я сказалъ, разговѣвшись, въ понедѣльникъ поѣду.—Одинъ поѣдешь, или кого

возьмешь съ собой?—Одинъ.—Она говоритъ: возьми моего Павла.—Ладно, возьму.—Узнавъ о Павлѣ, приходитъ Борисъ: дядя Василій, ты Павла съ собой берешь?—Да.—Бабушка прислала меня узнать объ этомъ и просить, не возьмешь ли ты и меня.—Я его спросилъ: а дѣдушка пускаетъ ли тебя?—Они, говоритъ, вчера совѣтовались меня отпустить вмѣстѣ съ тобой.—Хорошо, говорю, готовься, уѣдемъ въ понедѣльникъ. Онъ весело побѣжалъ домой. И другіе мальчики напрашивались ѣхать со мной вмѣстѣ, но я до времени велѣлъ имъ погодить.

15-го августа мы втроемъ собрались и поѣхали въ Казань. На пути заѣхали въ деревню Три Сосны къ ученикамъ Василію и Денису узнать, поѣдутъ ли они въ нынѣшнюю осень учиться. Они оба обѣщались, что непремѣнно поѣдутъ. Оттуда заѣхали въ деревню Савруши съ тою же цѣлію, и тутъ слышали то же желаніе. Подвода наша изъ Саврушъ вернулась назадъ, а мы остались пѣшкомъ. Такимъ образомъ сто верстъ до Казани гдѣ плелись пѣшкомъ, а гдѣ попадались попутчики. 18-го августа прибыли въ Казань.

Нужно было пріискать помѣщеніе для школы. Мы наняли домикъ, пообширнѣе прежняго, и я на досугѣ улаживаю его. Ожидаемъ учениковъ больше, чѣмъ было прежде, и уповаемъ, что и въ наступающемъ учебномъ году наша скромная школа взыскана будетъ милостію Бога и добрыхъ людей".

Казань.
Сентябрь 1865 г. [1]).

Миссіонерско-педагогическій дневникъ старо-крещенаго татарина.

„Я выѣхалъ изъ Казани 1-го іюля съ 11-лѣтнимъ ученикомъ Ефремомъ Макаровымъ, на пароходѣ, по направленію къ Елабугѣ....

Въ Елабугу мы прибыли 2-го числа. Потомъ я съ ученикомъ своимъ Ефремомъ (я его повсюду водилъ съ собой) поѣхалъ въ село Еловое, куда прибылъ передъ закатомъ солнца... Тутъ я прямо пріѣхалъ въ домъ, откуда въ 1867 году одинъ мальчикъ учился въ нашей Казанской школѣ. Спросилъ сына хозяина, своего бывшаго ученика, чѣмъ онъ занимается, читаетъ ли, пишетъ ли, а потомъ спросилъ, есть ли у нихъ въ селѣ грамотѣи. Мнѣ указали на нѣсколькихъ русскихъ, а изъ крещеныхъ татаръ на одного, по имени

[1]) Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань. 1887.

Оедора. Я послалъ за нимъ, и онъ пришелъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ; Оедору примѣрно лѣтъ 17, а братъ старше его. Онъ учился въ своемъ селѣ и еще въ приходскомъ Елабужскомъ училищѣ. Я заставилъ его прочитать изъ нашего букваря по-русски, какъ мужикъ сѣно везъ, и пр. Когда онъ прочиталъ этотъ коротенькій и весьма простой разсказъ, я просилъ его передать по-татарски, и онъ сказалъ: „наизустъ я не могу разсказать". Я велѣлъ ему перевести, глядя въ книгу. Онъ сталъ переводить такъ буквально, что было совсѣмъ непонятно. Потомъ я велѣлъ перевести моему Ефрему. Ефремъ прочиталъ сказку и подробно передалъ ее по-татарски языкомъ правильнымъ и вѣрнымъ. Всѣ этому удивились, какъ чему-то небывалому. „Какъ это, говорятъ, книга одна, а чтецы разные, одинъ читаетъ—ничего не понимаешь, а другой читаетъ, такъ все понятно". Я спросилъ Оедора, какую книгу онъ читалъ.—„Исторію, говоритъ, и Евангеліе".—Не разскажешь ли чего-нибудь изъ этихъ книгъ?—Онъ сказалъ: „ничего не могу разсказать". Тутъ я сказалъ: вотъ какъ недостаточно такое ученіе только по русскимъ книгамъ; такой грамотѣй не приноситъ никакой пользы своимъ домашнимъ. Потомъ я спросилъ: ты, конечно, знаешь какую-нибудь молитву? Онъ сказалъ, что знаетъ „Отче нашъ", и прочиталъ правильно. Я спросилъ: что ты это говорилъ и кому? Онъ говоритъ: „я не знаю, что и кому, я только прочиталъ, что въ книгѣ написано". Тогда я велѣлъ Ефрему прочитать эту молитву съ переводомъ на татарскій языкъ. Ефремъ прочиталъ ее раздѣльно по предложеніямъ, по-русски и по-татарски. Слушавшіе смотрятъ на Ефрема и не знаютъ, что сказать. „Вотъ говорятъ, что значитъ: мы читаемъ одни только слова, а сами не понимаемъ, что говоримъ. А этотъ мальчикъ такой маленькій, а какъ хорошо объясняетъ и разсказываетъ". Затѣмъ Ефремъ читалъ изъ „Чынъ день кенягясе" по-татарски и тутъ же переводилъ по-русски, а потомъ сталъ читать только по-татарски. Всѣ внимательно слушали и говорили: „вотъ тутъ мы всѣ одинаково понимаемъ, даже и женщины, которыя ровно ничего не знаютъ". Ефремъ прочиталъ и катехизисъ; я потомъ подробнѣе разсказывалъ о таинствахъ. Они при этомъ замѣтили: „охъ, ходимъ мы только въ церковь, крестимся и проч., а сами не знаемъ, какую благодать получаемъ чрезъ это; смотримъ, какъ на одинъ пустой обрядъ".—Потомъ стали мы съ Ефремомъ пѣть молитвы, начиная съ молитвы Господней, затѣмъ воскресные ирмосы четвертаго гласа и великопостные Андрея Критскаго, наконецъ „Кто Богъ великій". Это пѣніе не-

ремѣшивалось съ подробнымъ разсказомъ о томъ, когда то или другое поется въ церкви и по возможности съ разъясненіемъ содержанія и происхожденія того или другого стиха. Въ тотъ же вечеръ мы пѣли по-татарски псалмы 33-й и 102-й. Бесѣда наша продолжалась по крайней мѣрѣ до 11 часовъ. Грамотѣй Ѳедоръ съ братомъ оставались до самаго конца бесѣды. Я между прочимъ сказалъ имъ: Ѳедоръ собственно грамоту хорошо знаетъ, но только не привыкъ вникать и понимать читанное. Пріѣхалъ бы въ нынѣшнее лѣто въ Казань въ школу, мѣсяца въ два пріучился бы и читать съ толкомъ, и по-татарски разсказывать, и пѣть молитвы, а потомъ вернулся бы домой и самъ могъ бы обучать другихъ...

На другое утро, вставъ отъ сна, мы пѣли утреннія молитвы, а домашніе всѣ присутствовали при нашей утренней молитвѣ, слушали особенно женщины и выражали свое усердіе и удивленіе различными возгласами. Напившись чаю, пошли мы въ церковь. По указанію мѣстнаго священника, я въ тотъ же день поѣхалъ въ деревню Малое Еловое, въ двухъ верстахъ отъ села. Повезъ меня туда отецъ моего ученика Алексѣя, Ѳедоръ Аѳанасьевъ, и прямо къ Николаю Михайлову, у котораго—грамотный сынъ Александръ, лѣтъ 14-ти...

Мы вошли, потомъ позвали грамотнаго мальчика; далѣе наша бесѣда шла почти такъ же, какъ въ селѣ Еловомъ у Ѳедора. Мальчикъ Николай оказался также умѣющимъ хорошо читать по-русски, но безъ всякаго пониманія. Онъ прочиталъ намъ изъ Евангелія отъ Матоея I гл. 18 ст., потомъ изъ святцевъ кондакъ на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи: по-славянски читаетъ очень бойко и по удареніямъ правильно. Но ни Евангельской исторіи, ни тѣмъ болѣе кондака онъ не могъ разсказать по-татарски. Я при этомъ показалъ въ Евангеліи на мѣсто, гдѣ говорится объ усѣкновеніи главы Предтечиной. Ефремъ мой прочиталъ все это мѣсто и изложилъ по-татарски. Отецъ и мать Александра слушали Ефрема съ изумленіемъ и сказали: „вотъ такъ ученикъ, а нашъ сынъ учился зимы четыре, а не умѣетъ такъ разсказывать ясно“. При этомъ я показалъ то же мѣсто изъ татарскаго перевода Евангелія и прочиталъ его. Съ этого началось чтеніе татарскихъ книгъ. Ефремъ прочиталъ изъ „Чынъ день кенягясе“ весь катехизисъ. Послѣ того хозяйка сказала: „Эй, откуда это привелъ васъ сюда Богъ. Сынъ мой учился, учился, а никогда такъ намъ не разсказывалъ“. Послѣ этого я просилъ его прочитать нѣкоторыя молитвы; онъ прочиталъ правильно, но ничего не понималъ. Даже и родители его умѣютъ наизустъ читать молитвы, но также безъ пониманія.

Поговоривъ довольно много, я хотѣлъ ѣхать; но они сильно упрашивали остаться ночевать, чтобъ еще побесѣдовать: „намъ“ сказали, „никогда не приводилось такъ говорить ни съ кѣмъ и, можетъ быть, не придется“. Когда я согласился остаться, замѣтна была особенная ихъ радость. Весь этотъ вечеръ провели мы въ религіозныхъ и назидательныхъ бесѣдахъ, чтеніи и пѣніи...

Ипполитъ Гавриловъ (лѣтъ 32-хъ), женатый, имѣетъ дѣтей; онъ засѣдателемъ въ волостномъ правленіи, совершенно хорошо говоритъ по-русски, пишетъ и читаетъ, учился нѣсколько въ Елабужскомъ уѣздномъ училищѣ. Послѣ того, какъ мы познакомились, зашла у насъ рѣчь о грамотѣ и ученіи. У него лежало Евангеліе славянорусское; онъ сталъ читать. Я просилъ его пересказать читанное по-татарски. Онъ отказался, говоря, что не умѣетъ пересказать по-татарски. Я заставилъ то же прочитать Ефрема, онъ читалъ и переводилъ по-татарски. Ипполитъ долго, пристально смотрѣлъ на мальчика, ничего не говоря; наконецъ, съ изумленіемъ сказалъ: „вотъ какой молодецъ, какъ это онъ такъ знаетъ“. И старикамъ это чтеніе и толкованіе Ефрема понравилось. По этому поводу я объяснилъ свой способъ обученія, начинать съ книгъ татарскихъ (тутъ я вынулъ изъ кармана татарскую книгу) и потомъ уже приступать къ чтенію русскихъ книгъ, но ихъ читать не иначе, какъ съ переводомъ на татарскій языкъ. Ипполитъ сказалъ, что у него была подобная татарская книжка, и онъ ее читалъ, но онъ ее кому-то отдалъ. Онъ хвалилъ ту книжку. „Сначала, говоритъ, безъ привычки казалось дико читать ее, но когда привыкнешь, то легко читается, все понятно — это хорошо: все, что прочиталъ, все можешь пересказать“. Послѣ этого Ефремъ сталъ читать изъ „Чынъ день кенягясе“ повозавѣтную исторію, начиная съ Рождества Христова. Когда онъ дошелъ до молитвы Господней и прочиталъ ее, я сказалъ: по-русски эта молитва такъ-то. Ипполитъ сказалъ: „ужели это Отче нашъ? Я ее по-русски знаю“.—Ефремъ въ подтвержденіе прочиталъ „Отче нашъ“ стихъ за стихомъ на обоихъ языкахъ. Катехизисъ также прочитали весь. Тутъ мы еще пѣли. Затѣмъ я сказалъ, что если имъ угодно, то и здѣсь можно ввести преподаваніе, какъ въ Казани. Ипполитъ относительно языка школы сознался, что дѣйствительно татарченку, ни слова не знающему по-русски, весьма трудно и скучно учиться прямо по-русски, а по-татарски легко. На мое предложеніе устроить у нихъ школу согласились не только Ипполитъ, но и всѣ его гости—старики.

.....Въ Богородскомъ мы зашли къ знакомому Мордвину, Степану

Павловичу. Онъ принялъ насъ весьма радушно; мы пробыли у него часа два — читали и пѣли. У него всего одинъ сынъ лѣтъ 12. Онъ хотѣлъ было отправить его теперь же со мною въ Казань, но я присовѣтовалъ привезти его въ Казань осенью, когда откроется въ школѣ настоящее ученье.

Послѣ того мы сѣли на пароходъ и возвратились въ Казань, 16-го іюня 1868 года“ [1]).

В. Тимоѳеевъ.

Исторія возникновенія и затѣмъ постепеннаго расширенія Казанской крещено-татарской школы весьма поучительна. Она доказываетъ, насколько жизнеспособна и плодотворна школа, выросшая непосредственно на почвѣ живыхъ потребностей народа, безъ шаблонной, сковывающей ея естественный ростъ программы, безъ предвзятой идеи.

Осенью 1863 года къ Василію Тимофееву въ Казань пріѣзжаютъ нѣсколько изъ его однодеревенцевъ и привозятъ ему своихъ дѣтей съ просьбой учить ихъ. Дѣти (3 мальчика и 1 дѣвочка) живутъ съ своимъ учителемъ, въ его семьѣ, и учатся. Учится и учитель, впервые выступающій на педагогическое поприще.

Лѣтомъ 1864 года уже совершается первая миссіонерская поѣздка по деревнямъ, результатомъ которой является оживленіе религіознаго духа среди крещеныхъ татаръ и наплывъ учениковъ въ Казанскую школу: за 1864—65 учебный годъ въ ней учатся уже 19 мальчиковъ и 1 дѣвочка.

Съ сентября 1864 года крещено-татарская школа, по ходатайству Ильминскаго, имѣетъ уже офиціальное положеніе. Учителемъ допускается Василій Тимофеевъ, который долженъ съ семействомъ жить на одной квартирѣ съ учениками. Квартира нанимается на частныя средства, платы за ученіе не полагается, но одежда и пищевые продукты учениковъ должны доставляться ихъ родителями. Мальчики должны обучаться русской грамотѣ, но главный предметъ обученія— законъ Божій, молитвы, священная исторія и краткій катехизисъ, по книгамъ, напечатаннымъ на татарскомъ языкѣ, но русскими буквами. Затѣмъ, по мѣрѣ возможности, ученикамъ преподаются первыя ариѳметическія правила, черченіе геометрическихъ фигуръ, основныя свѣдѣнія изъ географіи и тому подобныя элементарныя знанія. Чтеніе и

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1868 года. Томъ 140. Современная лѣтопись.

преподаваніе должно быть прежде на татарскомъ языкѣ, а потомъ ученики постепенно должны упражняться въ русскомъ языкѣ.

Главное наблюденіе надъ школой было поручено Ильминскому. Вначалѣ школа существовала исключительно на частныя пожертвованія.

Квартира для школы нанималась въ академической слободкѣ за 6 руб. въ мѣсяцъ. Школьный бытъ былъ самый скромный. Мальчики спали на полу, подославши войлокъ или свои кафтаны. Жена Василія Тимофеева на нихъ стряпала и стирала, а самъ учитель занимался съ ними безвозмездно; ему была только выдана въ концѣ года награда изъ тѣхъ же частныхъ пожертвованій. Вообще школа жила почти безъ всякой регламентаціи: родителямъ была предоставлена полная свобода привозить дѣтей въ школу и увозить ихъ изъ нея, когда имъ угодно и удобно. Ильминскій старался обходиться безъ всякаго содѣйствія со стороны начальства и держался того взгляда, что всякое даже самое деликатное вмѣшательство властей нерѣдко пробуждаетъ въ простолюдинахъ недовѣріе и опасенія.

Татарчата были горячо привязаны къ своей школѣ, и когда въ началѣ 1866 г., вслѣдствіе эпидеміи, пришлось школу временно прикрыть, ученики съ горемъ ее покидали. Передъ отъѣздомъ всѣ вмѣстѣ спѣли молитвы, затѣмъ учитель каждаго обнялъ и поцѣловалъ, и ученики заплакали отъ полноты сердца. Одинъ изъ нихъ даже такъ расплакался, что пріѣхавшіе за мальчиками подводчики съ удивленіемъ спросили: „а что, домой не хочется“?

Этимъ семейнымъ характеромъ школы, этой близостью ея къ народному быту объясняется ея успѣхъ. Василій Тимофеевъ держалъ себя съ учениками, какъ ихъ старшій братъ, и безъ всякихъ наказаній поддерживалъ въ школѣ нравственную дисциплину.

Родители учениковъ и даже посторонніе крещеные татары, которымъ случалось быть въ Казани, пріѣзжали въ школу и проводили въ ней по нѣсколько дней. Такимъ образомъ, они узнавали школу и научались ее любить: мало того, они, слушая въ школѣ чтеніе и пѣніе на родномъ языкѣ, сами для себя черпали въ ней духовное назиданіе и распространяли о ней по деревнямъ добрую славу.

Первоначальными учебными книгами въ школѣ служили изданныя Ильминскимъ на народно-татарскомъ языкѣ, русскими буквами, слѣдующія книги: букварь, книга Бытія, Премудрость Іисуса сына Сирахова и Евангеліе отъ Матѳея.

Ученики сначала изучали алфавитъ по методѣ въ родѣ фонети-

ческой; по этой методѣ весь алфавитъ изучается вдругъ, гласныя буквы произносятся чистымъ своимъ звукомъ, а согласныя выговариваются такъ: ыбъ, ыръ, такъ что предшествующее бѣглое и дастъ возможность рѣзко отличить собственное значеніе согласной буквы. Потомъ ученики переходятъ къ складамъ съ примѣрами татарскихъ словъ, наконецъ изучаютъ весь букварь и прочитываютъ его съ начала до конца 2 раза.

Послѣ этого прочитывались четыре вышеназванныя книги на народно-татарскомъ языкѣ; такъ какъ эти книги были напечатаны русскими буквами, хотя слегка измѣненными сообразно татарской фонетикѣ, то ученики, по прочтеніи этихъ книгъ, такъ хорошо усваивали русскую грамоту, что безъ затрудненія могли читать русскія книги, ошибаясь только въ удареніяхъ и отчасти въ тѣхъ звукахъ, въ которыхъ расходятся между собою фонетики русская и татарская. Обыкновенно ученики мѣсяцевъ въ пять прочитывали всѣ четыре упомянутыя книжки.

Одновременно съ этимъ ученики учились писать, такъ что спустя два-три мѣсяца по поступленіи въ школу, они уже были въ состояніи написать по двумъ линейкамъ письмо къ родителямъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ писемъ, написанное по-татарски русскими буквами: „Батюшкѣ поклонъ, Матушкѣ поклонъ (затѣмъ поклоны поименно всѣмъ роднымъ). Живу я хорошо, одну книгу прошелъ, штаны нужно, писалъ я самъ Степанъ".

Сначала ученики писали отдѣльныя буквы, потомъ фразы по прописи, затѣмъ списывали къ себѣ въ тетради не напечатанные еще переводы; черезъ нѣкоторое время болѣе способные мальчики могли уже писать отъ себя разсказы, письма къ роднымъ и т. п.

Одновременно съ этимъ они учились счисленію, на счетахъ, писали цифры, знакомились съ элементарными ариѳметическими дѣйствіями.

Кромѣ того, новички съ голоса научались пѣть по-татарски православныя молитвы, постепенно присоединяясь къ пѣнію старшихъ учениковъ.

Замѣчательно, что когда въ крещено-татарскую школу попадали юноши, окончившіе курсъ въ сельскихъ школахъ, гдѣ преподаваніе велось исключительно на русскомъ языкѣ, то эти юноши хотя знали русскую грамоту и умѣли по-русски говорить, но мало понимали русскія книги и ничего изъ прочитаннаго не умѣли передать на своемъ языкѣ. Только по прочтеніи книгъ на народно-татарскомъ языкѣ они

пріучались понимать то, что читаютъ, и только послѣ этого изученіе русскаго языка становилось для нихъ плодотворнымъ.

Все, что ученики читали по-русски, они должны были переводить на родной языкъ, пріучаясь къ этому постепенно.

Такимъ образомъ, они имѣли возможность основательно усваивать то, что имъ преподавалось.

Василій Тимофеевъ обращалъ, главнымъ образомъ, вниманіе на Законъ Божій и въ особенности на священную исторію. Въ праздничные дни, передъ обѣдней, онъ объяснялъ ученикамъ значеніе праздника, самъ водилъ ихъ въ церковь для посѣщенія богослуженій, а великимъ постомъ говѣлъ съ ними и дома пѣлъ съ ними по-татарски ирмосы великаго канона Андрея Критскаго.

Вообще Василій Тимофеевъ, стремясь всѣми силами къ насажденію въ ученикахъ мыслей и чувствъ христіанскихъ, придавалъ большое значеніе пѣнію молитвъ на народно-татарскомъ языкѣ, и потому такому пѣнію отводилось широкое мѣсто въ жизни учениковъ крещено-татарской школы.

Ученики могли нѣкоторыя молитвы пѣть и по-славянски, но было замѣтно, что на своемъ родномъ языкѣ они поютъ съ большимъ согласіемъ и одушевленіемъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что главное направленіе Казанской крещено-татарской школы было религіозное, православно-церковное, хотя тамъ не пренебрегали и свѣтскими знаніями. Матери учениковъ обыкновенно желали для своихъ дѣтей образованія религіознаго, а отцы больше стремились къ тому, чтобъ они усваивали русскій языкъ и русскую грамоту. Школа старалась удовлетворять и тѣмъ, и другимъ требованіямъ.

Благодаря неутомимымъ трудамъ И. И. Ильминскаго и Василія Тимофеева, Казанская крещено-татарская школа быстро росла и развивалась; она вскорѣ завоевала себѣ признаніе Казанскаго общества и покровительство сначала со стороны попечителя Казанскаго учебнаго округа Шестакова, а затѣмъ и со стороны министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого.

Положеніе школы особенно упрочилось, когда, проѣздомъ черезъ Казань, ее посѣтили Государь Александръ II, Наслѣдникъ-Цесаревичъ—впослѣдствіи Государь Александръ III—и нѣкоторые Великіе Князья. Но главнымъ покровителемъ школы было основанное въ 1867 году въ Казани Братство Святителя Гурія, которое взяло на

себя заботу не только о Казанской школѣ, но и о тѣхъ маленькихъ деревенскихъ школахъ-отраслях, которыя она отъ себя отстроила.

Школы-отрасли начали возникать съ первыхъ годовъ существованія Казанской школы. Еще съ осени 1865 года первая изъ ученицъ Василія Тимофеева, 15-ти лѣтняя дѣвочка Ѳедора, вернувшись въ свою родную деревню Никифоровку, собрала вокругъ себя нѣсколько дѣвочекъ и начала учить ихъ пѣнію молитвъ, а затѣмъ и грамотѣ.

Заботами Василія Тимофеева для Ѳедоры была выстроена за 34 руб. 57 к. маленькая келія во дворѣ ея отца, и дѣвицы стали стекаться со всѣхъ сторонъ въ эту скромную школку. Ѳедора съ своими подругами занималась преимущественно пѣніемъ, и всѣ молитвы и пѣснопѣнія, переведенныя на народно-татарскій языкъ, были ими выучены наизусть.

Лѣтомъ онѣ по вечерамъ выходили на улицу и начинали свое пѣніе. Жители деревни толпой окружали ихъ и слушали ихъ по нѣсколько часовъ подрядъ.

Осенью и зимою дѣвицы проводили праздничные и воскресные дни цѣликомъ въ школѣ, которая, такимъ образомъ, превращалась какъ бы въ молитвенный домъ.

Послѣ устройства Никифоровской школы, Тимофеевъ обратилъ свое вниманіе на отстоящую оттуда въ 10 верстахъ деревню Арняши, имѣющую крещено-татарскаго населенія около 2.000 душъ мужского пола.

Тимофеевъ отправился туда въ качествѣ гостя, захвативъ съ собой нѣсколько букварей. Тамъ онъ нашелъ одного изъ своихъ учениковъ, съ его помощью собралъ нѣсколько мальчиковъ и началъ учить ихъ грамотѣ. Одновременно онъ велъ бесѣды и съ взрослыми и черезъ недѣлю началъ наводить ихъ на мысль о желательности открыть школу. Вскорѣ родители учениковъ сами стали просить Тимофеева помочь имъ въ устройствѣ школы и, когда онъ купилъ готовые срубы, безвозмездно перевезли ихъ и помогли сложить.

Къ осени школа была окончательно отдѣлана; вся постройка ея обошлась въ 113 р. 30 коп. Родители учениковъ сами стали доставлять дрова для отопленія ея, и они же стали давать хлѣбъ учителю.

Учителемъ былъ назначенъ 18-ти лѣтній ученикъ Казанской школы, а въ теченіе первой недѣли Василій Тимофеевъ самъ руководилъ занятіями.

Въ Арняшской школѣ такъ же, какъ и въ Никифоровской, по-

рядокъ и пріемы преподаванія примѣнялись тѣ же, что и въ Казанской школѣ.

По примѣру описанныхъ школъ постепенно открывались все новыя и новыя школы-отрасли, и Казанская крещено-татарская школа такимъ образомъ вскорѣ обратилась въ центральную.

О первыхъ шагахъ крещено-татарскихъ учителей на педагогическомъ поприщѣ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, учитель Діонисій Петровичъ Малый.

Я посѣтила его въ его школѣ въ Лаишевскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, лѣтомъ 1904 года, и съ его словъ записала его автобіографію.

Позволю себѣ привести изъ нея выдержки.

„Я одинъ изъ первыхъ учениковъ крещено-татарской школы. Родомъ я изъ здѣшней деревни; въ крещено-татарскую школу поступилъ 11-ти лѣтъ, въ 1865 году осенью уѣхалъ и снова поступилъ въ эту школу въ 1866 году послѣ масляницы. Я окончилъ курсъ 14-ти лѣтъ, въ 1869 году, и былъ назначенъ учителемъ въ Казанскій уѣздъ.

Тамъ старо-крещеные татары весьма были склонны къ отпаденію. Я пріѣхалъ туда съ приходскимъ священникомъ и сталъ искать квартиру. Искалъ ее цѣлый мѣсяцъ. Вечеромъ хозяинъ дастъ слово пустить на квартиру и велитъ пріѣхать утромъ, а утромъ хозяинъ говоритъ: „ночью всѣ жители собрались и угрожали, если пустишь на квартиру учителя, или поджечь, или убить“, и отказываетъ. Такъ бились мѣсяца полтора. За это время я жилъ у священника въ 2 верстахъ и очень горевалъ, что не могу никакъ устроиться и начать дѣло.

Я нѣсколько разъ писалъ Николаю Ивановичу (Ильминскому) и отцу Василію Тимофееву, спрашивалъ, что мнѣ дѣлать. Я, какъ всѣ учителя, всегда писалъ имъ по-татарски; они мнѣ отвѣчали тоже по-татарски, совѣтовали потерпѣть. Если писалъ Николай Ивановичъ, то письмо начиналъ такъ: „посовѣтовавшись съ отцомъ Василіемъ,—мы рѣшили“, а если писалъ о. Василій, то прибавлялъ такъ: „Николай Ивановичъ совѣтуетъ“. Они писали, чтобъ къ полиціи не обращаться, а постараться убѣдить. Но черезъ полтора мѣсяца они увидѣли, что ничего сдѣлать нельзя, и вызвали меня назадъ въ Казань. Я привезъ съ собою въ крещено-татарскую школу двухъ мальчиковъ. Что съ ними было дальше, я не знаю.

Я пробылъ мѣсяца два въ Казани. На святой пріѣхалъ изъ Чисто-

поля мировой посредникъ и просилъ у Николая Ивановича учителя для инородческой школы.

Я былъ назначенъ въ Чистопольскій уѣздъ въ село, населенное старо-крещеными татарами и русскими. До меня тамъ былъ русскій учитель изъ духовной семинаріи, но у него ученики разбѣжались, наконецъ, осталось всего 3 ученика, и школу закрыли.

Когда Николай Ивановичъ послалъ меня туда, онъ велѣлъ мнѣ купить въ Чистополѣ 10 ф. пряниковъ, нанять квартиру для себя, звать къ себѣ ребятъ и раздавать имъ пряники; тоже ежедневно ходить по домамъ и бесѣдовать. Народъ никогда не слыхалъ отъ учителя татарской рѣчи и былъ очень удивленъ. Въ теченіе недѣли 15 мальчиковъ заявили о желаніи учиться. Тогда школа была снова открыта у священника на квартирѣ.

Въ этомъ селѣ не было отступническаго движенія, но язычество держалось крѣпко. Зимой по четвергамъ варили кашу, ѣли ее по ночамъ съ языческими обрядами. Лѣтомъ были жертвоприношенія скотомъ. Въ церковь ходили мало. Въ первый мѣсяцъ въ школу набралось 90 мальчиковъ. Къ Пасхѣ были приготовлены пѣвчіе. Когда пошло пѣніе, то народу въ церковь стало ходить гораздо больше.

Священникъ въ школѣ держалъ двухъ телятъ. Весною пріѣхалъ въ школу предводитель дворянства, назвалъ себя, спросилъ учениковъ „можете-ли пѣть“? Я сказалъ: „можемъ“. Запѣли „Царю Небесный“. Съ пѣвчими вмѣстѣ заревѣли телята, а за ними во дворѣ коровы,— вышли басы и тенора. Предводитель разсердился и пробралъ священника.

Я тамъ былъ учителемъ 2 зимы, потомъ въ 1872 году меня перевели въ Я. Здѣсь было 26 дворовъ, склонныхъ къ отпаденію; были тоже языческія жертвоприношенія. До меня въ Я. уже была братская школа, но безъ пѣнія. Когда я поступилъ, въ ней было 30 учениковъ, принимали въ школу въ теченіе всей зимы. Черезъ нѣсколько лѣтъ учениковъ стало 70.

Въ 1873 году, не задолго до призыва, я поѣхалъ въ Свіяжскъ сдавать экзаменъ на званіе учителя въ уѣздномъ училищѣ. У меня спросили мою фамилію, а у меня фамиліи не было (какъ вообще у инородцевъ), и я назвалъ себя „Малымъ“. Такъ это названіе за мной и осталось.

Во время жизни Николая Ивановича я каждый годъ весною, осенью передъ ученіемъ и лѣтомъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ или пѣшкомъ приходилъ къ нему въ Казань. Такъ поступали и всѣ дру-

гіе учителя первыхъ выпусковъ крещено-татарской школы. Николай Ивановичъ обижался, если долго къ нему не приходили. Какъ мы привыкли при его жизни ходить къ нему, такъ и теперь всегда ходимъ на его могилу, точно душевно лично видимся съ нимъ.

Онъ принималъ и изъ народа всѣхъ, бѣдныхъ, богатыхъ безъ исключенія, даже изъ татаръ магометанъ, и они подолгу у него оставались. Крещено-татарская школа была въ родѣ постоялаго двора. Всѣ крещеные татары заходили туда ночевать, а о. Василій Тимофеевичъ, по совѣту Николая Ивановича, бесѣдовалъ съ ними. Народъ называлъ Николая Ивановича „живой святой“ и сейчасъ такъ понимаютъ его, и въ Казани ходятъ на его могилу и на могилу о. Василія Тимофеева. Крещеные татары просятъ указать имъ эти могилы и непремѣнно станутъ на колѣни и плачутъ. Имена ихъ записаны у многихъ и многихъ въ поминальной книжкѣ.

Я видѣлъ Николая Ивановича въ послѣдній разъ осенью за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Видъ у него былъ больной. О. Василій пустилъ меня къ нему не надолго. Николай Ивановичъ сказалъ: „чувствую себя не хорошо, не знаю, старость-ли, или такъ болѣнъ, врядъ ли еще увидимся. Если не увидимся, помните послѣдній мой совѣтъ: любите другъ друга и живите въ мирѣ и согласіи. Что отъ насъ слышали и видѣли, то сохраните въ сердцѣ своемъ и старайтесь передать и внушить своимъ соплеменникамъ и питомцамъ. За Евангельское слово васъ многіе возненавидятъ, но вы терпите до конца, претерпѣвшій до конца будетъ спасенъ. Сіе мое слово пожалуйста не забудьте и крѣпко помните“.

Діонисій Петровичъ нѣсколько разъ мѣнялъ учительскія мѣста и поселился наконецъ въ родной деревнѣ.

„Въ 1897 году—говорилъ онъ,—я былъ переведенъ въ М. и тамъ опредѣленъ псаломщикомъ. Но въ 1898 году я услыхалъ, что на моей родинѣ въ С. К. школа была закрыта, такъ какъ учитель былъ нехорошъ, пьянствовалъ, и народъ пересталъ давать школѣ квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Тогда я отказался отъ должности псаломщика и просилъ назначенія меня учителемъ въ С. К., не желая оставить своихъ однодеревенцевъ во тьмѣ незнанія. Мое желаніе исполнили, и я поселился въ своемъ домѣ,—безплатно пустилъ къ себѣ школу и сталъ получать изъ земства жалованья 120 р. въ годъ (школа земская). Псаломщикомъ я получалъ больше, но мнѣ жаль было малютокъ, поэтому я и перешелъ на родину. Потомъ земство стало давать 15 руб. въ мѣсяцъ, теперь оно даетъ мнѣ 20 руб.

въ мѣсяцъ. Но квартиру для школы, отопленіе и освѣщеніе я досихъ поръ даю даромъ. Народу я не предлагалъ участвовать въ расходахъ, разъ уже я слово далъ, лишь бы Господу Богу было угодно.

Когда я поступилъ сюда, во всей школѣ было 25—30 учениковъ и учениць, теперь однихъ учениковъ 25 и 20 учениць, и еще сверхъ этого есть мальчики, которые ходятъ по вечерамъ. Дѣвушки приходятъ къ моей женѣ учиться рукодѣлію. По субботамъ я устраиваю въ школѣ собесѣдованія,—приходятъ взрослые, молодые, старые, мужчины и женщины. Бываетъ чтеніе и пѣніе. Читается воскресное Евангеліе, и я объясняю или разсказываю житіе святаго или значеніе праздника. Только мало у насъ книгъ; народъ проситъ Житія Святыхъ, Училище Благочестія и другія религіозныя книги на крещено-татарскомъ языкѣ, а на русскомъ языкѣ проситъ сельско-хозяйственныя книги.

Инородческое пѣніе я считаю самымъ могучимъ орудіемъ для религіознаго просвѣщенія инородцевъ, и поэтому по субботамъ на собесѣдованіяхъ мы всегда поемъ. Я научаю учениковъ во время пѣнія дѣлать вопросы и отвѣчаю на эти вопросы, объясняю, такъ что люди, которые пришли слушать пѣніе, получаютъ и поученіе.

Въ С. К., какъ и во всѣхъ крещено-татарскихъ деревняхъ, въ нашихъ мѣстностяхъ, народъ между собой всегда говоритъ по-татарски. Мужчины по-русски понимаютъ и могутъ объясняться; но женщины и дѣти, когда поступаютъ въ школу, совсѣмъ по-русски не говорятъ и не понимаютъ.

Поэтому въ школѣ нуженъ родной языкъ. Природный языкъ, какъ медъ, глубоко падаетъ, а русскій языкъ, какъ сахаръ, если зубы есть. А если зубовъ нѣтъ, то и вкуса не знаешь. Что на природномъ языкѣ скажутъ, то глубоко падаетъ.

Если ученикъ заучитъ по-русски, безъ пониманія, то черезъ годъ все забываетъ. Если на природномъ языкѣ пойметъ и глубоко убѣжденъ, тогда годъ отъ году развивается, прибавляется все больше и больше, самообразованіе является. А кто механически заучилъ, у того пропадаетъ, и онъ впослѣдствіи самообразованіемъ не занимается, не старается, потому что не понято; корня не имѣетъ, только на время заучено.

Когда ученикъ механически заучиваетъ, онъ въ школѣ бойко отвѣчаетъ, но черезъ годъ такое знаніе надо считать пропавшимъ. А если онъ подумавши отвѣчаетъ, медленно, то изъ этого можно ви-

дѣть, что корень есть, корень пустилъ, со временемъ дерево вырастетъ, плоды принесетъ. А если прямо по-русски учить, то будетъ механически, потому что онъ по-русски вовсе не знаетъ. Онъ заучиваетъ съ наружности. Глаза видятъ, онъ заучиваетъ, но не понимаетъ. Колокола слышимъ—звонъ хорошій, а что звонятъ — непонятно. Прямо учить по-русски—значитъ крышу крыть, а фундамента нѣтъ, и стѣнъ нѣтъ, и оконъ нѣтъ, свѣта нѣтъ. А стропила ставили, да крыли крышу. Снаружи, кажется, домъ, а войти некуда, и жить негдѣ. Вотъ что таковое преподаваніе безъ роднаго языка.

Если ученикъ, подумавши, отвѣчаетъ, инспектора недовольны, говорятъ: „тебя жди, жди цѣлый часъ“. А если ученикъ заученное механически безъ остановки катаетъ, инспектора хвалятъ.—Есть инспектора съ понятіемъ, весьма серьезно относятся, а есть безъ всякаго понятія.

Инспекторъ спроситъ: „разскажи Срѣтеніе Господне“, онъ — разскажетъ. А если бы инспекторъ спросилъ: „ты гдѣ меня встрѣтилъ“? онъ не отвѣтитъ. И на базаръ пойдетъ, ничего сказать не можетъ, ни продать, ни покупать, потому что не по книгѣ спрашиваютъ.

И выходитъ—тѣло безъ души. Тѣло безъ души ничего не можетъ, а съ душой все можетъ“ [1]).

Отъ всего разсказа Діонисія Петровича вѣетъ особеннымъ настроеніемъ; въ его рѣчахъ, во всемъ его существѣ, въ строѣ его школѣ и даже въ строѣ его деревни чувствуется именно „душа“.

Эта „душа“ есть отличительный признакъ всѣхъ начинаній Ильминскаго и его сподвижниковъ и послѣдователей и придаетъ всей ихъ дѣятельности особенную теплоту и жизненность.

Юные учителя, оканчивающіе курсъ въ крещено-татарской школѣ иногда уже 14—15 лѣтъ, сохраняли съ ней живую связь и словесно или письменно пользовались постояннымъ руководствомъ Н. И. Ильминскаго и Василія Тимофеева.

Памятникомъ этого руководства остались „Письма Н. И. Ильминскаго къ крещенымъ татарамъ“, изданныя въ Казани въ 1896 году редакціей „Православнаго Собесѣдника“.

Существенное содержаніе этихъ писемъ, въ общемъ, сводится къ слѣдующему:

„Вотъ теперь,—пишетъ Н. И. учителямъ,—пробудились крещеные татары отъ сна и ищутъ выхода изъ своего положенія. Если вы

---

[1]) У приволжскихъ инородцевъ. Путевыя замѣтки С. Чичериной. С.-Пб. 1905.

не поможете имъ, они могутъ уклониться на сторону врага и погибнуть во тьмѣ. Только Христосъ есть истинный свѣтъ, истинное солнце правды. Куда этотъ свѣтъ не падаетъ, тамъ темно и холодно. Кругомъ васъ стоитъ темная ночь; только вы можете разсѣять ее своимъ ученіемъ и добрыми дѣлами, иначе она подавитъ и васъ самихъ. Итакъ, учитесь и учите. Взялись теперь за дѣло, такъ ужъ не пятьтесь назадъ и не говорите: у насъ-де силъ не хватаетъ. Молитесь Богу и трудитесь. Сами ходите въ церковь и учениковъ заставляйте—только не принужденіемъ, а вразумленіемъ. Учите ихъ молитвамъ, пѣнію и всему доброму. Учите ребятъ, учите и дѣвицъ. Да подастъ имъ Господь разумъ и силу къ ученію. Да не будутъ головы ихъ, какъ рѣшето, но какъ кладезь глубокій, да содержатъ въ себѣ чистое познаніе. Бѣднаго отъ богатаго, малаго отъ большого не отдѣляйте, а со всѣми будьте ласковы. Если кто изъ учениковъ и ошибется, поправьте его, скажите ему добрымъ словомъ безъ всякаго гнѣва. Не только колотковъ, но и брани да не будетъ у васъ. Учите почитать священниковъ, родителей, старыхъ людей. Все начинается съ основанія, съ корня. Корень дерева лежитъ въ землѣ—черный и невидный, а безъ него дерево не можетъ расти; такъ и дѣтямъ нельзя быть безъ благословенія родителей... Также и старики деревенскіе все равно, что основаніе въ домѣ".

Въ предисловіи къ этому изданію писемъ, А. А. Воскресенскій приводитъ и нѣкоторые отвѣты крещеныхъ татаръ.

„Милостивѣйшій ты человѣкъ нашъ, Н. И—чъ!—пишетъ одинъ учитель,—спасибо тебѣ, что ты вспомнилъ меня и порадовалъ мое сердце... Какъ дождикъ вспрыскиваетъ и оживляетъ увядающую траву, такъ и Ваши слова оживили меня. Они оживили меня и сдѣлали бодрымъ и сильнымъ"... „У меня не достаетъ теперь ни словъ высказать, ни мыслей, чтобы понять, до чего Вы не оставляете меня"!

„Николай Ивановичъ, миръ тебѣ и благо—сказано въ другомъ письмѣ.—Извини, что не пишу тебѣ письма. Ты этому отцу пономарю растолкуй, пожайлуста, что ему нужно купить: два пузырька мятныхъ капель, еще соды и кислоты. Пьютъ это при круженіи головы. Еще на 50 коп. іерусалимскаго бальзама.—Теперь мы всѣ здоровы и Вамъ желаемъ здоровья и посылаемъ поклонъ". Или, напримѣръ: „Пишу Вамъ это письмо, потому что хочу познакомить Васъ съ подателемъ сего письма. Этотъ человѣкъ совершенно неграмотный и воспитанъ своими родителями въ совершенной преданности языческимъ кереметямъ; но онъ мой другъ. Вы помните, должно быть, что

въ нашу школу пожертвовалъ одинъ человѣкъ колоколъ, а доставилъ намъ колоколъ вотъ этотъ именно человѣкъ“ (податель письма). „Ты мнѣ велѣлъ,—пишетъ еще учитель,—чтобы старшіе четыре ученика учились письму, но этого нельзя было сдѣлать; писать цифры, класть на счета, пѣть молитвы они съ удовольствіемъ учатся“, и проч.

Приводимъ здѣсь еще одно письмо въ русскомъ переводѣ по возможности съ буквальною точностью.

„Почтенный человѣкъ нашъ, Николай Ивановичъ!

Заступникъ нашъ!

Какъ мнѣ назвать тебя?... Подобно тому, какъ цвѣтокъ черемухи, что въ лѣсу, чрезъ поля достигаетъ до деревни и здѣсь доходитъ до сердца всѣхъ людей, услаждая ихъ (своимъ запахомъ), такъ и твоя ученость, вышедши изъ городовъ, идетъ по дорогамъ, распространяется по деревнямъ и здѣсь, соприкасаясь съ различными людьми, однихъ волнуетъ и радуетъ, а другихъ приводитъ въ рѣшительное изумленіе. Подобно тому, какъ запахъ драгоцѣннаго ладана услаждаетъ сердце тѣхъ людей, которые любятъ его, и ослабляетъ мозгъ, кружитъ голову и сваливаетъ съ ногъ тѣхъ (людей), которые его не любятъ, такъ и дѣла твои радуютъ людей счастливыхъ, а несчастныхъ отвращаютъ отъ опасности и ставятъ на путь закона. Какъ большой дубъ, выросшій на высокомъ мѣстѣ, виденъ издалека, такъ и ты извѣстенъ далеко между людьми. Твоя мысль — что море, изъ котораго вода не убываетъ, сколько ни пьютъ ее люди, — что крѣпкій, слитый изъ мѣди и чугуна, столбъ, который нельзя разбить, какъ ты его ни бей. Твоя мысль, что стекляпное яйцо; въ сыромъ мѣстѣ не размокаетъ, въ сухомъ не засыхаетъ. Ты потерянный ключъ отъ золотого замка, что запираетъ двери рая“ [1]).

Переписка между Н. И. Ильминскимъ и учителями велась преимущественно на татарскомъ языкѣ, которымъ Ильминскій владѣлъ въ совершенствѣ.

Учителя въ своихъ письмахъ обращались то къ Ильминскому, то къ Василію Тимофееву, то къ обоимъ вмѣстѣ; также и отвѣты писались большею частью отъ лица обоихъ просвѣтителей, такъ какъ Василій Тимофеевъ продолжалъ быть, вмѣстѣ съ Ильминскимъ, душой дѣла просвѣщенія крещеныхъ татаръ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Казанской крещено-татарской школѣ стало постепенно вводиться богослуженіе на крещено-татарскомъ языкѣ,

[1]) Письма Ильминскаго къ крещенымъ татарамъ. Казань. 1896. Предисловіе.

и въ 1869 году пріѣхавшимъ съ Алтая миссіонеромъ іеромонахомъ Макаріемъ (нынѣ епископъ томскій) была отслужена на этомъ языкѣ первая литургія, положившая начало богослуженію на инородческихъ языкахъ. Переводы необходимыхъ книгъ составлялись Казанской переводческой комиссіей, а Василій Тимофеевъ былъ посвященъ во священники и началъ собой длинный рядъ вышедшихъ изъ народа и близко къ нему стоящихъ прекрасныхъ инородческихъ священниковъ.

Высочайшее утвержденіе 26-го марта 1870 года „Правилъ о мѣрахъ къ образованію инородцевъ“ и основаніе въ 1872 году Казанской инородческой учительской семинаріи упрочили дѣло школьно-воспитательнаго образованія восточныхъ инородцевъ; изданіе же въ 1883 году синодальнаго указа о допущеніи богослуженія на инородческихъ языкахъ, доселѣ практиковавшагося лишь по епископскимъ разрѣшеніямъ, и принятіе Святѣйшимъ Синодомъ въ 1899 году Правилъ 26-го марта для начальныхъ инородческихъ школъ духовнаго вѣдомства положили твердое основаніе развитію среди инородцевъ православно-религіозной жизни.

Къ сожалѣнію, съ наступленіемъ въ Россіи господства узкаго національнаго, выразившагося въ стремленіи къ насильственному обрусенію, принципы, Высочайше утвержденные Правилами 26-го марта 1870 года, были провозглашены сепаратистическими, и усердные слуги реакціи нашли способы тормозить и мѣстами даже погубить живое и великое дѣло, такъ успѣшно начатое Ильминскимъ.

III.

Просвѣтительная дѣятельность Ильминскаго простиралась не на однихъ только крещеныхъ инородцевъ; онъ заботился также о развитіи начальнаго образованія въ киргизской степи и въ Туркестанскомъ краѣ.

Въ октябрѣ 1858 года, за нѣсколько лѣтъ до основанія крещено-татарской школы, послѣ тяжелыхъ служебныхъ непріятностей въ Казанской духовной академіи, откуда его попросту „вытѣснило“ духовное начальство, Ильминскій бросилъ Казань и переѣхалъ въ Оренбургъ съ намѣреніемъ поступить на службу въ пограничную комиссію. Предсѣдателемъ комиссіи въ то время былъ ученый оріенталистъ профессоръ В. В. Григорьевъ.

Ильминскаго интересовалъ киргизскій языкъ, котораго онъ не зналъ, и онъ просилъ В. В. Григорьева открыть ему доступъ къ архиву комиссіи, полагая, что въ ея перепискѣ должны быть бумаги,

писанныя по-киргизски, но В. В. совершенно справедливо замѣтилъ, что во всей этой перепискѣ ни строки нѣтъ киргизской: искони установился обычай писать киргизамъ на татарскомъ языкѣ. Такой взглядъ установили, конечно, татары, бывшіе первыми посредниками между русскимъ правительствомъ и киргизской ордой и единственными почти до того времени переводчиками и толмачами по киргизскому управленію.

Отатариванію киргизъ въ сильной степени способствовало само русское правительство. Около 1785 г., въ царствованіе Екатерины II, правительство насильно вводило исламъ въ Киргизскую степь, гдѣ онъ до того времени существовалъ лишь по имени. Русское правительство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ строило на казенный счетъ мечети, куда казаки нагайками загоняли киргизъ, и посылало казанскихъ и уфимскихъ мусульманъ учителями въ киргизскія школы. Послѣ этого исламъ сталъ укореняться все больше и больше.

Чтобы дать возможность Ильминскому легче изучить киргизскій языкъ, В. В. Григорьевъ прикомандировалъ къ нему нѣсколькихъ юношей изъ перваго выпуска Оренбургской киргизской школы, которые были по собственному прошенію оставлены при пограничной комиссіи, для практическаго изученія дѣлопроизводства.

В. В. Григорьевъ написалъ по-русски бумагу и поручилъ Ильминскому переложить ее, при помощи этихъ киргизовъ, на чисто-киргизскій языкъ.

Во время своихъ занятій съ киргизскими юношами Ильминскій замѣтилъ, что въ школѣ они сильно пропитались книжнымъ татарскимъ языкомъ; несмотря на строгій наказъ перевести бумагу на чисто-киргизскій языкъ, они, особенно въ началѣ, постоянно сбивались на книжныя татарскія формы и обороты, такъ что Ильминскому не малаго труда стоило направить ихъ на киргизскій путь, выспрашивая каждаго изъ нихъ и выбирая изъ сказанныхъ ими выраженій и формъ такія, которыя бы менѣе походили на татарскія. Но мало-по-малу родной языкъ вступилъ въ свои права, и въ переводахъ стали являться самостоятельные и удачные киргизскіе обороты [1]).

Такимъ образомъ Ильминскій, учась, какъ бы возсоздавалъ киргизскую рѣчь. Выспрашивая киргизскія названія предметовъ или встрѣчая въ разговорахъ и при переводѣ обороты и слова, неизвѣстные въ татарскомъ языкѣ, которые по соображенію должны были отно-

[1]) Воспоминанія объ Алтынсаринѣ Н. Ильминскаго. Казань 1891.

ситься именно къ особенностямъ киргизскаго нарѣчія, онъ всѣ ихъ записывалъ въ особую тетрадь и за двѣ зимы 1858—1859 и 1859—1860 годовъ набралъ нѣсколько сотъ такихъ словъ въ качествѣ матеріаловъ для изученія киргизскаго языка.

Въ 1860 г. Ильминскому удалось сблизиться съ степными киргизами; онъ былъ прикомандированъ къ киргизской комиссіи, которая выѣзжала въ степь для надзора за переселеніемъ киргизъ за Уралъ. Ильминскому пришлось все лѣто разъѣзжать по зауральской степи и жить въ киргизскихъ кибиткахъ [1]).

Такимъ образомъ онъ основательно изучилъ бытъ и языкъ этого народа и оказался въ состояніи издать киргизско-русскій словарь и учебникъ русскаго языка для киргизскихъ школъ. Онъ успѣлъ воспитать и полезнаго педагогическаго дѣятеля-киргизина Ибрагима Алтынсарина, который былъ сначала учителемъ, а впослѣдствіи инспекторомъ киргизскихъ школъ Тургайской области, и до самой своей смерти оставался съ Ильминскимъ въ перепискѣ и въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; Ильминскій въ своихъ письмахъ называлъ его: „душа моя Ибрашъ“.

Въ 1861 году Ильминскій вернулся въ Казань профессоромъ Казанскаго университета. Но его пребываніе въ степи не пропало для него даромъ. „Моя трехлѣтняя служба въ Оренбургскомъ краѣ сблизила меня съ киргизами“, писалъ онъ князю Ухтомскому въ 1870 году. „Я былъ изумленъ, что этотъ народъ, кочевой, чуждый на нашъ взглядъ цивилизаціи и по-татарски почти вовсе неграмотный, обладаетъ однако же замѣчательнымъ искусствомъ говорить; я полюбилъ киргизскій языкъ, характерный, сохранившій въ себѣ много слѣдовъ древняго тюркскаго быта. И видя, что татарская грамотность мало-по-малу распространяется въ степи, грозитъ сгладить и уничтожить діалектическія особенности киргизскаго языка, я находилъ русскій языкъ единственнымъ средствомъ сохранить киргизскій языкъ отъ татаризаціи... Киргизская степь окончательно воспитала во мнѣ уваженіе вообще къ народному языку, на который я сталъ смотрѣть, какъ на подлинный документъ лингвистическихъ изслѣдованій, тогда какъ книжный языкъ представляетъ больше или меньше искусственную, случайную и произвольную смѣсь разныхъ языковъ и нарѣчій. Съ такимъ радикально измѣнившимся взглядомъ вернулся я въ Казань“ [2]).

---

[1]) На память о Н. Ильминскомъ—П. Знаменскаго.

[2]) На память о Н. И. Ильминскомъ—П. Знаменскаго. Казань 1892 г.

Такимъ образомъ именно въ эти годы и установились взгляды Ильминскаго на необходимость народнаго языка и русскаго алфавита для переводовъ, издаваемыхъ для восточныхъ инородцевъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ правительство стало хлопотать объ открытіи въ степи школъ, которыя были бы тамъ проводниками русскихъ началъ. Оренбургскій генералъ-губернаторъ представилъ по этому вопросу записку, а Ильминскому пришлось 30-го марта 1870 года представить попечителю учебнаго округа свое мнѣніе. Позволю себѣ привести его почти цѣликомъ.

Мнѣніе по вопросу о мѣрахъ для образованія киргизъ.

„Соображенія, между прочимъ, о школахъ для башкиръ и киргизовъ были представлены г. Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ отъ 31-го января 1867 года, а составлялись, слѣдовательно, не позже конца 1866 года. Съ тѣхъ поръ прошло три года, въ теченіе которыхъ, по распоряженію г. министра народнаго просвѣщенія, шла дѣятельная работа по вопросу объ образованіи инородцевъ, и въ томъ числѣ магометанъ, въ Казанскомъ учебномъ округѣ и въ Крыму; само министерство, кромѣ того, собирало точныя и подробныя свѣдѣнія объ англійскихъ и французскихъ заведеніяхъ для образованія туземцевъ Индіи и Алжиріи...

Назадъ тому десять лѣтъ, когда я служилъ въ Оренбургѣ по управленію киргизами, я замѣтилъ относительно магометанства и татарства слѣдующее: магометанско-татарская культура входила въ степь съ русской линіи, т. е. отъ нашихъ татаръ, и преимущественно въ высшемъ сословіи; русское начальство, по недоразумѣнію, само отчасти содѣйствовало усиленію въ степи татарскаго языка, тѣмъ что въ кадетскомъ корпусѣ и киргизской школѣ учили татарскому языку киргизятъ; вся официальная переписка съ степью ведена была, да и теперь ведется по-татарски, а не по-киргизски; даже въ настоящее время новое положеніе объ управленіи киргизами, все направленное противъ татарскаго вліянія, переведено для киргизовъ не на ихъ родной языкъ, а на татарскій. Такимъ образомъ изъ стари установился и доселѣ господствуетъ въ Оренбургскомъ краѣ ненаучный и несправедливый взглядъ на киргизскій (да и по башкирскій тоже) языкъ, какъ какой-нибудь безобразный жаргонъ татарскаго языка. Смѣю присовокупить, что въ самомъ (русскомъ) положеніи объ управленіи киргизами можно видѣть лингвистическія

воззрѣнія татарскія, а не чисто киргизскія. Сквозь такого увѣковѣчившагося предразсудка въ ущербъ киргизскаго языка и въ поощреніе какъ бы отатаренія киргизовъ стоитъ большого труда пробиться.

Поэтому русская мысль, положенная въ основу упомянутыхъ соображеній объ учебной части Оренбургскаго вѣдомства, достойна полнаго сочувствія и признательности. Къ сожалѣнію, мѣры къ осуществленію ея (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ представляется) придуманы непрактичныя, неудобоисполнимыя, и даже можетъ быть опасныя и рискованныя, особенно при недостаткѣ лицъ, способныхъ исполнить такія мѣры плавно и ловко и при недавности степныхъ недоразумѣній. Киргизы, какъ и всякій народъ съ своеобразнымъ бытомъ и складомъ понятій, а еще болѣе—степной народъ, особенно чутки къ мѣрамъ правительства, въ которыхъ они могутъ заподозрить хоть малѣйшее посягательство на свой бытъ и виды на обрусеніе или уравненіе съ русскими мужиками. Школы съ явно русскимъ оттѣнкомъ, по моему убѣжденію, совершенно неудобны. Почетные ордынцы въ званіи попечителей не помогутъ дѣлу. Если,—что очень возможно,—прерогативы и отличія соблазнятъ нѣкоторыхъ султановъ или старшинъ, то на нихъ остальное населеніе будетъ смотрѣть какъ на предателей изъ-за личныхъ выгодъ, и никакого вліянія на массу народа они имѣть не будутъ. Вообще предложенія оренбургскаго начальства, кажется, слишкомъ много разсчитываютъ на административныя мѣры; напримѣръ, предполагается закрывать школы, гдѣ нѣтъ русскаго желаемаго направленія. Но администрація никогда не въ состояніи услѣдить всѣ мелкія, потайныя школы въ аулахъ. Мнѣ сообщали люди, лично знакомые съ дѣломъ, что татары-грамотѣи лѣтомъ торгуютъ между башкирцами, а зимой останавливаются въ какомъ-нибудь одномъ аулѣ и въ башкирской хижинѣ или кибиткѣ обучаютъ башкирскихъ дѣтей магометанской грамотѣ: кто можетъ услѣдить такія малѣйшія импровизированныя школы, которыя, однакоже, при своей малости и уютности если размножатся, могутъ оказать сильное вліяніе на умы башкирскаго народа? Лучшимъ обезпеченіемъ надлежащихъ школъ было бы внутреннее довѣріе и расположеніе самаго народа—въ этомъ-то и задача.

Съ башкирцами я незнакомъ, въ ихъ мѣстностяхъ мнѣ быть не случалось; я знакомъ отчасти съ киргизами и съ степью, и потому рѣшаюсь сказать нѣсколько о киргизскихъ школахъ, но и то въ самыхъ общихъ чертахъ.

И въ интересѣ человѣчественномъ (гуманномъ)—въ видахъ собственнаго образованія киргизовъ, и въ интересѣ государственномъ—нужно: 1) поставить школы киргизскія такъ, чтобы посредствомъ нихъ вводилось направленіе не татарско-магометанское, а киргизско-русское; 2) дать этому образованію такую постановку и характеръ, чтобы оно способно было широко развиться въ массѣ киргизскаго населенія, а для этого 3) обученіе должно быть по языку и изложенію совершенно популярно и понятно для стараго и малаго и для всякаго неграмотнаго киргиза, а по содержанію—занимательно для киргизовъ и завѣдомо полезно.

Поэтому въ киргизскихъ школахъ нужно преподавать свѣдѣнія и идеи русскія и общечеловѣческія, а не магометанскія, и притомъ на языкѣ киргизскомъ, а не на татарскомъ; татарскаго языка вовсе и преподавать не слѣдуетъ киргизамъ. Потому что, какъ учебный предметъ, татарскій языкъ и татарская письменность не имѣютъ никакого образовательнаго значенія, въ родѣ, напримѣръ, классическихъ или европейскихъ языковъ и литературъ. Если я настаиваю на киргизскомъ языкѣ для киргизскихъ школъ, какъ и вообще я стою за родные языки для обученія инородцевъ, то не какъ за образовательное средство, а какъ за орудіе самое естественное и удобное для сообщенія инородцамъ новыхъ понятій и научныхъ фактовъ.

Какъ лингвистъ, отчасти я могу завѣрить, что татарскій, т. е. арабскій алфавитъ, весьма неудобенъ для киргизскаго языка, скрадывая его существенныя фонетическія черты, рѣзко отличающія его отъ татарскаго языка; чрезъ русскій алфавитъ киргизскій языкъ будетъ совершенно огражденъ отъ татаризаціи.

Первоначальныя школы для киргизовъ должны быть особыя отъ русскихъ, по той простой причинѣ, что киргизята, не зная русскаго языка, не могутъ и учиться съ русскими вмѣстѣ. Поэтому не только не слѣдуетъ уничтожать киргизскія школы въ степныхъ укрѣпленіяхъ, но желательно даже размножить ихъ и по ауламъ.

Но прежде чѣмъ открывать новыя киргизскія школы или преобразовывать прежнія, уже существующія, необходимо составить и напечатать въ вышеуказанномъ направленіи учебники. Сколько знаю, по старой памяти, въ Оренбургѣ нѣтъ ни средствъ для составленія учебныхъ книгъ, ни даже, кажется, человѣка, который бы могъ дать должное этому дѣлу направленіе.

Въ Оренбургѣ я былъ знакомъ назадъ тому десять лѣтъ съ нѣсколькими киргизскими юношами 1-го выпуска киргизской школы. Изъ

ихъ особенно отличается даровитостью, здравомысліемъ, любознательностью и самымъ живымъ сочувствіемъ къ русскимъ книгамъ и къ русскому образованію, а къ киргизскому языку питалъ уваженіе и предпочиталъ его предъ татарскимъ,—Ибрагимъ Алтынсаринъ. Я его могъ хорошо узнать, бывъ коротко съ нимъ друженъ около двухъ лѣтъ. Впослѣдствіи онъ назначенъ былъ учителемъ и переводчикомъ въ Оренбургское укрѣпленіе, что теперь городъ Тургай. Изъ укрѣпленія онъ писалъ нѣсколько писемъ, порывался въ Казань для образованія, иногда высказывалъ свои педагогическія соображенія, какъ учитель киргизскихъ мальчиковъ... его было бы весьма полезно командировать въ Казань. Здѣсь во имя нашей прежней дружбы, при моемъ посильномъ указаніи, при совѣтахъ другихъ въ Казани педагоговъ, при богатствѣ учебныхъ книгъ и другихъ пособій, Алтынсаринъ занялся бы составленіемъ учебниковъ, а въ то же время онъ бы много позаимствовался здѣсь по части педагогики и знанія, которое необходимо учителю имѣть въ степныхъ и отдаленныхъ захолустьяхъ, гдѣ уже посовѣтоваться не съ кѣмъ будетъ, а главное—здѣсь онъ бы имѣлъ время вдуматься и убѣдиться въ пользѣ для киргизскаго образованія новыхъ началъ. Послѣ такой подготовки онъ же сдѣлался бы и самымъ ревностнымъ и успѣшнымъ пропагаторомъ этихъ новыхъ началъ въ степи.

Его слѣдовало бы затѣмъ сдѣлать учителемъ въ его ли родной мѣстности или въ другой, наиболѣе сохранившей свой киргизскій характеръ и наименѣе подвергшейся вліянію татарско-магометанской культуры. Такихъ пунктовъ можетъ быть нѣсколько, но тотъ или другой будетъ избранъ для первой школы—это все равно. Отсюда, какъ изъ средоточія, ученики Алтынсарина разнесутъ образованіе въ новомъ духѣ постепенно въ разные аулы и мѣстности, и надо стараться, чтобы школъ было какъ можно больше и въ укрѣпленіяхъ, и въ аулахъ, стараясь разрабатывать мѣстности, наименѣе тронутыя чужимъ вліяніемъ. Изъ этихъ первоначальныхъ школъ даровитые и любознательные ученики уже по своей охотѣ будутъ поступать въ русскія училища, гдѣ они усмотрятъ возможность дальнѣйшаго образованія.

Быть можетъ, мой убѣжденный и по крайнему разумѣнію практическій взглядъ на пріемы, постановку и характеръ киргизскихъ школъ лица, власть имѣющія, не найдутъ въ свою очередь доброкачественнымъ; но во всякомъ случаѣ, несомнѣнна безотложная надобность въ

учебникахъ для киргизскихъ школъ. Если бы мнѣ министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало такое порученіе, я могъ бы войти въ сношеніе съ Алтынсариномъ, или,—въ случаѣ его паче чаянія отказа, съ другимъ кѣмъ-либо изъ моихъ киргизскихъ знакомцевъ,—для командированія его въ Казань съ вышеизложенною цѣлью.

Надѣюсь, что подобное направленіе было бы полезно и для башкирскихъ школъ.

Преподаватель Казанскаго университета И. Ильминскій. Марта 30, 1870 года“ [1]).

Въ мартѣ 1871 года Ильминскій въ новой обширной запискѣ изложилъ свое мнѣніе по поводу открытія учительской школы для инородцевъ Оренбургскаго края.

Приведу изъ нея главныя общія соображенія:

„Киргизы, на всемъ огромномъ пространствѣ, занятомъ ихъ кочевьями, представляютъ едва ли не исключительный случай единства языка и быта народнаго. Это единство, въ связи съ кочевою подвижностію населенія, представляетъ удобство къ широкому развитію и распространенію новыхъ идей въ киргизскомъ народѣ. Старинныя понятія и бытовыя черты киргизскія хранятся во всей своей цѣлости уже въ глубинѣ степи, а на окраинахъ, гдѣ киргизы соприкасаются съ другими народами, входятъ къ нимъ чужіе элементы и понятія. Въ соприкосновеніи съ Средней Азіей киргизы усваиваваютъ понятія среднеазіатскія; но гораздо сильнѣе входятъ къ нимъ чужія понятія съ русской границы, только не русскія, а татарскія, не смотря на то, что русское населеніе здѣсь имѣетъ перевѣсъ надъ татарскимъ. Это, быть можетъ, обусловливается этнографическимъ сродствомъ киргизъ съ татарами. Одинъ военный, человѣкъ очень образованный, долго служившій въ Заилійскомъ краѣ и въ Туркестанской области, передавалъ мнѣ свое наблюденіе, что случаи обрусенія киргизовъ крайне рѣдки и притомъ единичны; какой-нибудь байгушъ попадаетъ въ услуженіе къ русскимъ; живя долго между ними, онъ свыкается съ русскимъ языкомъ и русскою жизнію, крестится, усыновляется въ русской семьѣ, женится на русской, дѣлается окончательно русскимъ и совершенно теряется для своего племени въ смыслѣ цивилизующей силы. Такіе случаи весьма рѣдки. Но если киргизъ, сознавши и почувствовавши неудобства кочевого быта, рѣшается усвоить удобства

[1]) Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ.

осѣдлой жизни, то онъ всегда усваиваетъ бытъ не русскій, а татарскій, гораздо рѣже—средне-азіатскій. Кромѣ того, что подобные случаи встрѣчаются гораздо больше, они дѣлаются не отдѣльными лицами, а цѣлыми семьями. Татары пришли въ Среднюю Азію вмѣстѣ съ русскими.

Такимъ образомъ отатареніе киргизскаго народа идетъ съ обоихъ концовъ—и съ русскаго и съ средне-азіатскаго, но съ перваго гораздо сильнѣе. Татарская культура постепенно, хотя еще довольно медленно, развивается между киргизами. Присоединю къ этому свое наблюденіе. Я замѣтилъ въ степи, что киргизскіе юноши, получившіе и довольно усвоившіе русское образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, остаются какъ-то одиноко и безпріютно среди киргизскаго народа, ихъ русскимъ идеямъ никто не сочувствуетъ и не подражаетъ; а другіе киргизы, султаны, даже состоящіе въ русской службѣ и въ русскихъ чинахъ, болѣе или менѣе переняли татарскія черты; вообще я нашелъ, что киргизская аристократія, родовая и капитальная, больше отличается татарствомъ, чѣмъ простолюдье и бѣднота. Къ этому татарско-магометанская грамотность, распространяющаяся между киргизами, разлагаетъ народный складъ и стремится обратить ихъ въ татаръ, чего въ концѣ концовъ и достигнетъ, если не будутъ приняты мѣры къ предупрежденію этого.

Представимъ себѣ двѣ картины: одна—населеніе, проникнутое гуманными, общечеловѣческими понятіями, благодушно-мирное, сочувственно-дружественное съ русскими; другая картина—населеніе фанатическое, религіозно-враждебное. Какая огромная разница. Первый результатъ нужно создавать почти съ начала, съ корня; между тѣмъ ко второму есть уже замѣтные зачатки.

Намъ желательно достигнуть перваго результата, и такъ какъ въ такомъ дѣлѣ никакія административныя мѣры не сильны, то орудіемъ и средствомъ къ тому должно служить народное образованіе, а дѣятелями—народные учителя. Я просто формулирую задачу образованія киргизовъ такъ: русское образованіе киргизовъ должно состоять въ томъ, чтобы развить въ населеніи степномъ общечеловѣческія понятія и русскія симпатіи...

Весьма важнымъ пособіемъ и орудіемъ въ дѣлѣ народнаго образованія служатъ книги, а въ настоящемъ случаѣ, въ примѣненіи къ киргизскому народу, книги даже существенно необходимы. Онѣ должны содержать предметы и понятія, развивающіе умъ и воспи-

тывающіе нравственное чувство. Первое назначеніе этихъ книгъ должно быть, конечно, учебное, но онѣ должны быть изложены не такъ сухо и схоластично, какъ писались учебники, по крайней мѣрѣ, въ былое время, а общедоступно и интересно для большинства народа. Первое условіе доступности книгъ—чисто киргизскій языкъ,—безъ всякой татарской примѣси; и затѣмъ—изложеніе простое, популярное, т. е. безъ техническихъ опредѣленій, безъ школьныхъ пріемовъ, не сжатое, а довольно обстоятельное. Притомъ эти книги должны быть интересны для народа и почтенны въ глазахъ его. Интересными эти книги могутъ быть тогда, когда онѣ будутъ соотвѣтствовать народному вкусу, народной любознательности, народнымъ понятіямъ о добромъ, честномъ, полезномъ и т. д. При этомъ, кромѣ излагаемаго предмета, большое значеніе имѣетъ манера изложенія, точка зрѣнія, вообще постановка предмета, примѣнительная къ народнымъ понятіямъ и вкусу, но примѣнительная настолько, чтобы не нарушалась научная истина. Какъ исполнить это требованіе—это можетъ опредѣлить только смыслъ или инстинктъ природнаго киргиза развитаго, но вполнѣ сохранившаго народное чутье и понимающаго народный духъ. Тѣ немногіе по-русски образованные киргизы, которые уже слишкомъ обрусѣли, слишкомъ привыкли къ городской жизни, къ служебной или чиновничьей обстановкѣ и отстали отъ киргизскаго быта, едва ли способны выбрать изъ общеобразовательныхъ предметовъ полезный для киргизовъ матеріалъ и дать ему интересную для народа постановку и освѣщеніе. Образованіе и цивилизація вообще сглаживаютъ народныя черты и притупляютъ чувство народности, которое нужно возстановить, проживши, послѣ школы, нѣсколько лѣтъ въ родныхъ аулахъ, въ средѣ народной.

На чистомъ киргизскомъ языкѣ для образовательныхъ книгъ я настаиваю (хотя это, кажется, съ перваго раза для всякаго понятно) потому, что знаю, какъ прежде господствовалъ, да и теперь еще, повидимому, господствуетъ въ киргизскихъ управленіяхъ татарскій языкъ, какъ этотъ языкъ усваиваютъ киргизскіе грамотѣи, дорожа имъ какъ чѣмъ-то особенно почетнымъ, а своимъ языкомъ пренебрегая, какъ неграмотнымъ, не книжнымъ, а между тѣмъ киргизскій языкъ во многихъ отношеніяхъ лучше, выразительнѣе татарскаго. Я опасаюсь, что въ Оренбургѣ этого дѣла не исполнятъ или исказятъ, хотя, впрочемъ, неумышленно. И чтобы киргизскій языкъ оградить отъ татарской примѣси въ формахъ и въ звукахъ, непремѣнно нужно приноровить къ

нему русскій алфавитъ. Не вдаваясь въ научныя, лингвистическія соображенія, я представлю практическія основанія. Во-первыхъ, алфавитъ русскій весьма удобенъ для первоначальнаго обученія грамотѣ. Въ отчетѣ г. инспектора училищъ Оренбургской губерніи находится интересное въ этомъ отношеніи наблюденіе одного учителя русско-башкирской школы, что башкирскія дѣти легче выучиваются сначала русской грамотѣ и потомъ—татарской, нежели наоборотъ. Но для башкирскихъ дѣтей русская грамота еще затруднялась непонятностью для нихъ русскаго языка, на которомъ написанъ изучаемый ими букварь; а если русскими буквами написать тексты на родномъ языкѣ, то дѣти овладѣютъ русской грамотой въ очень короткое время и легко. Выучившись читать русскими буквами, но на своемъ родномъ языкѣ написанныя книги, они безъ всякаго затрудненія перейдутъ къ чтенію русскихъ книгъ. Слѣдовательно, сокращается учебный трудъ для инородческихъ дѣтей. Во-вторыхъ, русскій алфавитъ съ небольшимъ только приспособленіемъ, способенъ вполнѣ выразить оттѣнки и особенности киргизской фонетики и сдѣлать киргизскій языкъ самостоятельнымъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ есть и каковымъ долженъ быть въ интересахъ киргизскаго образованія и развитія. Наконецъ, если удастся русскому алфавиту сдѣлаться орудіемъ киргизскаго языка, тогда разомъ устранятся, какъ ненужные и безполезные, эти многочисленные татарскіе писцы и грамотѣи, которые теперь наводняютъ степь и находятся почти при каждомъ чиновномъ киргизѣ для официальной переписки. Пока татарская грамота принята въ программу даже русскихъ школъ, дотолѣ киргизы будутъ отдавать своихъ дѣтей въ обученіе татарскимъ или отатарившимся грамотникамъ, полагая, что они чрезъ это подготовятъ дѣтей къ русской школѣ. Итакъ, съ вопросомъ объ образованіи киргизовъ тѣсно связанъ вопросъ о книгахъ на киргизскомъ языкѣ. Присовокупляю еще относительно книгъ, общедоступно изложенныхъ, то, что онѣ могутъ распространять научныя понятія далеко за предѣлы школы, въ среду киргизскаго населенія, и, привлекая къ себѣ вниманіе и сочувствіе родителей, расположатъ ихъ отдавать своихъ дѣтей въ учебныя заведенія, гдѣ обучаютъ ихъ такимъ полезнымъ и интереснымъ предметамъ. Поэтому составленіе и изданіе такихъ книгъ нужно бы по возможности ускорить, хотя я долженъ сказать, что это дѣло весьма трудное, если его исполнить въ изложенномъ видѣ и направленіи.

Главный интересъ обученія инородцевъ состоитъ не въ русскомъ языкѣ, а въ развитіи общечеловѣческихъ понятій, нравственныхъ на-

чалъ и убѣжденій, и русскихъ симпатій; собственно русскій языкъ, самъ по себѣ, имѣетъ второстепенное, хотя важное же, значеніе...

Преподаватель университета И. Ильминскій".

7-го марта 1871 г. [1]).

И. И. Ильминскому пришлось принять живое участіе и въ разработкѣ вопроса о просвѣщеніи Туркестанскаго края. Это было въ 1869 году при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ К. П. Кауфманѣ, который былъ сильно встревоженъ татарской и сартской колонизаціей степи и, въ стремленіи устроить тамъ образованіе на народно-русскихъ началахъ, обратился за помощью къ Ильминскому. Ильминскій совѣтовалъ Кауфману проводить въ Туркестанѣ тѣ же принципы, которые онъ считалъ необходимыми для правильной постановки школъ въ Тургайской области; по его мнѣнію, надо было сначала открыть въ киргизской глуши лишь одну школу съ учителемъ киргизомъ, въ родѣ Алтынсарина, а затѣмъ размножать школы лишь по мѣрѣ усиленія интереса населенія къ нимъ. Но Кауфманъ не исполнилъ этого совѣта.

Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ сталъ открывать въ Туркестанѣ низшія русско-туземныя школы и русскія средне-учебныя заведенія, между прочимъ Ташкентскую учительскую семинарію.

Однако, открытыя Кауфманомъ школы не нашли себѣ сочувствія среди киргизъ; степняки относились къ русскимъ недовѣрчиво и не поступали въ русско-туземныя школы, для пополненія которыхъ пришлось набирать учениковъ силою власти.

Памятникомъ участія Ильминскаго въ разработкѣ вопроса объ образованіи Туркестанскаго края осталась въ высшей степени интересная полемика по поводу введенія въ преподаваніе киргизскаго языка—русской транскрипціи. Кауфманъ считалъ необходимымъ примѣненіе русскаго алфавита безъ всякихъ измѣненій и обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ министру народнаго просвѣщенія графу Д. А. Толстому. Кауфмана поддержалъ попечитель Оренбургскаго учебнаго округа П. А. Лавровскій.

3-го мая 1876 г. Ильминскій представилъ по этому вопросу обширную записку на имя попечителя Казанскаго учебнаго округа.

Приведу изъ нея главныя соображенія:

Представленное господину попечителю Казанскаго учебнаго округа

---

[1]) Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ.

мнѣніе директора Казанской учительской семинаріи Н. Ильминскаго, отъ 3-го мая 1876 г. за № 120.

„Изъ документовъ, сообщенныхъ мнѣ вашимъ превосходительствомъ при предложеніи отъ 13-го апрѣля, за № 1441, видно, что г. Туркестанскій генералъ-губернаторъ, во-первыхъ, желаетъ, чтобы было исходатайствовано Высочайшее повелѣніе относительно принятія той или другой системы транскрипціи въ книгахъ, составляемыхъ на инородческихъ языкахъ для первоначальнаго обученія инородцевъ, такъ, чтобы эта система была обязательна для всѣхъ учебныхъ округовъ, въ которыхъ есть инородцы; во-вторыхъ, находитъ съ своей стороны нужнымъ принять для сказанной транскрипціи русскую азбуку безъ всякихъ дополненій и измѣненій...

Г. попечитель Оренбургскаго учебнаго округа вполнѣ раздѣляетъ мысль и основанія его высокопревосходительства, и въ доказательство своего убѣжденія ссылается между прочимъ на меня и на издаваемыя подъ моимъ руководствомъ книжки для первоначальнаго чтенія въ школахъ инородцевъ—черемисъ, чувашей и другихъ... Почти то же обнаружилось (присовокупляетъ Петръ Алексѣевичъ Лавровскій) и въ пособіяхъ по киргизскому языку въ Туркестанской области у г. Терентьева, а также въ печатныхъ руководствахъ по татарскому языку для крымскихъ татаръ.

Возбуждаемый вопросъ о транскрипціи, относящійся собственно къ языкамъ татарскому, киргизскому и башкирскому, или къ языкамъ татарскаго семейства, повидимому распространяется на всѣ инородческіе, даже финскіе языки, находящіеся въ трехъ сосѣдственныхъ между собой учебныхъ округахъ.

Съ самаго начала считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Принимая близкое участіе въ дѣлѣ инородческаго образованія и особенно въ переводѣ и разсмотрѣніи книгъ для инородцевъ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ, а восточными языками занимаясь около тридцати лѣтъ, я естественно воспиталъ въ себѣ практическое направленіе, и потому мои соображенія въ настоящемъ вопросѣ обусловливаются и ограничиваются опытными данными и не могутъ имѣть той широты и абсолютности, какія свойственны чисто-теоретическимъ разсужденіямъ.

Обращаюсь къ своему опыту.

Первая книжка на татарскомъ языкѣ, русскими буквами, переведена и напечатана мною въ 1862 году. Это букварь съ статьями христіанскаго вѣроучительнаго и молитвеннаго содержанія для кре-

щеныхъ татаръ. Должно замѣтить, что еще въ 1847 году, по случаю отпаденія крещеныхъ татаръ въ магометанство, обусловливаемаго и официально объясняемаго преимущественно незнаніемъ ими православной вѣры и непониманіемъ церковнаго богослуженія, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переводѣ на татарскій языкъ главнѣйшихъ богослужебныхъ книгъ. Вслѣдствіе этого и были переведены: литургія св. Іоанна Златоустаго, часословъ и Евангеліе. Эти переводы сдѣланы были на языкъ книжный магометанскій и напечатаны арабскими буквами. Въ переводной комиссіи состоялъ и я, какъ лицо впрочемъ второстепенное, и я вполнѣ раздѣлялъ магометанско-научный взглядъ на языкъ и алфавитъ татарскій, и сказанные переводы мнѣ представлялись основательными и удовлетворительными. По окончаніи уже этой работы привелось мнѣ въ 1856 году на мѣстѣ освѣдомляться о пригодности ея для крещеныхъ татаръ, и я увидѣлъ, что наши переводы, особенно литургія и часословъ, для нихъ почти совершенно непонятны и потому безполезны. Послѣ того, непосредственное знакомство съ крещеными татарами, киргизами и частію туркменами охладило мою прежнюю ревность къ книжному татарскому языку и воспитало во мнѣ рѣшительное уваженіе къ живой народной рѣчи, какъ единственному вѣрному памятнику даннаго языка. Народный языкъ я сталъ считать особенно важнымъ и необходимымъ въ дѣлѣ миссіонерскомъ и учебномъ. Арабско-татарскій алфавитъ я разлюбилъ, особенно тогда, когда во время своей трехлѣтней оренбургской службы увидѣлъ его несоотвѣтствіе киргизской фонетикѣ и вообще неспособность къ выраженію звуковыхъ особенностей разныхъ тюркскихъ нарѣчій. Въ букварѣ 1862 г., составленномъ подъ вліяніемъ уже этого взгляда, я старался употребить народный татарскій языкъ, какимъ говорятъ старокрещеные татары Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, среди и при помощи которыхъ я переводилъ букварь. Главная моя забота была о народности языка; алфавитъ же имѣлъ второстепенное значеніе. Я принялъ русскій алфавитъ потому, что крещеные татары вообще незнакомы съ арабскою грамотою, а нѣкоторые, обучавшіеся въ русскихъ школахъ, довольно хорошо умѣли читать по-русски. Русскій алфавитъ и русскую систему письма я принялъ цѣликомъ; я писалъ такъ, какъ мое ухо слышало татарскіе звуки; но долголѣтняя привычка къ арабско-татарской книжной орографіи препятствовала мнѣ вслушиваться въ точное произношеніе татарскихъ словъ. На первыхъ порахъ я находилъ нужными только два знака *нг* (сліяніе *н* и *г* для обозначенія носового *н*) и у; послѣднее для

одного только слова уй—домъ, въ отличіе его отъ слова уй—мысль. Въ 1863 году положено въ Казани небольшое начало для ученія крещено-татарскихъ дѣтей, а въ 1864 году формально открыта Казанская крещено-татарская школа, отъ которой чрезъ два послѣ того года начали отдѣляться отрасли—школы въ крещено-татарскихъ селеніяхъ разныхъ уѣздовъ и губерній, пользующіяся руководствомъ и направленіемъ Казанской школы и имѣющія для начальнаго обученія дѣтей тѣ же книги на татарскомъ языкѣ. Болѣе тѣсное сближеніе съ крещеными татарами служило къ исправленію языка переводовъ и обнаружило неудовлетворительность моей ороографіи, и каждое новое изданіе имѣло нѣкоторыя разности, такъ что ороографія въ главныхъ и существенныхъ чертахъ окончательно установилась въ 1866 году въ изданіи Евангелія отъ Матѳея...

Кромѣ приспособленія русскихъ буквъ къ татарскимъ звукамъ, мнѣ пришлось постепенно измѣнять и установлять ороографію. Въ первомъ изданіи букваря я писалъ су—вода, аулъ—деревня, аю—медвѣдь. Теперь мы пишемъ сыу, ауыл, айыу. Это сочетаніе ыу, родъ двугласной, внушено мнѣ крещено-татарскими мальчиками, учениками Казанской школы, которые по чутью употребляли его въ своихъ письмахъ, но оно совпадаетъ съ нормальнымъ составомъ словъ въ основномъ тюркскомъ языкѣ. Должно замѣтить, что когда въ нашихъ переводахъ не было установившейся болѣе или менѣе раціональной ороографіи и опредѣленнаго алфавита обучающіеся татарчата постоянно путались и затруднялись въ своихъ письменныхъ работахъ. Ороографія наша окончательно выработалась при ихъ содѣйствіи и избавила ихъ отъ всякихъ колебаній и недоразумѣній. Опредѣленность алфавита и ороографіи и возможная приспособленность ея къ дѣйствительной сущности инородческой фонетики полезны въ учебномъ дѣлѣ, потому что при самомъ первомъ обученіи грамотѣ установляютъ въ учащихся ясное и опредѣленное представленіе объ отношеніи буквенныхъ знаковъ къ звукамъ языка.

Послѣ того, какъ татарчата усвоятъ чтеніе на своемъ родномъ языкѣ, они легко переходятъ къ чтенію русскихъ книгъ. Но опытъ показалъ, что они долго ошибаются какъ въ чтеніи русскихъ книгъ, такъ особенно въ письмѣ подъ диктовку, а также въ письмѣ русскихъ словъ, заученныхъ ими съ устнаго произношенія. Поэтому послѣ усвоенія инородческими учениками чтенія книжекъ на своемъ родномъ языкѣ и твердаго знакомства съ русскими буквами, примѣненными къ ихъ языку съ какими-нибудь дополненіями, измѣненіями или безъ

всякихъ измѣненій и дополненій, во всякомъ случаѣ необходимо нужно, при переходѣ къ русскому чтенію, снова пройти русскую азбуку и отчетливо уяснить точное значеніе тѣхъ же буквъ въ русскомъ языкѣ.

Изъ этого опыта видно, что нѣкоторое затрудненіе перехода инородцевъ отъ своихъ книжекъ къ чтенію русскихъ книгъ зависитъ не отъ діакритическихъ знаковъ или какихъ-либо дополненій въ алфавитѣ, а отъ той разности, какая существуетъ между фонетикой русской и таковой даннаго инородческаго языка, вслѣдствіе чего инородческіе ученики привыкаютъ соединять съ иными буквами звуковое значеніе, отличное отъ русскаго произношенія тѣхъ буквъ. Поэтому легкость сказаннаго перехода будетъ зависить не отъ отсутствія измѣненій и дополненій въ русской азбукѣ, а отъ устраненія всякихъ недоразумѣній чрезъ разъясненіе подлиннаго русскаго произношенія буквъ.

Русскій алфавитъ въ крещено-татарскихъ книгахъ, благодаря размножившимся школамъ и довольно значительному уже числу обучавшихся и учащихся въ нихъ крещеныхъ татаръ, а главное благодаря простотѣ и народности языка, на которомъ составлены эти книги, можно сказать упрочился въ крещено-татарскомъ населеніи въ Казанской, Вятской, Уфимской и частью Оренбургской губерніяхъ..... Арабскій алфавитъ очень неудобенъ для языковъ татарскихъ, потому особенно, что онъ бѣденъ знаками для гласныхъ звуковъ, которыми, напротивъ, языки татарской группы богаты. Въ нихъ гласные звуки составляютъ не менѣе существенную и прочную часть словъ, чѣмъ согласные. Вдобавокъ, гласные звуки имѣютъ довольно большое значеніе въ діалектическихъ разностяхъ разныхъ языковъ и нарѣчій татарской группы. Сравнивая языки татарскій и киргизскій, можно сказать, что арабско-татарское письмо еще мало-мальски идетъ къ татарскому языку, но уже совершенно не годится для киргизскаго. Оно дѣлаетъ даже то, что, стушевывая и скрывая фонетическія особенности киргизскаго языка, для послѣдняго существенно важныя, влечетъ его къ поглощенію языкомъ татарскимъ и, слѣдовательно, къ уничтоженію..... Возвращаясь къ разсматриваемому вопросу о примѣненіи русской азбуки къ языкамъ магометствующихъ инородцевъ, я полагаю, что это дѣло на первыхъ порахъ не можетъ и не должно вдругъ быть вводимо въ большихъ размѣрахъ и на большомъ пространствѣ, а должно быть сначала въ видѣ опыта употреблено въ одной или немногихъ школахъ или небольшомъ обществѣ инородцевъ,

преимущественно юношей, которые окажутся воспріимчивыми и сочувственными къ русскому образованію. И русское образованіе вообще должно быть положено въ началѣ какъ малая закваска, которая бы, постепенно развиваясь, мало-по-малу могла входить въ массу инородческаго населенія“ [1]).

Министерство народнаго просвѣщенія, не довѣряя собственному взгляду на данный вопросъ, передало его на обсужденіе восточнаго факультета С.-Петербургскаго университета, но восточный факультетъ высказалъ мнѣніе, противоположное взглядамъ Ильминскаго.

Его превосходительству

Г. ректору Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

„Вслѣдствіе порученія г. министра народнаго просвѣщенія, возложеннаго на факультетъ восточныхъ языковъ, порученія, заключающагося въ томъ, чтобы разсмотрѣть препровожденную переписку министерства по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ изданію книгъ инородцевъ и дать заключеніе по этому вопросу, честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, что означенная переписка и вопросы, ею возбужденные, разсматривались и обсуждались въ факультетѣ разновременно въ теченіе трехъ засѣданій. Принимая во вниманіе:

1) Что ни одинъ народъ въ мірѣ не обладаетъ и не обладалъ такою азбукою, которая точно и вполнѣ удовлетворительно передавала бы звуки его языка со всѣми ихъ оттѣнками, и что на практикѣ никакихъ особыхъ затрудненій отъ того не происходитъ, ни для развитія литературы, ни для ежедневныхъ сношеній;

2) Что арабская азбука, находящаяся нынѣ въ употребленіи у народовъ тюрко-татарскихъ (принявшихъ ее вмѣстѣ съ исламомъ), соотвѣтствуя болѣе или менѣе фонетическому характеру симитскихъ языковъ, менѣе всякой другой пригодна для точной передачи звуковъ въ языкахъ тюрко-татарской семьи, а между тѣмъ народы, говорящіе означенными языками, находятъ возможнымъ довольствоваться и этою совершенно непригодною для нихъ азбукою;

3) Что русская азбука, одна изъ самыхъ богатыхъ между европейскими и азіатскими, несравненно способнѣе для передачи звуковъ, имѣющихся въ тюрко-татарскихъ языкахъ, нежели арабская, и потому можетъ быть уже по этому одному, не говоря о крайне важномъ

---

[1]) Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ. Казань 1883.

политическомъ значеніи такой мѣры, введена въ употребленіе между русскими инородцами тюрко-татарской семьи, большинство членовъ факультета, и въ томъ числѣ оба преподавателя тюрко-татарскихъ языковъ, пришло къ заключенію, что при изданіи какихъ бы то ни было книгъ для означенныхъ инородцевъ на ихъ языкахъ, слѣдовало бы ввести въ употребленіе русскую азбуку въ томъ видѣ, какъ она существуетъ безо всякихъ въ ней измѣненій и безо всякихъ къ ней дополненій, согласно съ мнѣніемъ г. Туркестанскаго генералъ-губернатора и г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа. Три же члена факультета (гг. Хвольсонъ, Розенъ и Цагарели), признавая вообще превосходство русской азбуки для тюрко-татарскихъ языковъ, сравнительно съ арабскою, выразили желаніе, чтобы съ примѣненіемъ русской азбуки для транскрипціи означенныхъ языковъ сдѣланы были, во вниманіи къ фонетикѣ этихъ языковъ, нѣкоторыя по мнѣнію ихъ, полезныя дополненія...

Нисколько не возражая противу этого мнѣнія трехъ членовъ съ чисто научной точки зрѣнія, остальные члены факультета отвергли всякую необходимость означенныхъ дополненій съ гораздо важнѣйшихъ, по мнѣнію ихъ, въ настоящемъ дѣлѣ точекъ зрѣнія практической и политической. Кромѣ того, не признали они надобности въ помянутыхъ дополненіяхъ и въ томъ соображеніи, что если допустить эти дополненія по мнѣнію трехъ членовъ полезныя, то нѣтъ причины отвергнуть и другія дополненія и измѣненія, какъ предложенныя уже гг. Радловымъ и Ильминскимъ, такъ и могущія быть предложенными впредь, тоже въ качествѣ полезныхъ и даже необходимыхъ, со стороны иныхъ партизановъ точной передачи фонетическихъ тонкостей; а въ такомъ случаѣ не будетъ и конца передѣлкамъ въ русской азбукѣ, какъ доказывается это примѣромъ г. Ильминскаго, который безпрестанно открываетъ новыя тонкости въ татарскомъ произношеніи, съ желаніемъ передать эти тонкости все новыми и новыми прибавками и измѣненіями въ нашей азбукѣ.

Такимъ образомъ факультетъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, 9-ти противу 3-хъ, призналъ русскую азбуку въ ея настоящемъ видѣ вполнѣ пригодною для транскрипціи звуковъ въ тюрко-татарскихъ языкахъ и не нуждающеюся для этой цѣли ни въ какихъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ. Точно такъ же находитъ онъ и вполнѣ удовлетворительною для практическихъ (научныя—другое дѣло) цѣлей, и въ приложеніи къ языкамъ инородцевъ Уральской семьи (чувашей, черемисъ и т. д.). Но по отношенію къ крещенымъ татарамъ (религія

въ разсматриваемомъ вопросѣ играетъ весьма важную роль), для которыхъ г. Ильминскій изобрѣлъ свою особую азбуку, которая употреблена имъ въ нѣсколькихъ напечатанныхъ уже учебникахъ и которую онъ постоянно совершенствуетъ, факультетъ полагаетъ, что въ видѣ немногочисленности этихъ татаръ, и чтобы не охладить ревности г. Ильминскаго къ дѣлу просвѣщенія ихъ и утвержденія въ православіи, которому нельзя не сочувствовать, для означенныхъ крещеныхъ татаръ можетъ быть, въ видѣ исключенія, оставлена усвоенная имъ г. Ильминскимъ русская азбука въ томъ видѣ, какъ онъ ее преобразовалъ.

Объ означенныхъ заключеніяхъ своихъ по отношенію къ предложенной г. министромъ задачѣ, факультетъ покорнѣйше проситъ довести до свѣдѣнія его сіятельства".

№ 10. Деканъ *В. Григорьевъ.*

31-го января 1878 г. За секретаря *В. Гирсъ* [1]).

Въ отвѣтъ на эту бумагу со стороны Ильминскаго послѣдовало обстоятельное объясненіе, которое привожу съ значительными сокращеніями:

„Мнѣніе Н. Ильминскаго 16-го мая 1878 года за № 153 по поводу сообщеннаго ему, при предложеніи г. попечителя Казанскаго учебнаго округа отъ 15-го марта 1878 года, отзыва факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета 31-го января того же года за № 10 и по возникшему въ министерствѣ народнаго просвѣщенія вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ изданію книгъ для инородцевъ.

Вопросъ этотъ состоитъ въ томъ: при изданіи книгъ для инородцевъ слѣдуетъ ли употреблять русскую азбуку въ ея настоящемъ видѣ, или допустить въ ней нѣкоторыя измѣненія и дополненія.

Факультетъ восточныхъ языковъ пришелъ къ заключенію, что при изданіи какихъ бы то ни было книгъ для инородцевъ на ихъ языкахъ слѣдовало бы ввести русскую азбуку въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, безъ всякихъ въ ней измѣненій и безъ всякихъ къ ней дополненій.

Въ отзывѣ факультета неоднократно упомянуто мое имя: говорится, будто я безпрестанно открываю новыя тонкости въ татарскомъ

---

[1]) Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ. Казань 1883.

произношеніи, съ желаніемъ передать эти тонкости все новыми и новыми прибавками и измѣненіями въ нашей русской азбукѣ; будто я изобрѣлъ для крещеныхъ татаръ свою особую азбуку (допущенныя мною приспособленія въ русскомъ алфавитѣ представляются факультету столь значительными, что отъ нихъ произошла какъ бы особая азбука); но въ то же время факультетъ полагаетъ, что для крещеныхъ татаръ можетъ быть, въ видѣ исключенія, оставлена усвоенная мною русская азбука въ томъ видѣ, какъ я ее преобразовалъ, и мотивируетъ такое въ мою пользу исключеніе слѣдующими соображеніями: во 1) чтобы не охладить моей ревности къ дѣлу просвѣщенія крещеныхъ татаръ и утвержденія ихъ въ православіи, которому (по словамъ факультета) нельзя не сочувствовать, во 2) немногочисленностью крещеныхъ татаръ, въ 3) тѣмъ, что религія въ разсматриваемомъ вопросѣ играетъ весьма важную роль.

Для меня, по совѣсти, вполнѣ дорого сочувствіе факультета къ моему дѣлу и признаніе важнаго значенія религіи, и мнѣ оставалось бы съ благодарностью пользоваться исключительнымъ правомъ въ своихъ крещено-татарскихъ изданіяхъ. Но важность дѣла обязываетъ меня объяснить тѣ основанія, по которымъ, а не по самолюбію, желалъ бы я признанія въ принципѣ необходимымъ приспособленій въ русской азбукѣ къ звукамъ инородческимъ. Поэтому при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ высокому положенію въ наукѣ и ученымъ заслугамъ гг. членовъ факультета восточныхъ языковъ, рѣшаюсь откровенно высказать свои объясненія вопреки ихъ соображеніямъ...

Поучительно видѣть, какъ происходила передача алфавитовъ у разныхъ народовъ. Православная греческая церковь передала греческій алфавитъ славянамъ и египтянамъ съ значительнымъ дополненіемъ особыхъ буквъ. Западные народы приняли латинскій алфавитъ отъ римской церкви безъ прибавки особыхъ буквъ, а только съ діакритическими значками при буквахъ. Магометанство перенесло арабскій алфавитъ разноплеменнымъ и разноязычнымъ народамъ, тоже съ нѣкоторыми только значками, именно точками. Замѣчательное совпаденіе папизма съ магометанствомъ въ неуступчивости по приспособленію алфавитовъ и снисходительность православной греческой церкви объясняются въ основѣ духомъ человѣчности послѣдней и духомъ преобладанія католичества и магометанства. А непосредственно это безъ сомнѣнія зависѣло отъ того, что какъ въ римской церкви Священное Писаніе читается и богослуженіе совершается только на языкѣ латинскомъ, такъ и у магометанъ читаются Коранъ и молитвы въ мечетяхъ

исключительно на арабскомъ языкѣ; впослѣдствіи времени наука у европейскихъ народовъ и у магометанъ излагалась тоже на этихъ только языкахъ; такъ алфавиты латинскій и арабскій и вошли повсюду безъ особыхъ измѣненій. На родныхъ языкахъ приводилось писать только какія-нибудь неважныя вещи, для которыхъ не стоило придумывать особаго алфавита. Православная церковь, напротивъ, всегда передавала Св. Писаніе и богослуженіе на языкахъ мѣстныхъ, родныхъ, заботясь сообщить ученіе вѣры, какъ образовательную силу. Поэтому на первыхъ же порахъ оказалась надобность обратиться къ родному языку народа, просвѣщаемаго христіанствомъ. Обиліе и обширность священныхъ и богослужебныхъ книгъ, возвышенность и новость содержанія требовали всевозможной опредѣленности какъ въ выраженіяхъ языка, такъ и въ самомъ звукоизображеніи. Отсюда естественно слѣдовала мысль о дополненіи, напримѣръ, алфавита греческаго новыми буквами для неимѣющихся въ греческомъ языкѣ звуковъ даннаго языка. Такъ явились особыя дополнительныя буквы славянскія и коптскія. Но при этомъ имена собственныя и нѣкоторыя названія священныя передавались съ точною орѳографіею греческою, хотя бы она и не соотвѣтствовала фонетикѣ даннаго языка...

Что касается государственныхъ отношеній, мы видимъ примѣры двоякаго рода. Иные народы, потерявъ родной языкъ и усвоивъ на мѣсто его языкъ господствующаго народа, продолжаютъ однако же пользоваться своимъ прежнимъ алфавитомъ: мало-азійскіе греки пишутъ по турецки греческими буквами, мароніты пишутъ по арабски сирскими буквами, евреи употребляютъ свое еврейское письмо для разныхъ языковъ, которые они усвоили по мѣсту жительства. Другіе народы, впрочемъ меньшіе числомъ, приняли вмѣстѣ съ языкомъ и алфавитъ господствующаго народа. Я могу указать только на коптовъ въ Египтѣ и на православныхъ христіанъ въ Сиріи, которые говорятъ по-арабски и пишутъ арабскимъ алфавитомъ. Копты, по крайней мѣрѣ, въ богослуженіи употребляютъ свои коптскія книги, а у православныхъ сирійцевъ и Библія и церковныя книги переведены на арабскій языкъ и написаны арабскими буквами. Но во всякомъ случаѣ сердце этихъ народовъ далеко отстоитъ отъ господствующаго народа и государства именно благодаря ихъ иновѣрію. Въ 1853 году, когда началась крымская война, я около трехъ мѣсяцевъ жилъ на Ливанѣ и посѣтилъ разныя его мѣстности, а также Дамаскъ и другіе города, и вездѣ я видѣлъ явное расположеніе православныхъ сирійцевъ къ русскому народу и къ русскому Царю, блаженной памяти Николаю

Павловичу, котораго они называли Меликна Никула (Царь нашъ Николай). Такое, можно сказать, влеченіе къ русскимъ людямъ и къ русскому Государю зависитъ единственно отъ православія, такъ какъ я видѣлъ въ то же время, что марониты и уніаты рѣшительно расположены къ государствамъ и народамъ католическимъ. При этомъ языкъ и алфавитъ не имѣлъ, разумѣется, никакого значенія...

Въ 1862 г. когда совершенно случайно я перевелъ на татарскій языкъ и напечаталъ букварь и въ слѣдующіе годы, когда переводились и издавались книга Бытія, Премудрость Іисуса сына Сирахова и нѣкоторыя другія, я дѣйствовалъ безъ всякихъ мудрованій, попросту, по душѣ. Переводились и печатались книги на глазахъ крещено-татарской школы; свѣжіе, еще не просохшіе листы прямо изъ типографіи передавались ученикамъ и читались ими за отсутствіемъ книгъ. Тутъ не было мѣста умствованіямъ и разсужденіямъ, или преднамѣреннымъ и заднимъ мыслямъ. Надъ дѣтьми простыми и темными стала возникать едва замѣтная заря, впервые стали они слышать и даже сами читать, какъ бы такъ сказать осязать животворныя христіанскія истины на языкѣ родномъ, простомъ и совершенно понятномъ, по своей простотѣ и естественности уму и сердцу ихъ близкомъ. Тутъ начался и происходилъ процессъ жизни, а не холодная разсудочная дѣятельность. Эти начальные годы возникшаго христіанскаго образованія крещеныхъ татаръ носятъ на себѣ отпечатокъ, можно сказать, религіозно-поэтическій. Меня Богъ привелъ стоять при колыбели духовной христіанской жизни крещено-татарскаго населенія. Я исключительно старался о языкѣ и изложеніи и вовсе не имѣлъ въ виду алфавита; между тѣмъ, на повѣрку оказалось, что и алфавитъ не отступилъ отъ пути, указаннаго исторіей. У меня даже оказывается меньше приспособленій, чѣмъ въ другихъ, т. е. древнихъ алфавитахъ...

Не могу при этомъ не остановиться нѣсколько на нареканіи, возводимомъ на меня въ отзывѣ факультета, какъ на яраго любителя фонетическихъ тонкостей. Въ своихъ крещено-татарскихъ изданіяхъ я ограничился наименьшимъ количествомъ самыхъ необходимыхъ приспособленій, не чуждыхъ при томъ русской письменности, и оставилъ безъ обозначенія довольно крупныя особенности татарскихъ звуковъ. Поэтому я положительно недоумѣваю, съ чего взялъ факультетъ приписать мнѣ небывалое свойство. Быть можетъ, я далъ къ тому поводъ довольно пространнымъ изложеніемъ, въ мнѣніи отъ 3-го мая 1876 года за № 120, постепеннаго развитія въ моихъ изданіяхъ орографіи главнымъ образомъ и только частію буквеннаго приспособле-

нія; но впрочемъ я не смѣю думать, чтобы ученые профессора могли не понять ходъ и сущность изложенной тамъ мысли. Самыхъ книгъ они, очевидно, не видали. Позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ письма г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа П. А. Лавровскаго на имя г. директора департамента министерства народнаго просвѣщенія отъ 4-го марта 1876 года. Высказавъ убѣжденіе, что самое лучшее, вѣрнѣйшее и простѣйшее средство заключается въ примѣненіи къ татарскому и киргизскому языкамъ русской азбуки безъ всякаго ея измѣненія или дополненія, Петръ Алексѣевичъ продолжаетъ: „Что эта мысль стала въ послѣднее время осуществляться и на практикѣ, даже въ Казани, по крайней мѣрѣ въ трудахъ, печатаемыхъ подъ руководствомъ г. Ильминскаго, доказывается изданными вторымъ, еще болѣе третьимъ изданіемъ, книжками для первоначальнаго чтенія въ школахъ инородцевъ—черемисъ, чувашей и другихъ". Эти слова г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, приведенныя мною съ буквальною точностью, ясно показываютъ, что онъ своими собственными глазами видѣлъ печатаемыя мною и подъ моимъ руководствомъ книги на разныхъ инородческихъ языкахъ; стало быть дѣлаемыя мною приспособленія до такой степени незначительны, скромны и съ характеромъ русскаго алфавита согласны, что нисколько не поражаютъ непредубѣжденнаго взгляда, даже какъ будто и незамѣтны для него...

Русская орѳографія представляетъ немалое затрудненіе для русскихъ дѣтей при первоначальномъ обученіи ихъ грамотѣ. Этого затрудненія для инородческихъ дѣтей не существуетъ, или лучше не должно существовать, потому что книги для нихъ составлены сейчасъ, историческаго элемента въ орѳографіи нѣтъ...

Поэтому мы пишемъ для крещеныхъ татаръ такъ, какъ они говорятъ. Такое точное соотвѣтствіе письма съ произношеніемъ въ нашихъ изданіяхъ весьма облегчаетъ для инородческихъ дѣтей усвоеніе грамоты: въ нѣсколько недѣль они научаются читать сознательно и отчетливо и писать, такъ сказать, орѳографично. Кромѣ сознательности, требуемой новѣйшей педагогіей съ самыхъ первыхъ шаговъ обученія, нашъ послѣдовательный, благодаря между прочимъ допущеннымъ двоеточіямъ и другимъ приспособленіямъ, способъ писанія на инородческихъ языкахъ облегчаетъ и ускоряетъ первоначальное обученіе. Если приложить къ инородческимъ языкамъ русскую азбуку безъ всякаго самомалѣйшаго приспособленія, въ такомъ случаѣ обученіе должно вести въ другомъ порядкѣ, именно: сначала должно выучить инород-

ческихъ дѣтей русской грамотѣ по русскимъ букварямъ и книгамъ, и когда они уже вполнѣ усвоятъ русскую грамоту, тогда только можно дать имъ книги на ихъ родномъ языкѣ. Такой порядокъ обученія былъ бы конечно очень неудобенъ и неестественъ“ [1]).

Желанія генералъ-губернатора Кауфмана не осуществились.

Алфавитъ, выработанный Ильминскимъ и принятый для изданій переводческой комиссіи, былъ, такъ сказать, узаконенъ самой жизнью, потому что эта комиссія была единственнымъ учрежденіемъ, издававшимъ переводы учебныхъ и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки восточной Россіи. Мысль же объ обязательномъ единомъ алфавитѣ для всѣхъ инородцевъ была оставлена.

Не осуществились и мечты Кауфмана объ упроченіи русскаго образованія въ Туркестанѣ: мѣропріятія русскаго правительства—нерѣшительныя и неумѣлыя—привели къ самымъ ничтожнымъ результатамъ.

Приведу для примѣра нѣкоторыя статистическія данныя.

Въ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областяхъ за 1899 годъ было:

Мусульманскихъ училищъ	5.246	съ	53.967	учащимися.
Русскихъ школъ	119	„	6.440	„
Мечетей	11.964	при нихъ	11.680	имамовъ.
Мазаровъ	331	„	421	шейховъ.
Ишановъ	391			
Православныхъ церквей .	42			

Такимъ образомъ въ Туркестанѣ русское образованіе привилось очень слабо. Въ тѣхъ же частяхъ киргизской степи, гдѣ примѣнялась система Ильминскаго, дѣло обстоитъ лучше.

На одномъ изъ засѣданій особаго совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ, созванномъ въ Петербургѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія весной 1905 года, А. А. Воскресенскій сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія о примѣненіи системы И. И. Ильминскаго въ школахъ среди киргизъ мусульманъ вообще, а Букеевской орды въ частности.

„По дѣлу устройства русско-киргизскаго школьнаго дѣла И. И. Ильминскій опредѣленно высказался въ 1870 г. Вся организація и част-

[1]) Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ. Казань 1883.

ности этого дѣла въ общемъ совершенно сходны съ предпріятіями И. И—ча въ этомъ родѣ у крещеныхъ татаръ: устройство низшихъ школъ, устройство учительской школы по образцу Казанской центральной крещено-татарской школы, съ преподаваніемъ на родномъ инородческомъ языкѣ, съ родными учителями и учительницами изъ киргизъ, съ учебными книжками на чистомъ киргизскомъ языкѣ, но напечатанными русскимъ алфавитомъ, съ устраненіемъ изъ школъ всякаго бездушнаго формализма и съ непремѣнной постановкой вмѣсто него воспитательныхъ идеаловъ, къ осуществленію коихъ каждая школа и всѣ онѣ должны усиленно стремиться. Такъ какъ русско-киргизскія школы предназначались дѣйствовать среди нехристіанскаго, магометанскаго населенія, то Н. И. рекомендовалъ поставить въ нихъ идеаломъ „общечеловѣческія понятія“ и отдавать предпочтеніе воспитательной сторонѣ дѣла. Киргизская школа должна запечатлѣться, писалъ онъ, особеннымъ нравственнымъ характеромъ, особеннымъ духомъ; напримѣръ, въ ней должны господствовать общее убѣжденіе и одушевленіе учениковъ учиться для умственнаго и нравственнаго образованія, а не изъ видовъ утилитарныхъ, торговыхъ или служебныхъ, удовлетворять любознательности своей, а не разсчитывать будущіе барыши и преимущества и т. п. Школа должна быть такъ поставлена, чтобы дѣти полюбили ее, чтобы они чувствовали себя въ ней, какъ дома, уютно, тепло, тогда разовьются въ нихъ гуманныя начала и благородныя чувства; „эти черты я привелъ,—пишетъ И. И—чъ,—только для объясненія, что я разумѣю подъ духомъ и нравственнымъ направленіемъ школы“.

Вышеизложенныя, высказанныя И. И—чемъ мнѣнія были приняты подлежащимъ начальствомъ къ свѣдѣнію и тогда же стали отражаться на постановкѣ школьнаго дѣла среди киргизъ.

Въ Тургайской области, гдѣ ближайшимъ образомъ дѣйствовалъ окружный инспекторъ инородческихъ школъ Оренбургскаго учебнаго округа В. В. Катаринскій, а инспекторомъ училищъ въ области состоялъ Алтынсаринъ, киргизъ, воспитанный подъ вліяніемъ И. И—ча, мнѣнія Н. И—ча нашли первое и наиболѣе полное приложеніе, хотя и не достигли окончательнаго осуществленія. Что касается другихъ киргизскихъ областей и въ частности Букеевской орды, то здѣсь не суждено было такъ скоро привиться мнѣніямъ И. И—ча. Все осуществленіе этихъ мнѣній сводилось только къ случайному назначенію по мѣстамъ учителей изъ киргизъ и къ употребленію въ школахъ киргизскихъ букварей,—и все это въ крайне незначительныхъ размѣ-

рахъ. Въ Букеевской ордѣ, куда онъ, Воскресенскій, поступилъ инспекторомъ училищъ въ 1894 году, не было въ это время еще ни одного учителя или учительницы изъ киргизъ. Русско-киргизскіе букварп, составленные по указаніямъ Н. И—ча, дѣйствительно находились въ школахъ, но они лежали на полкахъ, не тронутые ни учащими, ни учащимися. Г. Воскресенскій имѣлъ счастіе передъ тѣмъ находиться болѣе 10-ти лѣтъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ И. И—ча и не зналъ никакой другой системы для образованія инородцевъ, кромѣ указанной И. И—чемъ. Поэтому онъ немедленно же и безъ всякихъ колебаній приступилъ къ постановкѣ школы въ Букеевской ордѣ по мысли, идеямъ и указаніямъ Н. И—ча. Въ 1895—1896 гг. были открыты имъ 14 старшинскихъ (тоже аульныхъ) школъ, и тогда же въ 1895 г. былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ центральнаго училища, какъ разсадника мѣстныхъ народныхъ учителей для школъ въ ордѣ. Киргизскія дѣвочки вовсе не учились въ школахъ. Онъ употреблялъ усплія, въ духѣ И. И—ча, къ привлеченію и ихъ къ школьному обученію и имѣлъ въ томъ успѣхъ. Киргизки не только стали учиться, но представилось возможнымъ устроить даже и то, о чемъ раньше онъ не смѣлъ мечтать, а именно—открыть въ 1900 г. аульныя женскія школы съ учительницами-киргизками...

Примѣнивъ къ Букеевской ордѣ указанія И. И—ча о киргизской школѣ, г. Воскресенскій вполнѣ удовлетворенъ результатами настоящаго школьнаго дѣла, какъ оно сказывается въ успѣхахъ обученія и въ отношеніи киргизскаго населенія и самихъ муллъ къ инспектору училищъ. При этомъ г. Воскресенскій предложилъ для осмотра нѣсколько фотографій современнаго школьнаго дѣла въ Ханской Ставкѣ, съ учащимися киргизами и киргизками, учителями и учительницами изъ киргизовъ, а также кратко разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ своей практики. Наиболѣе характеренъ случай, имѣвшій мѣсто въ № 10 старшинства Нарынской части орды. Г. Воскресенскій пріѣхалъ туда 11-го марта 1905 года въ пятницу, ко времени совершенія праздничнаго мусульманскаго богослуженія (Джумги). Указанный мулла Султаналіевъ отложилъ часа на два совершеніе этого богослуженія. А затѣмъ, когда инспекторъ немного оправился послѣ поѣздки (ѣхалъ верхомъ), осмотрѣлъ мѣстныя медрессу и старшинскую школу, Султаналіевъ довольно церемоніально ввелъ его въ мечеть и, усадивъ по мусульманскому обычаю въ рядахъ молящихся по срединѣ мечети, на особомъ почетномъ коврикѣ, совершилъ обычнымъ порядкомъ пятничное праздничное богослуженіе, а по окончаніи его—моленіе о

Государѣ Императорѣ, Государынѣ Императрицѣ, Государѣ Наслѣдникѣ и проч.".

Такое сближеніе инородцевъ съ русскими проявляется всюду, гдѣ школа по системѣ Ильминскаго могла безпрепятственно развиваться и пустила глубокіе корни среди инородческаго населенія.

Особенно это замѣтно у крещеныхъ инородцевъ, гдѣ сближеніе совершается на почвѣ общей христіанской вѣры и согрѣвается религіознымъ чувствомъ. Такъ укрѣпилось въ православіи болѣе 100.000 крещеныхъ татаръ. Такъ между чувашами проявляется значительное образовательное и религіозное движеніе. Такъ начинаютъ пробуждаться отъ долголѣтняго духовнаго сна тѣ части вотскаго и черемисскаго племени, куда проникли школа и богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ.

Въ виду такихъ неопровержимыхъ доказательствъ жизнеспособности и цѣлесообразности инородческой школы, тѣ гоненія, которымъ она часто подвергалась со стороны администраціи, вызываютъ глубокое горестное изумленіе.

Невольно вспоминается мнѣ восклицаніе, слышанное иногда отъ инородческихъ дѣятелей: „есть ли худшіе сепаратисты, чѣмъ насильственные обрусители".

Въ заключеніе позволю себѣ обратиться къ отчету Казанской учительской семинаріи за 1889—1890 и 1890—1891 года, написанному по порученію перваго ея директора Ильминскаго его сотрудникомъ и преемникомъ Н. А. Бобровниковымъ. Ильминскій, тогда уже безнадежно больной, очень желалъ, чтобъ этотъ отчетъ былъ напечатанъ, и получилъ на то разрѣшеніе министра за нѣсколько дней до своей смерти.

Приведу изъ отчета заключительныя слова, потому что они рисуютъ положеніе дѣла не только во время жизни Ильминскаго, но и послѣ его смерти.

„Отчетъ о дѣятельности семинаріи не будетъ полнымъ, если въ немъ не упомянуть о переводческой и издательской дѣятельности ея. Дѣятельность эта до такой степени необходима въ общей системѣ инородческаго образованія, что безъ нея вся система, выработанная въ 1870 году, осталась бы мертвой буквой.

Учительская семинарія, точнѣе кабинетъ директора ея, есть мѣсто, гдѣ почерпаютъ вдохновеніе и находятъ помощь и указанія всѣ работники надъ просвѣщеніемъ инородцевъ: учителя сельскихъ школъ, священники, любознательные благочестивые крестьяне. Въ этомъ кабинетѣ съ ранняго утра до глубокой ночи толпятся скромные сель-

скіе дѣятели, читаются и исправляются переводы на инородческіе языки, ведутся бесѣды о школьныхъ дѣлахъ.

Пишущему эти строки пришлось провести эту зиму за границей; тамъ, присутствуя на урокахъ въ écoles normales, слушая повѣствованія о прославленномъ и блестящемъ кардиналѣ Лавижери, которымъ такъ гордится все католичество, я часто переносился мысленно въ полутемный корридоръ нашей семинаріи. Слушая, какъ внушаютъ арабчатамъ: „вы должны любить французскій языкъ, потому что это лучшій въ мірѣ языкъ, вы должны любить Францію, потому что она богата и сильна, потому что въ ней болѣе солдатъ, чѣмъ въ Алжиріи всѣхъ жителей", я съ патріотическою гордостью представлялъ себѣ толпы инородцевъ, которые ежедневно приходятъ въ нашу семинарію и ломанымъ языкомъ спрашиваютъ книгу о загробной жизни, о чукѣ, молитвенникъ и пр. Инородцы обычно не спрашиваютъ дороги, они у себя въ деревнѣ еще знаютъ, въ какую дверь надо имъ постучаться" [1]).

Въ этой именно дѣятельности Казанской учительской семинаріи проявлялся самымъ наглядымъ образомъ тотъ духъ, которымъ проникнута была вся просвѣтительная система, носящая названіе „системы Ильминскаго".

Тамъ, въ кабинетѣ директора, съ утра до ночи толпились скромные сельскіе дѣятели, учителя, священники, крестьяне. Всѣ они приходили туда не какъ къ начальнику, а какъ къ другу, и всѣ они находили сердечное, внимательное отношеніе къ ихъ нуждамъ, искренній совѣтъ и дружескую помощь.

Такое отношеніе Ильминскаго къ инородцамъ проистекало изъ того глубокаго, искренняго уваженія къ личности каждаго даже самаго темнаго и неученаго человѣка, которое составляло одну изъ главныхъ особенностей его характера. Это уваженіе къ чужой личности являлось слѣдствіемъ основного свойства душевнаго склада Ильминскаго; онъ былъ весь проникнутъ стремленіемъ къ осуществленію правды въ жизни, и это стремленіе побуждало его къ неустанному служенію темнымъ заброшеннымъ инородцамъ.

Этому служенію Ильминскій отдавалъ всего себя безъ всякой задней мысли, исключительно изъ желанія принести инородцамъ пользу и счастіе.

---

[1]) Отчетъ Казанской учительской семинаріи за 1889—1890 и 1890—1891 учебные года. Казань 1892.

Поэтому онъ стремился къ тому, чтобы привлечь инородцевъ къ участію въ тѣхъ благахъ, которыя онъ считалъ наивысшими.

Какъ глубоко религіозный человѣкъ, Ильминскій для инородцевъ православныхъ желалъ прежде всего настоящаго православія, и къ такому православію ему хотѣлось привлечь и язычниковъ.

На почвѣ искренняго благочестія Ильминскій могъ сближаться съ каждымъ религіозно-настроеннымъ инородцемъ, и передъ единствомъ вѣры исчезали всѣ различія происхожденія, развитія, положенія. Такъ Ильминскій въ теченіе 30 лѣтъ жилъ въ неизмѣнной душевной близости съ бывшимъ водовозомъ Василіемъ Тимофеевымъ.

Изъ религіозныхъ побужденій вытекала та сторона дѣятельности Ильминскаго, которая носила характеръ миссіонерскій: его работы по переводамъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки, его хлопоты о введеніи богослуженія на этихъ языкахъ, его заботы о духовенствѣ изъ инородцевъ, его стремленіе къ развитію христіанскаго настроенія въ сельскихъ школахъ.

Но религіозность Ильминскаго не внушала ему нетерпимости къ иновѣрцамъ. Ильминскій искалъ въ каждомъ человѣкѣ душу и умѣлъ пробуждать въ ней созвучныя своей душѣ ноты. Поэтому и съ иновѣрцами онъ находилъ общую почву, на которой возможно было столковаться и взаимно сблизиться, почву общечеловѣческихъ идей и обще-нравственныхъ понятій.

Такъ онъ заботился о просвѣщеніи киргизъ и издавалъ на киргизскомъ языкѣ свѣтскія книги съ нравственнымъ направленіемъ.

Такъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ, съ 1860 до 1889 гг., сохранялъ самыя дружественныя отношенія съ киргизомъ магометанином Алтынсаринымъ, инспекторомъ народныхъ школъ Тургайской области. Алтынсаринъ до конца своей жизни переписывался съ Ильминскимъ и, умирая, говорилъ своему племяннику, который находился при немъ, чтобы онъ обращался къ Ильминскому и слушался его совѣтовъ. Ильминскій же во время своей послѣдней болѣзни диктовалъ свои воспоминанія объ Алтынсаринѣ.

Какъ горячій патріотъ, Ильминскій мечталъ о братскомъ сліяніи всѣхъ инородцевъ, населяющихъ Россію, въ одну семью, о единеніи всѣхъ инородческихъ племенъ съ русскимъ народомъ на почвѣ любви къ общей для всѣхъ нихъ родинѣ.

Но стремясь къ созданію такого единенія инородцевъ съ русскими, Ильминскій отнюдь не хотѣлъ обрусѣнія инородцевъ, т. е. внѣшняго механическаго сближенія, заимствованія ими русскаго языка и рус-

скихъ обычаевъ. Самъ онъ, съ учителями изъ крещеныхъ татаръ, бывшими своими учениками, переписывался всегда по татарски и радовался, когда видѣлъ, что инородцы сохраняютъ свои національныя особенности.

Напримѣръ, Ильминскій не хотѣлъ, чтобы киргизы сдѣлались татарами, но не хотѣлъ сдѣлать ихъ и русскими. Онъ желалъ видѣть ихъ киргизами, но только принимающими участіе въ благахъ усвоенной русскими культуры. Въ противовѣсъ поглощающему и нивеллирующему всѣ народности исламу, Ильминскій всегда выдвигалъ и отстаивалъ элементъ *національный*.

„Христіанство не посягаетъ на народныя особенности, не сглаживаетъ ихъ формальнымъ или внѣшнимъ уровнемъ, не обезличиваетъ человѣка или народа“, писалъ Ильминскій, противопоставляя христіанство нивеллирующему исламу, „но соединяетъ народы и племена внутреннимъ, искреннимъ и прочнымъ союзомъ любви“.

Если Ильминскій не посягалъ на обезличеніе инородцевъ христіанъ, то тѣмъ менѣе онъ стремился къ „обрусѣнію“ инородцевъ магометанъ, желая только распространенія среди нихъ общечеловѣческихъ идей и русскихъ симпатій.

Это стремленіе создавать почву для сердечнаго единенія между разноплеменными инородцами и кореннымъ русскимъ населеніемъ является главной руководящей нитью во всей дѣятельности Ильминскаго.

Только черезъ посредство русскаго народа инородцы могутъ сдѣлаться участниками европейской, а не азіатской культуры. Только при нравственномъ единеніи съ русскимъ народомъ инородцы могутъ жить спокойно и счастливо. Только при братскомъ единеніи всѣхъ своихъ разноплеменныхъ сыновъ Россія можетъ быть великой и сильной. Поэтому Ильминскій и работалъ съ цѣлью дать инородцамъ необходимое имъ развитіе, поэтому онъ и старался о томъ, чтобы инородцы изучали въ школахъ русскій языкъ, хлопоталъ о совмѣстномъ съ русскими обученіи язычниковъ и магометанъ безъ всякаго покушенія на прозелитизмъ, проводилъ въ своей школьной системѣ русскую идею.

Но эта русская идея отнюдь не должна была принижать инородцевъ и посягать на ихъ нравственное достояніе. Родной языкъ дѣтей, языкъ инородческій, оставался по системѣ Ильминскаго основой воспитанія инородцевъ и краеугольнымъ камнемъ ихъ нравственнаго и

умственнаго развитія, а не только орудіемъ къ изученію языка русскаго.

Система Ильминскаго не относится пренебрежительно къ инородческому языку, нехотя допуская его, какъ *средство*. Она не ставитъ его и *цѣлью* въ смыслѣ потворства стремленію инородцевъ къ племенному обособленію. Система Ильминскаго принимаетъ инородческій языкъ, какъ *фактъ*, и говоритъ, что по требованіямъ справедливости инородцы должны имѣть инородческую книгу, молитву на инородческомъ языкѣ, инородца-учителя и инородца-священника.

Такимъ образомъ, система Ильминскаго проникнута широкимъ общечеловѣческимъ духомъ; она не есть миссіонерскій пріемъ, она не есть способъ обрусѣнія, она характеризуется слѣдующимъ опредѣленіемъ, формулированнымъ уже послѣ смерти Ильминскаго однимъ изъ его ближайшихъ сотрудниковъ и послѣдователей: „мы хотимъ, чтобъ инородцы сами пришли къ намъ по любви“ [1]).

С. Чичерина.

---

[1]) *Н. А. Бобровниковъ*. Къ вопросу о корейскихъ переводахъ. Казань 1905.

2007059333